

Глухов Александр

*Нетипичный атом
общества*

16+

Александр Сергеевич Глухов
Нетипичный атом общества

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68317583

SelfPub; 2022

Аннотация

История одной деревенской семьи на фоне истории жизни и событий страны.

Александр Глухов

Нетипичный атом общества

Замечателен май в средней полосе России, когда природа, очнувшись от зимней спячки и обсыхая от половодья и непролазной грязи, одевает цветным убранством сады, луга и поля. В первой половине месяца уже летят майские жуки, но комариный сезон ещё не начался. Густо покрывается белым цветом вишня. Днём воздух прогревается высоко стоящим солнцем и люди сплошь одеваются по-летнему. Девушки натягивают на себя легчайшие коротенькие платья или юбочки, демонстрируя свои стройные, гладкие ноги. Иные отчаянные головы пытаются начать купальный сезон. В мальчишеской среде всегда находятся толи бесстрашные, толи глупые натуры, которые лезут в ледяную воду с первого мая и отчаянно воя и синея от холода, держатся в ней несколько секунд. Но, наступает долгий поздневесенний вечер, температура резко падает, особенно в ясную погоду и начинается поголовное надевание свитеров и курток. Полулетнюю тишину пронзают неповторимые соловьиные трели, успокаивается грачиный гомон, а старшие братья Котелкины подсаживаются на красивую фигурную скамейку к Людмиле Королевой. Она, пятнадцатилетняя старшеклассница, невысокого роста и очень умеренной смазливости, принимает приход соседей за знаки внимания к себе. Отчасти, это

правда, но главная задача визита Василия и Лёшки, в оценке будущего урожая вишен в огороде тёти Дуси, с которого они вскоре возьмут свою ночную десятину неформальной дани...

Мысленно, я возвращаюсь на пятьдесят лет назад, в весну 1970 года и отчетливо вижу эту картину. Ещё кипела жизнь на улице Перспективной, ещё жива была русская деревня, не добитая коммунистами, демократами и прочими либерал-реформаторами.

В конце апреля, в разгар великого разлива, уступающего, разве что половодью 1908 года, во время почти всероссийского потопа, с умеренным размахом и, даже, с излишней скромностью отметили столетний юбилей Ленина. Советские вожди ритуально поклялись в верности ленинизму, о котором имели весьма смутное представление и тут же о нём забыли.

Стареющий Ильич второй, говорил ещё внятно и не причмокивал на каждой фразе.

Алексей Исаев, совместно с Николаем Бабакиным реализовывал автоматическую лунную программу, а заодно консультировал фильм «Укрощение огня».

Советский Союз только-только отпраздновал 25 лет Победы, а многим ветеранам не было ещё и пятидесяти лет. Они, почти ничем, за исключением ран, или, отсутствием той или иной конечности, не выделялись среди прочих мужчин и никогда не произносили пафосных речей, в отличии от распло-

дившихся позднее псевдогероев.

Зажиточные аборигены почти бескрайней страны, а таких набиралось немало, с нетерпением ждали массового выпуска автомобиля «Жигули». Собственно говоря, это была итальянская машина «Фиат», слегка переделанная под русские дорожные возможности...

Первоначально я хотел, даже, стремился написать юмористический рассказ, о реальной жизни Володи Котелкина, короткой, необычной, с полусмешной и полугрустной кончиной. Жизнь внесла коррективы – после десяти лет бесплодных попыток описать его историю, мне показалось более логичным, изложить на бумаге трагикомическую, с элементами драматизма судьбу всей семьи Котелкиных.

Экраны телевизоров и книжные полки заполнили герои и события, высосанные из пальца, а, возможно, навеянные алкогольным, или наркотическим опьянением. Лично мне, подозревая, что и многим другим, изрядно поднадоели эти мифические толпы суперменов и катастрофы вселенского масштаба, сочиненные, не иначе как с похмелья. Я решил, пусть в моих произведениях действуют настоящие, хотя и не мирового уровня герои, зато они не выдуманы и стоят того, чтобы о них знали. Буду рад, если, даже немногие читатели посмеются над их жизнью, посочувствуют им, или задумаются о бренности бытия и переменчивости судьбы.

К весне 1970 года семья Котелкиных пополнилась пятым и последним ребёнком – Вовкой. С его рождением, стар-

шие братья Василий и Лёшка быстренько перебазировались в сенной сарай, ил «сушило», как называют его в подмосковной деревне. Они считались самыми работающими парнями не только на улице Перспективной, но и среди всех окрестных селений. С конца мая, до 31 августа, в течении трёх лет пасли деревенскую скотину, имея заработок 270 рублей в месяц – деньги, по тому времени, почти сумасшедшие (подавляющая масса населения тогда зарабатывала 70-110 рублей). Половину денег ребята забирали себе, а другую половину отдавали матери и считались наиболее зажиточными подростками. Оба, при возможности раздобыть бензин, раскатывали на двухскоростных мопедах «Верховина», а старший – Василий, уже не слишком гордился магнитофоном «Романтик», в мечтах претендуя на знаменитую «Спидолу».

Так почему-то получилось, что его с раннего детства величали Василием, сначала – со снисходительностью, а потом и всерьёз.

В отличии от него Лёшка, так и остался Лёшкой в глазах односельчан, не взирая на то, что после кончины Михаила Дмитриевича Королёва, стал исполнять обязанности директора подсобного хозяйства при огромном психоневрологическом интернате.

Среднего ребёнка (двое старше его, двое – младше) Юрку, рожденного в последний полный год правления Никиты Хрущева – 1963-й, когда повсюду славил Валентину Терешкову и Валерия Брумеля, а также, ввели талоны на про-

дукты по всей стране, с раннего детства почтительно именовали «Иванычем». За что удостоился такой чести наиболее маловыразительный и серый из братьев Котелкиных не вполне понятно, но следует добавить, что он окажется впоследствии и самым хитрым в своей семье.

Что касается Татьяны, в описываемый период времени – пятилетней Таньки, можно зафиксировать лишь то, что даже во взрослом возрасте не достигла роста 150 см...

Кстати, пастушеский дефицит образовался благодаря реформе Косыгина, и он распространялся лишь на частную скотину – совхозных ковбоев хватало (колхозы к 1970 году в районе начисто исчезли). Люди стали дорожить официальной работой, пенсии приблизились к прожиточному минимуму, а прилавки магазинов изрядно наполнились. Широкие массы шабашников и полутунеядцев рванули на не слишком «хлебные», зато не обремененные трудом места...

Краткая предыстория семьи такова. Убоявшись почти рабского колхозного труда, особенно, после голода 1949 года, два брата Котелкины, в том числе кривой Иван, уроженцы деревни Молодинки, ныне Коломенского, а прежде Егорьевского района, всеми правдами и неправдами решили получить в сельсовете паспорта (которых, как известно, колхозники не имели) и податься на любую другую, более привлекательную и менее обременительную работу. Счастье подвалило к ним между арестом генерал-полковника Абакумова и последующим арестом его антагониста Рюмина.

Егорьевский леспромхоз набирал кадры для валки леса и выделки древесного угля металлургическим заводам Коломны. Металла для ЗТС и тепловозостроительного заводов требовалось много, а древесный уголь, как известно, имеет преимущество по теплоте сгорания, даже перед каменным. Старший брат одноглазого Ивана, поселился в селе Сергие – центре переработки древесины, а сам Иван, с менее удачливыми компаньонами попал в лесное поселение со странным названием Бараки, в шести километрах от Колычёва и пяти от Тимшина. От Бараков до Коломны ещё раньше была проведена узкоколейка, для доставки древесного угля. Подобные железные дороги из облегченных рельсов, пронизывали глубинку и даже центральные области страны в различных направлениях. К примеру, последняя узкоколейная дорога в Егорьевске, действовала до самого конца двадцатого века...

Настоящих бараков в одноименном лесном поселении как раз не было. Название, скорее всего, сохранилось с послевоенного и первого послевоенного времени, когда немецкие военнопленные под командованием могучего сибиряка с берегов Енисея Константина Маковского валили лес в глубине массивов (вдоль дорог, в войну деревья начисто спиливались и отправлялись на нужды фронта), выжигали уголь и занимались лесопосадками. Константин, после ликвидации лагеря для военнопленных, демобилизовался и пошел в зятя к старому Тимофею Елину, женившись на его миниатюрной дочери Оленьке, а позднее отстроил добротный дом в дерев-

не Колычёво, на улице Перспективной, напротив липового парка, и детского сада...

Котелкин Иван и двое братьев Бельдягиных возвели с помощью леспромхоза три пятистенных дома средней величины, без изысков, но из отменного леса и поселились в полуглухом месте без электричества, радио и при отсутствии прочих комфорта цивилизации, о которых советская деревня тех лет не имела почти никакого представления.

Братьям Бельдягиным – Анатолию и Ивану, часто прибегала помогать их юная и тонкая, как ивовый прутик сестра Тамарка. Она приносила еду, приглядывала, как дымится обложенный дёрном березняк и зубоскалила с кривым Иваном (после войны ценились любые мужики). Так они и поженились вскоре.

Тамарины ближайшие родственники, тоже не отстали и обзавелись женами – элитными непроходимыми дурами, Клавкой и Тонькой. Элитными в смысле редчайшей глупости. Вряд ли их можно назвать полуграмотными, они способны ещё были расписаться каракулями, а уже одолеть полстранички крупного печатного текста, являлось для новоявленных жён непосильным делом.

С началом правления Брежнева, поставки древесного угля стали стремительно сокращаться и три родственных семьи перебрались ближе к цивилизации. Младший Бельдягин – Анатолий и Котелкин Иван срубили дома напротив друг друга, а другой брат Тамары – Иван, слепил худенький, не

в пример бараковскому домику, метрах в ста пятидесяти, на отшибе.

Деревенский балагур, местный изрекатель афоризмов, не всегда крылатых, но ехидных и насмешливых зачастую, Митька Ряжнов, могучий одноногий инвалид, с первого месяца знакомства с женами Бельдягиными, переставя вторую и третью буквы в фамилии местами, видоизменил её до неприличия. Чуть позднее, он, за партией домино с коллегами (тоже одноногими) Васькой Лохмачем и Борисом Максимовым, заявил, что Тонька с Клавкой впитали в себя и олицетворяют многовековую народную глупость...

Ночи укоротились до предела. Василий сдавал последний выпускной экзамен, за который рассчитывал получить отметку не ниже четвёрки. Лёшка выбивался из сил на пастьбе – в одиночку стало трудновато справляться с немалым деревенским стадом. Особо досаждали безмозглые овцы и шкодливые козы, так и норовившие ускользнуть из-под опеки. Он мысленно поругивал Василия и злорадно предвкушал свой единоличный заработок.

В девять часов утра, или несколькими минутами позднее, усталый Лёша, гордо неся на плече фигурно плетёный, с изящной бахромой кнут, хвост которого с конским волосом на кончике, волочился по песку далеко позади него, зорким пастушеским взглядом срисовал незнакомку. Она, с любопытством оглядывая улицу и остаток пылящего стада, шла с соседкой Котелкиных тётей Аней навстречу юному ковбою.

Напротив дома Витьки Хитрова, по прозвищу Балон они сошлись на встречных курсах. Из-за калитки, чуть приоткрыв рот, высовывался изумлённый Балон. Лёшка приостановился, вроде как поздороваться с приятелем, на самом деле разглядывая новенькую. В ответ оба получили откровенно изучающе-оценивающий взгляд. Так на улице Перспективной появилась рослая юная красавица, племянница тёти Ани, Таня Иванова – Лёшкина ровесница.

При вечернем возвращении стада Василий уже катал Танию на своей «Верховине», а на скамейке у Королёвых, кроме Людмилы, восседали неестественно оживлённые кандидаты в кавалеры – Витька Балон и его одноклассник Валерка Сарычев, с женским прозвищем «Галка». Брат его Женька, также имел дамскую кличку «Клара», а их сестра обзывалась «Протезом». Странность прилепленных клейм, заключалась в злобных языках местных хохмачей и приколистов, во главе с Митькой Ряжновым.

Лёшка с неприличным равнодушием прошагал мимо лавочки и демонстративно отвернулся от брата, который отчаянно газуя промчался мимо него, обнимаемый сзади смеющейся утренней незнакомкой.

Через пару-тройку минут, Людмила, капризно скривив губки, потребовала покатать её. Василий безоговорочно принял ультиматум и совершил три челночных рейса с радостной соседкой, к которой если и испытывал симпатию, то в самой лёгкой форме.

Пока они катались, Таня, непостижимым умом женской барышней логики, оценила сидящих рядом с ней представителей сильного пола. Мнение её оказалось далеко не лестным. Приторная навязчивость Валерки «Галки», да ещё и с лёгкой наглинкой, вызывало отталкивающее чувство, которое она, будучи девушкой неглупой, внешне никак не проявила. Что касается Витьки Балона, то его плюсы перечёркивал невысокий рост, ниже юной москвички он оказался сантиметров на двадцать.

С утра, ближе к десяти часам, пошли «на дело», как выразился Котелкин-старший. Прелесть «дела» заключалась в грядке клубники на огороде тёти Шуры Зотовой, дочь которой добилась некоторых успехов в селекции. Званы были Таня с Людмилой и Лёшка, который в резкой форме отказался. Люда также отвергла предложение:

– Зачем лезть в чужой огород, когда полно клубники у отца на работе?

– Ну как ты не понимаешь? Топать в сад подсобного хозяйства дальше и никакой романтики, это любой дурак сможет. Ты попробуй проявить ловкость.

Василий принялся, изрядно горячась, доказывать прелесть кражи, но девица осталась при своём мнении. Таня же с легкостью согласилась на мелкую авантюру. В качестве стоящего «на стрёме» привлекли Балона, который идею оценил с энтузиазмом.

В парке, бывшем имении Оболенских, с давних пор свил

гнездо пионерский лагерь «Чайка». Он был обнесён забором из штакетника и связан с прочим миром огромными выездными воротами и пятью входными калитками.

Тётя Шура – клубниковладелица проживала на Парковой улице, напротив лагерной столовой, с южной стороны которой примостился летний театр, со сценой, во всю ширину здания и длинными рядами деревянных скамеек.

Троица злоумышленников подошла к объекту «набега» со стороны кладбища, противоположной от парка. Сквозь широкие щели задней калитки, Тане показали знаменитую грядку элитной клубники, до которой насчитывалось шагов семь-восемь. Просунув руку, Василий легко справился со щеколдой:

– Витёк, ты стой тут, а как только тётя Шура появится поблизости – предупреди.

– Не-а, тут место открытое, спрятаться негде, я лучше со стороны лагеря зайду и сяду в сиреневый куст, а оттуда шумну.

– Во балбес! Я с той стороны зайду и создам вид, что лезу за цветами. Когда она побежит меня ловить, я рвану через дорогу к кустам. Там, за столовой три штакетинны держатся только на верхних гвоздях. Стоит лишь нырнуть в ивняк, и я в парке.

Упрямый Балон, сопя, решительно заявил, доставая из ноздри козявку:

– Я с тобой пойду, а из сирени крикну в случае чего.

Василий досадливо махнул рукой на упёртое балбесие приятеля.

Операция протекала гладко. На весь парк и прилегающие улицы мощно и невнятно о чём-то вещали колокольчики пионерлагерных громкоговорителей, заглушая грай длинноклювых пернатых. Организатор шурудил палкой по цветнику перед окнами, сам оставаясь невидимым. Минут пять-шесть он причинял бессмысленный ущерб декоративным растениям, пока не спохватилась хозяйка.

Таня, спокойно и почти не заботясь о собственной безопасности собирала спелые ягоды в газетный кулёк, увлекаясь всё больше и больше.

Тётя Шура, надела рукавицу, сорвала крапиву в малиннике за домом и помчалась наказывать злодея. Васёк этого ещё не видел. Собственно говоря, ему ничего не грозило, но подгадил суетливый Балон. Он вдруг заорал из сиреневых зарослей:

– Ва-а, – осёкся тут же, поняв свою оплошность, исправился, как он думал – Володька! Атас! беги!

Изменив имя, он решил сбить тётю Шуру с толка. Однако, услышав его голос, полноватая, но подвижная женщина бросилась к сирени с криком:

– Попался негодник!

Василий давно уже пронырнул на территорию парка. Витька же заорал по дурному:

– Танька, беги скорее!

Та оглянулась, никого не высмотрела и продолжила шкодливое занятие. А дальше клубника казалась всё сочнее и краснее.

Тётя Шура узнала Витьку по голосу, встрепенулась, оглянулась и поняла коварный замысел. Она шустро промчалась по огороду и с криком: «Ах ты воровка!» бросилась на онемевшую девицу. Таня взвизгнула, вскакивая с грядки и, споткнувшись устремила к калитке, на которую налетела всем телом и принялась отчаянно её толкать. Отведав 4 хлёстных удара крапивы, юная москвичка сообразила, что калитку следует тянуть на себя. Помятый кулёк, в красных клубничных разводах остался лежать у забора. Половина ягод выкатились на землю...

Как только участники бесславного похода собрались на известной скамейке, сразу началось «вече» с участием не только троицы героев, но и назидательной Людмилы. Страсти закипели, Балон получил полную обструкцию и подзатыльник в придачу.

Таня, почёсывая крапивные ожоги, не сдерживая чувств выпалила:

– Всех ты предал! Ты не Балон, а коротконогая камера без крышки!

Покрасневший от бега, стыда и досады Витька, сердито ответил:

– А ты – девча – каланча.

И только было влезла Людмила со своим морализатор-

ством, от которого за версту веяло фальшью, как из-за поворота с Парковой улицы на Перспективную показалась тётя Шура, спешащая совершить расправу.

Молодёжь дружно бросилась в малинник Васьки Лохмача и лишь виновник позора скрылся в своём доме, где и был застигнут негодующей пострадавшей. Разумеется, он сдал всех, даже свою одноклассницу Люду Королёву, которая имела крайне далёкое отношение к делу...

Три долгих дня гонимый и презираемый Балон проторчал дома, изнывая от стыда и желания реабилитироваться. Он не являлся полным кретином, как может показаться на первый взгляд. В его противоречивой натуре умещались и достоинства, и недостатки приблизительно в равной пропорции. Учитель биологии и химии, добрейший Валентин Иванович говорил, что острота Витькиного ума, равна тупизне его глупости.

На четвёртый вечер страдалец был прощён и принят в лонно коллектива. Двадцать пять метров от калитки до вождельной скамьи, Балон преодолел вприпрыжку, хотя имел желание приблизится уверенной и ровной поступью. Негромкий, но пронзительный звук доильных аппаратов разносился по окрестностям. Тётя Аня, сидя возле двери дома, со стороны улицы, перебирала струны гитары, подпевая прокуреным голосом.

Таня, с насмешливым интересом взглянула на подельника-неудачника:

– Вить, ты меня каланчей обозвал. Ладно, я не обижаюсь.

А вот Люду ты как бы назвал.

Тот, ни секунды не раздумывая, выдал:

– Девчущка – мальчущка – вредничущка.

Василий захохотал в полный голос. Люда вскочила:

– Ты! Балон паршивый! Тоже мне – сосед!

Слёзы закапали из её глаз, и она злобно хлопнула калиткой, скрываясь в своём огороде.

– А я тебе хотел накостылять – Василий вытащил из-за ремня молоток с резиновым накостыльником, которым пользуются слесари сборщики при подгонке точных деталей.

Витька стоял не шелохнувшись, боясь присесть на лавочку. Василий правильно истолковал его паническое смятение:

– Не бойсь, я кому-нибудь ещё накостыляю. Дело в том, что пару дней назад старший приятель Василия – Витька Сионов – деревенский одарённый технарь-самоделкин, привёз ему стащеный с ЗТС вышеописанный молоток. Юный владелец диковинного предмета необычно возгордился и в благодарность дал попользоваться своим мопедом Витьке целый день. Владелец необычного оружия грозился накостылять всем, кто встанет поперёк его пути, но по мягкости характера этого не сделал. К тому же, Василий, природный дипломат, сам в драку никогда не лез, думая о последствиях, в случае столкновения с такими одиозными личностями как Сашка Яснов, по прозвищу Богдан, умеющий изрядно боксировать, или гераклоподобный Мамонт – нагловатый и

слегка тусоватый местный силач...

Из огорода послышался капризно-ябедный голос Людмилы:

– Па-ап, меня Витька вредной чушкой обзывает.

Михаил Дмитриевич – рослый деревенский агроном-интеллигент, едва оторвавшись от чтения газеты (его любимое занятие), не вникая глубоко в суть сказанного, ответил ей ровным голосом, без особых эмоций:

– Значит, сходи умойся. Что ж ты грязная на улицу выбегаешь?

Люда бросилась в террасу, доплакивать обиду.

Неделю спустя Василий подал документы об образовании, медицинскую справку по форме 286 и свои фотокарточки в медицинский техникум города Коломны. В Егорьевске, на улице лейтенанта Шмидта имелось своё медицинское училище с богатыми традициями и крепким образовательным коллективом, но с некоторых пор молодежь деревни Колычёва, с лёгкой руки Сашки «Черкеса», стала тяготеть к Коломне...

Лавочные посиделки не переросли пока в нечто серьёзное между Василием и Таней, но взаимная симпатия вполне проявилась. Люда ревниво следила, чтобы они не оставались вдвоём с глазу на глаз и особо старательно мешала при купании приблизится друг к другу своему соседу и смешливой москвичке. Зависть к фигуристой и симпатичной «сопернице» ещё не испепеляла её, однако уже подтачивала всерьёз.

Лёшка исходил желчью от братова «безделья» и, даже жаловался отцу, но легкомысленный Иван, нечасто бывая трезв и разумен, отмахивался от претензий сына, как от назойливого комара.

К окончанию первой смены пионерского лагеря, решили почистить самый большой из деревенских прудов. Злые языки сплетничали о кладе, который, якобы находится на дне означенного водоёма. На работе, или нескончаемо долгими, светлыми вечерами, только и разговоров было о пруде, монастырских сокровищах и рыбе. На кладе была помешана, без малого, пятая часть Колычёва.

В многодетной семье Котелкиных страдал этим недугом один Лёшка. Он заваливался днём на свежее, ароматизирующее луговым разнотравьем сено, закидывал руки за голову и мечтал... Из мира золотых грёз, его возвращал в реальность пискляво настойчивый визг Вовки и бубнёж матери, которая по распространённой среди женского пола хитрой глупости, подносила начинающего требовательно вопить младенца к сушилу с целью разбудить не выспавшегося сына и заставить его дополнительно работать – ворошить сено или окучивать картошку. Лёшка нехотя поднимался, брал тяпку в руки и брёл на картофельные грядки. Если же требовалось ворошить сено, он старался передоверить легкое занятие младшим – Юрке и Таньке, причём последняя больше вредила, чем сушила скошенную траву.

Василий несколько отошёл от домашних дел, заканчивая

школу и занимаясь суетливыми хлопотами, связанными с поступлением в медтехникум. Нет, он не обленился и не влюбился безоглядно, однако, выбитый из привычно-размеренного ритма жизни полурассеянно и растерянно наблюдал себя как бы со стороны. Взрослеющий парень вдруг увидел, что мир не рухнул от того, что он уже месяц не пасёт деревенское стадо. Другими глазами и под другим углом, посмотрел он на своих ровесников-бездельников и, неожиданно для всех, в том числе и для себя, закурил. Возможно, он не хотел от них отличаться, как прежде, да ещё перед Таней захотелось выпендриться...

Народа собралось поглазеть на чистку пруда больше, чем на любое организованное мероприятие, типа субботника. Событие совпало с прощальным пионерским костром первой смены. Костёр, конечно, намечался на вечер, а техника прибыла к 9 часам утра последней пятницы июня.

Двое наименее сумасшедших больных осторожно тащили ящик водки из магазина в дом Сергея Петровича Фомина. Он, вместе со своим приятелем Леонидом Николиным организовал это серьёзное левое мероприятие (договорились с мастером «Автодора», который руководил прокладкой асфальтовой дороги, ведущей на юг, до деревни Троица). Вклад Леонида заключался в двух грядках зеленого лука на закуску, с чем вынуждена была смириться его строгая жена – школьная директриса.

Созревал жаркий летний день. Мастер с бригадиром уже

опрокинули по сто пятьдесят граммов, под видом совещания. С верхотуры Перспективной улицы, параллельными дорогами спускались двое полных, но неполноценных представителя человечества – не имеющий комплекта ног, никогда не унывающий Митька Ряжнов и, колясочник дядя Саша Калинин, не ходячий, но с чудовищной силой рук, бывший водитель. Со стороны больницы, по крутой тропинке вверх карабкался хулиганистый футболист с музыкальным слухом невысокий, коренастый Витька Яснов, придерживая болтающуюся за спиной гитару.

Медлительный гусеничный экскаватор, изрыгая черные клубы выхлопных газов своим дизелем и натужно ревя, принялся перекапывать высокую перемычку. Народ столпился в голове пруда и напряженно ждал, когда хлынет поток воды. И тут, словно опомнясь, плотник-столяр-гробовщик Юрий Томский, благородными чертами лица смахивающий на дипломата или референта (кстати очень неглупый), звонко хлопнул себя ладонью по лбу:

– Мужики! Сеть, сеть надо поставить – рыба уйдёт.

Люди, суетливо бормоча, лихорадочно вспоминали, у кого из близ живущих имеется бредень.

Мастер, скрестив руки над головой, остановил землеройные работы. Василий и его одноклассник Валерка Калинин рванули за рыболовной сетью. Таня с Людмилой и её младшим братом Виталием стояли у самой кромки воды, метрах в семи-восьми от гусеничного монстра с ковшом. Рядом рас-

положились Балон, Лёшка, Вовка Сова и пузатый учитель математики Петрович, которого колычёвские аборигены называли исключительно по отчеству.

Витька Яснот взял гитару в руки и пользуясь тем, что рывчащая техника стихла, негромко пропел глуповатый куплет:

– Если дома горит свет,

Значит, мужа дома нет.

Значит, значит можно с Клавкой чап-чарапли...

Элитная Клавка к тому времени овдовела, брат Тамары Иван, замёрз по случаю и по пьяни под Бараками, там, где начал свою недолгую семейную жизнь. Она же привезла из Зарайского района до изумления тихого, доброго и робкого вдовца Василия Карташова с сыном Вовкой, которого прозвали Совой. Клавкина подруга Тонька, также не ужилась с другим братом – Анатолием, всеобщим любимцем и начинающим алкоголиком...

Примчалась запыхавшаяся пара, после стремительного кросса с бреднем. Выход рыбе перегородили.

Вода хлынула в траншею, с каждой секундой неистово углубляя русло и унося центнеры и тонны песка. Хорошо, что держать деревянные колья бредня доверили самым могучим – семипудовому Мамонту и здоровенному как медведь Константину Маковскому, весом поболее восьми пудов. Даже этих силачей вода едва не утащила с собой, когда мотня стала заполняться. Ближайшие мужики подбежали и совместными усилиями бредень был удержан. Когда напряже-

ние потока спало, его не сумели вытащить назад из-за огромного количества рыбы, преимущественно карасей. Такую гору водной живности местные жители видели только по телевизору, когда показывали, как сейнеры тралят море.

Экскаватор ещё углубил траншею, неторопливо сползая в ложе водоёма, наполовину гусениц утопая в открывшуюся вонючую тину. Потрявоженный ил, при помощи легкого ветерка, разносил амбре.

Таня по столичному, интеллигентски сморщилась:

– Фу, какой запах, почти как в свинарнике, куда вы с Людской меня водили показывать трехсоткилограммовых чушек. Откуда он?

Деревянная нога Митьки скрипнула, означая его заинтересованность, он развернулся широкой мощной грудью к юной девице:

– Ты что же, выросла как страус, а не знаешь, что рыбки-то какают. Вон, посмотри сколько их, за сто лет навалили – мама не горюй.

Таня недоверчиво на него посмотрела:

– Вы шутите? В чём же мы купались? Шутки ваши злые. – Юмор бывает добрый и здоровый, а также, злобный и больной. Чему тебя в школе учили?

Водяной живности надо регулярно есть. Вот ты, каждый день ешь и летаешь в уборную, а караси, где живут, там и гадят...

Три устаревших трактора С-100, с тросовым механизмом

подъёма и опускания ножей, вибрируя корпусами в неудержимом натиске монстров двинулись вперёд, тараня донные отложения. В середине пруда обнажилась полузатянутая трясиной сломанная тракторная телега. Года за три до этого, молодой тракторист Верещагин провалился под лёд на гусеничном ДТ-54, пытаясь сократить путь. Трактор, как более ценный инвентарь вытащили, а телегу, с оторванным водилом так и оставили догнивать под водой.

Недовольные гуси и утки, которые увлеченно копались в оставшейся жиже, при виде серых грохочущих чудовищ, ползущих в их вотчину, с криканьем и гоготом выбрались на берег.

Иные пацанята, стоя голыми ногами по колено в вонючем месиве, пытались схватить бьющуюся рыбу, точнее её остатки. Руководящая тройка в лице Фомина, Николина и мастера, с примкнувшим к ним бригадиром, важно взирала на открывшийся продолговатый кратер.

– Чистый Колизей – густым баритоном рокотнул Митька, – а Сашка (колясочник) как император.

– А остальные? – Весело спросил благородный гробовщик.

– Остальные колизеи, попросту глазают на ползающих вонючих жуков.

Витька Балон, завидев огромные плавники и золотистые чешуйки килограммового карасищи, неумело балансируя, торопливо бросился к добыче. Он уже схватил рыбину, дли-

ной не менее двух ладоней, когда увидел, что тащит, кроме неё, чью-то руку за пальцы. Он пронзительно вскрикнул и непроизвольно выпуская собственные газы, при помощи четырёх конечностей закарабкался на вершину кратера.

– Утопленник! – Ахнула Тамара Калинина, чернявая стапятидесятикилограммовая уроженка азовского побережья, с непреодолимым женским любопытством вглядываясь в торчащую человеческую принадлежность.

Бесшабашный Витька Яснов, сунув в руки Мамонта гитару, осторожно стал приближаться к устрашающему предмету. Он взял тоненький прутик ветлы и с опаской прикоснулся к неведомой жертве. Затем постучал веточкой по ладони, едва торчащей из месива и с улыбкой схватив руку, выдернул её наверх. Большинство собравшихся узнали остатки прокопчённой глиняной статуи, которую после пожара в клубе, долго таскал с собой уличный дурачок Сашка Щукин, который, видимо и выбросил глиняного пионера в пруд...

Василий заволновался и потянул за собой Таню:

– Пойдём, гляди какая рыбина.

Она с опасливой неохотой двинулась за парнем и, сделав три шага, съехала по скользкому илу, сбив с ног Василия. Попытка вскочить на ноги ни к чему не привела – под платье набилось с полцентнера грязи. Невольный виновник происшествия, сам весь перепачканный от ног до ушей, с трудом помог подняться девушке и под хохот и советы окружающих зрителей, принялся трясти платье и выдавливать из-под него

ил...

Двадцать минут спустя, нечуткая, беспардонная тётка окатывала племянницу ледяной водой из шланга, не обращая внимания на её визги.

Через три дня заболевшую Таню увезли в Москву родители. Василий снова взял в руки рабочий инструмент – кнут и до осени отправился с братом чабанить...

К первому сентября в семье Котелкиных насчитывалось два ученика и один студент. Шустроватый Юрка пошел в первый класс. Одноглазый отец семейства, разрывался в поисках лучшей доли между леспромхозом и подсобным хозяйством при дурдоме. Везде были свои преимущества, и Иван никак не мог выбрать, где они весомее. И, если остальная деревня была заинтересована дармовой капустой подсобного хозяйства, то в сыром огороде Котелкиных, особенно в нижней его части, её урожаи были не просто хороши, а превосходны.

До зимы, серьёзных деревенских событий почти не произошло. Соседки Вера и Света, живущие в центре барака, по-быстрому сходили замуж, месяца на полтора-два, да ещё случился казус с вечно пьяным руководителем похоронной команды инвалидов Полежаевым.

У психоневрологического интерната имелось своё кладбище, лошадь с похоронными дрогами летом и санями зимой. Четверо невозмутимых больных, спокойно и равнодушно выполняли ритуальные, скорее не услуги, а обязанности.

Гробы изготовляли под одно лекало, для быстроты сколачивания. И вот, однажды, когда покойник оказался бывшим психом более чем двухметрового роста, Полежаев, в просторечии «Полежай», не мудрствуя, топором оттяпал «лишнее» и аккуратно уложил вдоль тела.

Медсестры и сестра-хозяйка благоразумно «вильнув хвостами» исчезли, а начальству и докладывать никто не решился, зато деревня помнила об этом ещё лет двадцать-двадцать пять.

Холодные северные ветры вытеснили остатки лета из центральной России. На праздничные дни, посвященные 7 ноября, к Котелкиным приехала в гости из поселка Селятино Наро-Фоминского района троюродная сестра, возрастом года на два-три постарше Василя, столь броской красоты брюнетка, что ребята, постарше и молодые неженатые мужчины помертвели от одной возможности познакомиться со столь неземным созданием.

Со службы вернулся Сашка Корягин – старший сержант запаса, сын учительницы литературы и русского языка Анны Ивановны и деятеля среднего руководящего звена леспромхоза Сергея Федоровича. Он очень красочно описывал события годичной давности на острове Даманский, бродя по колычёвским улицам с другом детства, физиком-аспирантом Борисом Ксенофонтовым. Вести в деревне разносятся со скоростью звука, так, что они уже были в курсе пребывания феи или принцессы в деревенских пределах и решили

взглянуть на неё. Для пущей важности зашли за подающим надежды художником Борей Марковым – их же одноклассником. Скромный Боря нехотя согласился, однако, к общей досаде, за ним увязался его сосед Сережка Михайлов, прозванный Мамонтом за внушительные габариты, ещё не служивший в армии балбес.

На лавочке, близ растущей рядом лиственницы, дерева, не типичного для Подмосковья, набралось человек тридцать. «Звезда» восседала в центре, между Василием и Валеркой Мартыновым, принимая знаки внимания к собственной персоне с равнодушной любезностью.

Спустилась темнота ноябрьского вечера. Позднеосенние ночи, когда ещё нет снежного покрова, а мрачные тучи закрывают луну и звёзды, наиболее черны и беспросветны. Редкие и слабые фонари освещения обозначали контуры петляющей Перспективной улицы.

Следствием несанкционированного сборища, явилось некое подобие конкурса талантливой молодёжи. Витька я снов с душой и не совсем бездарно исполнил популярные «Я еду за туманом» и «Голубая тайга». Бывшие армейцы раскачали деревенский турник с трубой, демонстрируя удалую силу. Мамонт косноязычно стал рассказывать похабный анекдот, но его моментально зашикали. Два Бориса, художник и физик развили небольшой диспут:

– Между прочим, в физике столько юмора и озорства, один Фейнман двух Райкиных стоит – горячился аспирант.

– В живописи побольше юмора, чем во всех науках вместе взятых.

– Докажи!

– Хорошо, – Боря Марков стал перечислять –

– Павла Федотова картины, Кукрыниксы, Борис Ефимов, да любая карикатура.

– Карикатуры не с счёта.

Люба, так звали родственницу Василия откровенно поскуучнела.

– Вы ещё стишки почитайте – недовольно пробубнил Володька Варфоломеев, по прозвищу Тарзан, тунеядствующий хулиган, авторитет которого с каждым годом падал всё ниже.

Метрах в пятидесяти к востоку, где начиналась наиболее высокая и широкая часть улицы, из прогона между своим собственным огородом и огородом шеф повара интерната Анатолия Сергеева, показалась известная деревенская активистка Галя Безрукова. Она успела поруководить пионерами, потом комсомольцами, поддерживала, или клеймила позором, в зависимости от указаний и была не слишком любима учителями. Её крикливый командный голос идеально подходил к будущей профессии – она являлась студенткой торгового техникума. Жизнь обделила её ростом и подругами, но с Людой Королевой, девицей на два класса младше неё, они вполне находили общий язык.

Галя подошла деловито-руководящей походкой с интересом разглядывая неординарное сборище. Её появление ни-

какого любопытства у мужского пола, за исключением Мамонта не вызвало. Сашка Корягин склонился к гитаристу Витьку и что-то шепнул на ухо. Тот резко ударил по струнам и и хриплым голосом, в манере Владимира Высоцкого исполнил твистовую «Ладу»:

– Под железный звон кольчуги...

На третьем куплете, большинство хлопало, поддерживая ритм песни.

Зоркий взгляд будущей торговки моментально оценил далеко не среднестатистическую красоту новенькой. Галя сообразила, почему отсутствуют девчата – с такой соперницей шансы стремятся к нулю.

Она презрительно поджала губки, гордо, или, как ей казалось, гордо подняла голову и, торопливо зашагала в сторону Парковой улицы, где слышался девичий смех, на прощание вполоборота бросив:

– Собачья свадьба...

Тем временем Тамара Котелкина сварливо выталкивала одноглазого мужа из просторной избы:

– Иди, иди Иван, разгони этот шалман. Покоя нет ни днём, ни ночью, маленькому спать пора.

Спать то было ещё рано. В ней бушевала обычная бабья сварливость. Иван не спешил на «разгон митинга», он лежился и опасался – толпа была слишком многочисленна.

Жена всё-таки «допилила» и он нехотя тронулся по светло-серым, некрашеным полам в террасу и далее на улицу.

Неуверенно и робковато подошедшего хозяина встретили приветливо. Соратник по несчастью (тоже не имеющий глаза, но с другой стороны) Генка Молоканов, прозвищем Пират Степанович, предложил плеснуть Ивану граммов сто чистой как слеза крепчайшей самогонки, выделки Александра Матвеевича Сионова. Кривой согласился, не чинясь и, махнув стопочку, помчался за закуской. Когда он полез в подпол, Тамара всплеснула руками:

– Да ружьё то не там!

Снизу послышалось:

– Пошла ты со своим ружьём, не мешай отдыхать людям...

Один из самых высокорослых деревенских парней, Валерка Вихров, вспомнил, что вечером, по первой программе телевидения, станут показывать фильм «Белое солнце пустыни». Человек двенадцать-пятнадцать по-тихому слиняли, видя бессмысленность своего присутствия.

Из полутора десятков оставшихся, двое находились в довольно юном возрасте, едва старше Василия. Восемнадцатилетний Володька Елин и его дальний родственник Вадим Чайковский, хотя и считались условно своими, жителями Колычева не являлись. Семнадцатилетний Вадим из Воскресенска, частенько гостил у тётки – миниатюрной жены Константина Маковского и дружил со своим троюродным племянником, который был постарше его на год и обитал в соседней деревне Сазоново. Девушка их мало интересовала, а затесались они в компанию так, подурочиться. И эти легко-

мысленные молодые люди затеяли придурковатый разговор о кладбищах, покойниках, фосфоре и потусторонней мистике.

Деревня среднебрежневского времени страдала не столько суевериями, сколько алкоголизмом. На улице Перспективной, один лишь Витька Балон верил в чертовщину, ведьм и прочую нечисть, да и то вполсилы.

Кому-то пришла мысль прогуляться по кладбищу, до которого насчитывалось 250 шагов. Почти все согласились. Остались на лавочке Тарзан и двое одноглазых. Любу уговаривать не пришлось, она подхватила с нагретой собственным телом доски, деловито взяла под руки Василия (из вежливости) и Валерку Мартынова (из симпатии, которая оказалась взаимной).

Впереди вышагивал Мамонт, неся околесицу. За ним держались Володька с Вадимом, два Бориса и Сашка Корягин. В центре шла Люба, нескромно, пользуясь темнотой, прижимаясь к оробевшему от радости Валерке.

– Вы народу только мозги пудрите. – Подначивал физика Вовка Елин, – скрываете истинные чудеса, вон, сколько неизведанного под ногами, а любая неграмотная бабка вмиг объяснит, что к чему.

Аспирант, с нескрываемой иронией попытался прекратить Володькину болтовню:

– Бабка! Да ты представляешь, что такое квантово-статистическая картина мира?

– Закурить есть? – Из ближайшей могилы вынырнул едва различимый в темноте силуэт головы.

Мамонт оторопело сел и нехороший дух пошел из-под него.

– Чего воняешь? Руку дай.

Рядом с головой показалась ручища и потянулась к здорвяку. Тот заелозил задницей и стал торопливо и неуклюже отползать. Оцепенение охватило любителей приключений и лишь гитарист Витька, шедший позади, радостно воскликнул:

– Слышу голос Полежая!

– А вы кого думали услышать? Руку-то дайте, черти.

Сашка Корягин принял лопату из рук могильщика и помог ему выбраться наверх.

Борис Ксенофонов, переведя дух, спросил:

– Ты нас что ли пугаешь?

– Не, куда там. Я малость кемарнул, а вы меня разбудили. Копали три могилы, а в «синем» корпусе ещё один жмурик нарисовался, да родня его приехала. Дали мне поллитра «зелёной», я и пошёл копать, чумакам моим некогда – на ужин пора.

Так и получилось: покопаю – выпью, потом ещё, а как заснул не помню...

У экспедиции оказалось четыре главных итога. Некоторое время спустя, в Колычёве образовалась идеальная семейная пара. Аспирант Боря защитит кандидатскую и док-

торскую диссертации, станет, наконец, известным физиком. Вадим Чайковский эмигрирует в Канаду, где сделает скромную карьеру. Четвертый, а, скорее, первый итог, заключался в том, что Мамонт, игнорируя окрики, помчался домой, костеря последними словами кого угодно, только не себя.

Он ворвался в комнату барака, пыхтя как перегруженный конь и зашарил в комод.

– Что ты роешься, чего тебе там надо? – Вскинулась мать.

– Труссы ищу.

– А твои же где?

– Порвал.

– Говорила я тебе, не шляйся по кустам, когда туалет есть общественный...

С середины ноября посыпал снег. Зима, властно прибирая борозды правления, надолго, почти до начала апреля воцарилась на большей части России.

Василий неделями жил в Коломне на улице Зайцева, неподалёку от Бобрёвского разводного моста через Москву-реку, на другой стороне которого одиноко уютилась конечная остановка автобуса на Егорьевск. Мост предназначался для пешеходов, в крайнем случае можно было протащить велосипед. Сашка Яснов, он же Богдан, сумел переправить по нему два краденых мопеда, при помощи добрых попутчиков, которые (не ведая, что творят) охотно перетаскивали легкую технику через ограждения в начале и конце моста.

Старший из братьев Котелкиных приезжал домой по суб-

ботам, а утром, в понедельник отправлялся на учёбу, которую немного недолюбливал из-за частых посещений морга.

Лёшка стал делать неожиданные успехи в учёбе, а в физике, даже соперничать с самим Славкой Быковым – лучшим в их классе. С сентября в школе появилась юная «физичка» Марина Сергеевна – идеальной красоты и такого же сложения брюнетка. Не стоит даже говорить, что большинство старшеклассников в неё влюбились, а остальные относились к ней с восхищённым обожанием. Педагогом она оказалась замечательным, из ее учеников выросло большое число талантливых технарей и не только...

Юрка старательно выводил в тетрадке уже не палочки и крючочки, а настоящие буквы.

Маленький Вовка собирал половики из разноцветных лоскутов ткани, шустро ползая на четвереньках в передней комнате.

Кривой отец семейства, склонился к работе на подсобном хозяйстве, в качестве пастуха летом и возчика зимой.

Главными зимними развлечениями ребят с перспективной улицы являлись постройка и штурм снежных крепостей, а также завистливое наблюдение за траекторией движения аэросаней Витьки Сионова.

Советская пропаганда всю зиму твердила об Анджеле Девис – негритянской коммунистке из США, неведомо за что упрятанную в тюрьму и о подготовке к историческому XXIV съезду КПСС.

Великобритания готовилась переходить на десятичную систему мер. В Уганде захватил власть диктатор Амин, а пошатнувшийся доллар стал терять авторитет и незыблемые до того позиции.

На советские экраны готовился к выходу почти бесконечный сериал по сценарию Лавровых «Следствие ведут знатоки», лживый, но занимательный. Однако, подлинно культовой картиной, стал фильм «Офицеры» по сценарию Бориса Васильева, с Георгием Юматовым, Василием Лановым и Алиной Покровской в главных ролях.

Всего-то десять лет прошло со времени первого космического полёта Юрия Гагарина, а космонавтика достигла успехов, которые до сих пор кажутся невероятными...

Зима – время изготовления «петушков».

Забытый народный промысел, неведомо когда возникший, требовал снега для отливки сладких фигурных изделий и приносил 150-200% прибыли. Снегом набивали погреб под завязку и бережно сохраняли до середины и, даже, конца мая.

В Егорьевском районе этим бизнесом занимались две друженственно конкурирующие семьи, обе с улицы Перспективной.

Бездетная семья Орловых проживала в единственном, возможно даже во всей центральной России глинобитном домике, которых полно на Украине и в Средней Азии. Домик соорудил в пятидесятые годы одноногий Борис Максимов.

Если учесть, что окрестности Колычёва изобилуют лесами, то можно сделать вывод об украинском, либо казахо-среднеазиатском происхождении архитектора-строителя.

Оба супруга извели на собственной шкуре «прелести» ГУЛАГА», но обладали совершенно разными характерами. Мягкий, интеллигентный Владимир, высокий, худоватый и сутулящийся туберкулезник, являлся полной противоположностью своей жены – Анны, громадной могучей бабищи, нагловатой и беспардонной. Она отсидела три года за дезертирство с трудового фронта, а муж пять из двадцати пяти присужденных по делу КПМ (коммунистической партии молодёжи). Его освободили много раньше большинства «политических» в конце 1953 года.

Как-то, в начале «петушковой» карьеры, Анна заявила супругу:

– Раз нам Сталин детей не дал, надо привлекать помощь со стороны. Нельзя же, в конце концов, строить рай самим.

Володя удивлённо спросил:

– Ты что, на чужом горбу в рай собралась?

– Я согласна не только на горбу.

– Нюра, ты неисправима.

С тех пор они стали приманивать Лёшку и Балона дармовым угощением бракованной продукцией.

Знаменитый на всю улицу домик из глины имел две комнаты, скорее комнатухи. В так называемой большой, размером 3х3 метра, тёмной, скудно обставленной четырьмя

предметами мебели – кровать., двумя стульями и комодом довоенного производства, Орловы собственно и жили. Сквозь крошечное оконце, размером 50x70 см, смотрящее на запад, то есть на бараковские сараи и хозпостройки, едва проникал свет, через сроду немытые стёкла. Анна, с восемнадцати лет приученная к казённому жилью, на уют и прочие условности плевала, а покладистый муж, проводящий месяца по четыре, а то и шесть в санаториях, особо на этом не зацикливался и не настаивал. Полы, однако, находящиеся почти на уровне земли, были покрашены в обеих комнатенках.

Второе помещеньеце, расположенное с южной стороны дома, имело сплошной ряд окон во всю ширину и заливалось солнечным светом полностью, как оранжерея. Там стоял стол, на все случаи жизни, круглый, раздвижной, фанерно-деревянный, три табуретки, керосинка И две малюсенькие детские скамеечки. Именно в этой комнате и проходил процесс изготовления петушков.

Сахар следовало чуть недоваривать. Этим приёмом убивались сразу два зайца, – петушки получались немного вкуснее и становились менее ломкими, чем при полной доварке. Доморощенный сопромат играл огромную роль при транспортировке – в переполненном автобусе могли раздавить 30-40% продукции, а при данной технологии, в списание на убытки шло не более 5, максимум 10-ти процентов.

Просится аналогия с изготовлением ковкого и высокопрочного чугуна, и там и тут – литьё, но это так, к слову,

техническое отступление.

Лёшка оказался помощником менее способным, чем Витька, но более нужным. Витёк сообразительный, но оправдывающий свою фамилию – Хитров, норовил выдать побольше брака, чем сильно раздражал грозную хозяйку.

В разъёмные формы из пищевого (!) алюминиевого сплава (на основе форм для выпечки хлеба) заливали сахарный сироп, тут же выливали его обратно и вставляли в отверстие еловую палочку 5x5 мм, сантиметров 12 длиной. На стенках холодных формочек, предварительно смазанных подсолнечным маслом, оставался слой вареного сахара толщиной не более полутора миллиметров, хотя внешне изделия казались полнотелыми. Витька же, когда хотел полакомиться, смазывал поверхность плохо, и не выливал лишние остатки в кастрюльку. Сироп приклеивался к металлу и при разъёме форм всякие белочки, зайчики, а, особенно наган, ломались.

Глядя на Витькины липкие руки и рот, Анна Орлова нередко отпускала ему затрещины...

По убогой домашней обстановке можно было подумать, что семья жила бедно, однако такой вывод оказывался далёким от истины. В еде и одежде муж и жена никогда себе не отказывали. Только на их столе, да ещё на столах двух-трёх зажиточных деревенских семей, можно было увидеть коньяк и колбасно-рыбные деликатесы. Ещё Анна Орлова прилично играла на своей шестиструнной гитаре, вполне сносно владея нотной грамотой. Вспоминая московскую юность, гово-

рила она супругу:

– Вольдемар, ну что ты ходишь всегда такой бритомордый? Посмотри вокруг, мужики ходят с естественной здоровой щетиной.

– Культурный человек должен следить за собой.

– У нас в деревне только два партийных прыща, да директор дурдома Сарычев гладковыбритые, да воняющие одеколоном, который иной раз употребляет наш сосед Сергей. Не хочешь же ты быть на них похожим?

– На кого?

– На руководящих и направляющих, не на соседа.

– Я сам по себе.

– У меня друг до войны был, жили в коммуналке на восемь семей на улице Мархлевского, их комната напротив нашей находилась. Третий этаж направо, как сейчас помню. Потолки – четыре метра девяносто сантиметров. Звали его Илюша Гринфельд. В нём сочетались ум, лёгкая небритость и очаровательная неухоженность. Он подавал большие надежды в литературе, дружил с Пашей Коганом.

– А это кто такой?

– Здравсьте-пожалуйста, не знает. Тот, который «Бригантину» написал.

Володя вздохнул с лёгкой укоризной:

– «Бригантина», это хорошо, но тухлой и вшивой неухоженности нам и в доме инвалидов хватило.

Анна попала в дом инвалидов в Колычёве в конце войны,

а муж перед новым 1954-ым годом. После XX съезда, оглушительного, потрясшего страну, калечных и прочих больших, способных жить самостоятельно, стали массово выписывать, расселять в бараках и строящихся казённых домах, а заведение переименовали в психоневрологический интернат. У обоих был так называемый «сто первый километр». Они поселились изначально в бараке, близ парка, а когда он сгорел в 1959 году, переехали в чудненький глиняный домик...

Владимир страдал легкой формой антисемитизма и туберкулезом, чем отличался от прочих обитателей деревни. Его лицо скривила усмешка:

– У твоих приятелей подмоченные фамилии. Где ж они теперь?

– Погибли, оба на войне погибли, а то, в чинах и званиях ходили бы сейчас.

– Ой, сколько их в начальстве ходило, потом, правда, поредели их колонны. Помню знакомый по лагерю стишок сочинил:

Году, приблизительно, в тридцать втором

Начался умеренный жидопогром...

Оттепели и настырные февральские метели выстелили настом открытые пространства. Лёшка, с потаённой завистью поглядывая на пируэты аэросаней деревенского механика-технаря, додумался пристроить старое домашнее крыто на самодельные санки из древних охотничьих лыж.

По ветру конструкция снежного парусника передвигалась с завидной быстротой, но вернуть аппарат в исходное место, приходилось потливо-утомительными усилиями. Измаявшийся парень взял себе в сообщники сластёну Витьку и тот догадался таскать сани на руках, разворачивая парус ребром к ветру. Даже важный Василий оценил самоделку и с увлечением на ней катался...

Земля, из-за годовой прецессии, стала уверенно проворачиваться, подставляя северное полушарие под согревающие лучи солнца, которые быстро съедали снежный покров. Зажурчали ручьи, разлилась речка, а поля, на время превратились в непроходимую топь. Потом, ближе к Пасхе, зацвела золотистая верба, вслед за ней развесила свои лохматые сережки осина, а вскоре и берёза надела свои изящные серьги...

В Москве упивалась развлечениями и жаждала новых Галина Брежнева, скандальная дочь генерального секретаря КПСС. Муж её, Юрий Чурбанов, делал стремительную карьеру. Десять лет ему оставалось до присвоения звания генерал-полковника. Потом его снимут с должности заместителя министра внутренних дел, посадят. Средства массовой информации смешают с грязью зятя знаменитого на весь мир монстра советской политики, но, положив руку на сердце, этот Чурбанов, -не самый лучший представитель человечества, выглядит агнцем божьим в сравнении с последующими шакало-мерзавчиками, приближенными к власти.

Но это произойдёт потом, а пока вступила в свои права весна 1971 года.

Как перелётных птиц, необоримый инстинкт властно зовёт вернуться в родные края, так и Василия потянуло с конца апреля в деревню. Он стал ежедневно возвращаться из Коломны домой, затрачивая часа полтора на дорогу в одну сторону, полностью игнорируя причитания матери о потраченных впустую деньгах.

На майские праздники жители улицы занимались своими огородами и участками. С первого мая начинали копать землю, а с 9 мая сажать картошку. Лишь три семьи приступали к весенне-полевым работам позднее, по причине сырости земли. Огород Котелкиных, как и участок Митьки Ряжнова располагались в низинах и высыхали на неделю позднее прочих. Совсем другое местоположение – самое высокое в деревне, занимал надел Александра Матвеевича Сионова. Бывший потомственный лесовик-отшельник, в отличие от своих бойких детей, малообщительный, надеялся, что отведенные ему шесть соток на верху восточного деревенского холма, или бугра, по-местному, наиболее плодородны, судя по тёмному цвету гумусного слоя. Земля вправду оказалась не бедной, но сплошь в родниках. Из шести соток, только полторы от силы оказались не переувлажненными.

В выходные дни гвардейский дровокол Митька (он работал истопником и с наслаждением раскалывал с помощью своего знаменитого колуна и клиньев огромные поленья мет-

ровой длины), подобно хищнику усаживался или вставал в засаду на перекрестке Парковой и Перспективной улиц, языкасто и зубасто задевая прохожих. Стоило человеку, любому человеку попасть в поле его зрения, как властный полицейский окрик призывал жертву к одноногому и, следует признать, действовал с магической силой. Слегка поглумясь словесно над очередной личностью, которую он буквально заборматовывал, Митька великодушно отпускал «добычу». Исключение делалось лишь для Анны Орловой, с которой колунный виртуоз старался не связываться, зная её задиристость и талант отбрехиваться звонкими, как пощёчина фразами.

В виде денщика, рядом с инвалидом-полугераклом пристроился маломозглый богатырь Мамонт, старательно перенимая повадки «маэстро».

Пока не было прохожих, Митька разминался на бездарном сообщнике:

– Тебе, дурню, двадцать лет, а ты ещё не в армии. Как это понять?

– Да я «ремеслуху» ещё не закончил, через месяц нас выпустят, а осенью – на службу.

– Сколько раз в школе на второй год оставляли?

Адъютант неохотно промямлил:

– Три, всего-то три раза.

– Братья твои Борис с Володькой, служить пошли, да что-то слишком скоро вернулись. Борька три месяца отслужил,

в Вовка – полгода.

Мамонт стал оправдываться:

– Борис под облучение попал, а второго комиссовали.

Инвалид иронично бубнил:

– Вся семейка ваша облученная. Ладно, вон Василий из магазина идёт, как приблизится – к нам зови.

Через перекресток наискосок, от барака к детскому саду неровными зигзагами пропорхала крупная бабочка. Пышно цвела черемуха в огороде Молокановых, а единственный глаз Генки Пирата зорко вглядывался сквозь стекла на происходящее перекресточное действо.

– Ну, рассказывай, где коня потерял?

Растерянный Котелкин непонимающе глянул на великовозрастного озорника:

– Какого коня, дядя Митя?

– Ты же Василий Иванович, почти Чапаев, конь всегда должен быть при тебе, или ты при коне.

До Василия дошел юмор древоногого насмешника:

– Мой конь ещё не успел вырасти, он пока что жеребёнком в стойле. Как наберёт рост и стать, я сразу на нём прискочу, даже с саблей, а сейчас некогда, тороплюсь.

– Э-эй, куда пошел? – Неуверенно крикнул Мамонт, растерянно глядя на «шефа».

Чело деревенского баламута нахмурилось:

– Мой возмущенный разум ещё не кипит, но уже перегревается. Постой с нами, окажи уважение, расскажи про учёбу.

– Да учёба, как учёба, анатомичка надоела.

– Плохо преподаёт?

– Это морг, анатомический театр, как у нас говорят. Человек с тонким нюхом, там задохнется сразу, а потом не сможет отличить кофе от горчицы. Недавно похожего на тебя дядя Митя разделявали, тоже без ноги. Я подумал сначала, что это ты, даже замутило слегка – до того похож, но тот чуть поменьше будет.

– Так, всё, иди, не прививай дурное настроение.

Митька кочегар не любил покойников и относился к ним хоть без суеверия, но с предубеждением.

Василий задумчиво двинулся своей дорогой. С неделю, не меньше, его одолевали мысли создать сплоченную тайную организацию, сколотить коллектив единомышленников и заняться... а вот чем заняться, он никак не мог придумать. Последние вечера он игнорировал даже скамейку с Людмилой, которая ждала его с каждым закатом солнца, дрожа от нетерпения. С ним случился последний приступ детства, навеянный романтикой Твена, Гайдара и Сетон-Томпсона...

Тем временем два пиратствующих злодея отловили Витьку Хитрова, который ходил полюбоваться издали предметом своего обожания – Иринкой Давыдовой, учительской дочкой. Она, вместе с родителями усиленно вкалывала на посадке картошки, раздетая до купальника. Замечтавшегося Балона остановил окрик:

– Стой, инфекция! Сюда иди!

– Почему инфекция? Я не болею.

Митька брезгливо указал на штанину:

– А это что за сопля на коленке висит?

– Я против ветра сморкнулся, не заметил, как она прилипла.

– К тебе любое дерьмо при липнет, ты не обратишь внимания. Рассказывай, народ – он указал на Серёжку – желает знать, как у тебя дела?

– Учусь, скоро экзамены.

– Кому нужны твои экзамены. Девку себе завёл?

– Нет ещё, рановато.

– Эх ты, лапоть, вон их сколько подросло, одна страшнее другой, выбирай – не хочу.

Ну ладно, зима прошла без потерь, одно огорчает – чехи стали чемпионами Европы по хоккею. Что ты на это скажешь?

Витька пожал плечами – в его доме телевизора не водилось, а спорт не интересовал в принципе.

В проёме калитки показался Пират и Балона тут же изгнали, уцепившись за нового собеседника...

Василий сколотил-таки шайку, с целями и задачами которой решил определиться потом. В организацию на первом этапе входили четыре человека – Василий и Лёшка в качестве главарей, Вовка и Пашка Карташовы, как рядовые бойцы банды. Пашка, на редкость туповатый парнишка, доводился Котелкиным двоюродным братом и носил изначально-

но фамилию Бельдягин, по отцу – Ивану, родному брату Тамары, их матери. Вовка, по странноватому прозвищу Сова, неглупый, круглолицый блондин с редкими волосами на голове, был сыном Василия Карташова, скромного и незаметного нового мужа редкостной дурищи Клавки. Он унаследовал отцовский характер и в боевики не годился ни по каким параметрам.

Василий здраво рассудил, что организация жидковата и провёл рекрутский набор с агитацией. Так попали в мафиозную структуру Сашка с Мишкой из дома, напротив Королёвых а, также, Виталик, по протекции своей сестры Людмилы.

Любой организации требуется за что-то бороться и иметь противников или врагов, тайных, или явных. Таковых пока не находили, а для начала объявили войну коту тёти Дуси, который и виновен-то ни в чём не был. Бедолаге коту стало доставаться на ровном месте. В него стреляли из лука и рогатки, швыряли кирпичами и били палками, часами лежали в засадах, поджидая многострадальное животное. Кот стал осторожен и прятался теперь с истинным мастерством хищника...

В километре от деревни, в насыпных валах, заросших берёзой и кустарником, вырыли большую землянку и организовали в ней штаб банды. Присутствие землянки ничто не выдавало, кругом росла крапива и трава. Вход замаскировали под стволом толстой упавшей осины. Метров в ста от главной базы, соорудили сторожевую землянку с охранным

постом. Василий предложил:

– Соединим их телефонной линией, я видел в «культтоварах» на углу Советской и улицы Лейтенанта Шмидта два аппарата на батарейках. Стоят они шесть рублей с копейками, а кабель связистский где-нибудь найдём или выпросим, в крайнем случае – сопрём. Давайте скидываться, у меня денег нет, все уходит на сигареты, так что пример не берите, потом уже не бросите.

Денег ни у кого не оказалось. Лёшка растратил за долгую зиму кровно заработанное – часть отдал матери, остатки – брату на курево и дорожные расходы. Виталик промолчал о своих средствах с хитрой дипломатичностью, а что касается остальных, то у них отродясь не водилось финансов. Телефонию пришлось отложить до лучших времён.

Главный предводитель заставлял членов тайной организации наращивать мышцы, которые без того были изрядно накачены на огородах и копании землянок. Каждый подтягивался, приседал и отжимался. Ребята усиленно качали пресс, чтобы не бояться удара в солнечное сплетение и отрабатывали на деревянных щитах придуманный Василием тычок черенком штыковой лопаты в грудь.

Школьники, не входящие в корсарскую шайку, скоро почувствовали перемену в доселе робковатых ребятах, которые со смирением сносили раньше подзатыльники, пинки и тычки. Они стали давать сдачу, а им на помощь мчались остальные члены сообщества и заставляли задир умываться

слезами, а то и кровью. Лёшка, к удивлению всей школы, устоял в борьбе с самим Славкой Быковым – отличником и главным силачом класса. Это про извело впечатление...

Предзакатное солнце склонялось к лесу за деревней Са-зоново, когда вездесущий Витька Хитров со Славкой высле-дили расположение сельской шайки. Они долго лежали в зарослях молодого рябинника, наблюдая за бытом «подполь-щиков», пока их не обнаружил часовой, по глупому смеху Балона. Минут через пятнадцать, после некоторых колеба-ний, они были приняты в сообщество.

Вскоре половина улицы состояла в организации. Учи-тель истории крупнотелый Николай Иванович Давыдов, по школьному прозвищу «Шальной», с усмешкой спрашивал:

– Что за масонская ложа завелась в наших пределах?

Сообщество распалось случайно и быстро. Василий, поз-волил каждому confidentу выстрелить из ружья шестнадца-того калибра. На выстрелы к потайной землянке припёрлись Мамонт и Валерка Вихров, на днях уходящий в армию. При-слал их Митька, выяснить, что за пальба открылась за дерев-ней.

На экстренном совещании решили временно приостано-вить деятельность.

Парадоксальным итогом оказалось то, что шайка из-за су-щественного пустяка разбилась на два лагеря, которые враж-довали между собой до середины августа. Междоусобицу за-теяли рядовые члены младшего возраста. Ребята постарше

от подобной глупости устранились.

Василий просыпался по утрам с тяжелым чувством невыполненного долга и, не выдержав переживаний, перебрался в конце весенней сессии в Коломну, на улицу Зайцева.

Лёшка, неделю попереживав, вздохнул тяжело и взял привычный кнут в руки.

Организация распалась на день рождения последнего царя Николая II, накануне дня пионерии, а со дня битвы при Калке, с 31 мая, начались стычки бывших единомышленников, которые обычно проходили на резиновых дубинках...

Лето 1971 года оказалось последним для пионерского лагеря «Чайка» в Колычёве, а спустя семь лет закроется школа, в которой он размещался...

На главный деревенский праздник – Троицу, заявился в качестве баскака знаменитый гаишник Володя Шилкин, побогатырски восседая на служебном «Урале». С ним дружили все без исключения водители Егорьевска и его окрестностей. По сути, этот огромный, под стать Константину Маковскому мужичище, являлся добрым выпивохой и использовал служебное положение в алкоголических целях. Всевозможные нарушители поили его круглый год. Выпить три (!) литра водки было для него делом не редким. Больше него могла выпить разве что гигантская Танька Турукина, но это совсем иная история...

Володя въехал на перекрёсток близ барака, остановился у скамейки с сидящими на ней Митькой, Мамонтом и Пи-

ратом, брезгливо оглядел заляпанные грязью брюки с мотоциклом и ни к кому конкретно не обращаясь проворчал:

– Ну и дороги, лужа на луже.

Шкодливый Пират, видя милицейское облачение визитёра, напрягся. Серёжка с восторгом оглядывал богатырское сложение гаишника, а мощный инвалид, без тени робости ответил на реплику:

– Служивый, лужи и ухабы – национальная гордость России. Любой враг застрянет и потопнет.

– Мне тонуть некогда, а вот выпить не откажусь. Как говорится, жизнь в России измеряют не прожитыми годами, а выпитыми литрами.

К скамейке подошёл здоровенный брат Мамонта Володька – водитель ЗИЛ-164:

– Дядя Володя! Кого я вижу!

Шилкин подобрел лицом:

– Наконец-то вижу шофёрскую физиономию. Давай подсуетись насчёт угощения.

– О чём разговор, начальник! В любой дом заходи – налью без проблем. Пойдём к Константину, вот калитка его, мужик он гостеприимный, всем будет рад.

И они тронулись впятером к входной двери. Пират семенил с робкой наглостью, остальные держались уверенно. Хозяин встретил непрошенных гостей радушно. Когда он вышел из большой передней комнаты, где проходило застолье, полностью занимая дверной проём своим огромным телом,

милицейский чин кашлянул от неожиданности и проговорил изумленно:

– Вот это медведь!

Маковский довольно усмехнулся:

– Да ты сам как медведь.

– Я-то медведь, да ты – медведище! Если не считать од-ноглазого плюгавца, остальные – те ещё мордovorоты. Мо-гучая у вас деревня.

Четвёрка потихоньку улизнула, а Володя Шилкин долго ещё сидел за столом с хозяином. Оба друг другу понравились и в знак совпадения взглядов они каждые пятнадцать минут чокались стаканами. Идиллию прервал истошный крик, что в доме между Молокановыми и Королёвыми опился и помер родственник жены Константина Маковского тридцатитрёх-летний Вячеслав Глазов. Праздник скомкался, немногочис-ленные гости – семья Чайковских, убежали смотреть свеже-го покойника.

Для деревни дело почти обычное, редкий год, когда на Троицу не случилось жертв. Случалось, даже загадывали, ко-го настигнет рок в следующий праздник.

Володя, как представитель власти вполпьяна зафиксиро-вал происшествие и поехал докладывать в ОВД.

В суматохе праздника и последующей трагедии, никто не заметил приезд Тани Ивановой.

Тётка полезла на чердак за раскладушкой и матрасом. Как и прошлым летом девушку поселили в южной солнеч-

ной комнатке, размером два с половиной на три метра. Стол сдвинули ближе к окну, почти трёхметровой ширины, а раскладушку поставили в северо-восточный угол, чтобы не мешала входной двери. Пока устроились наступил вечер. Часы показывали двадцать минут девятого. Из распахнутого кухонного окна Котелкиных лились громкие звуки музыки. Таня прислушалась. Неведомый ей ВИА исполнял лирическую песню «Девочка и мальчик». Пронзительные стихи Онегина Гаджикасимова и мелодия завораживали.

– Что ты всякую ерунду слушаешь? – Заворчала тётка – лучше бы вкусенького что-нибудь привезла. Дура же твоя мать – отправила девку с пустой сумкой.

– Ой, забыла, – Таня полезла в объёмный, полупустой баул и достала из вороха запасного белья и пары платьев заветную бутылку – вот, мама специально передала.

– Другое дело. О, армянский, да ещё пятизвёздочный. Теперь, вот ещё, девка ты взрослая, стирать сама будешь свои вещи.

– Конечно, тётя Аня...

Вскоре взаимная приязнь Тани и Василия переросла во влечение, которое невозможно стало скрыть от окружающих. Людмилу поедал червь ревности. По вечерам они с Таней держали Василия под руки с двух сторон, когда прогуливались по деревенским улицам, но лишь слепой мог не заметить, кому отдаётся предпочтение. Что касается юной москвички, то её лёгкая влюблённость с каждым днём перераста-

ла во всепоглощающее чувство. Она перестала замечать других ребят и с возмущением отвергла слащавую назойливость Валерки Сёмина, который заканчивал одновременно учёбу в трёх школах – общеобразовательной, художественной и музыкальной и считался парнем, подающим самые радужные надежды в будущем.

Василий сдал сессию через пень-колоду, а прибудь девушка раньше – вообще не осилил бы, настолько мысли о ней вытеснили из головы остальное. Пасти деревенскую скотину он отказывался наотрез. Трудяга Лёшка взвалил на себя двойную нагрузку и сильно отдалился от брата, разговаривая с ним редко и неохотно.

В первое воскресенье июля, когда младшие члены бывшей тайной организации зализывали раны, после грандиозного побоища между собой, произошедшего днём, шестёрка молодых людей, на закате солнца прогуливалась по улице, занимая полностью её ширину. Справа шла Таня в дерзком мини-платье, а левее вышагивали Василий, Людмила, Балон, Галя Безрукова и держащий её за талию Валерка Сёмин, который хоть и был младше неё, но достаточно любвеобилен, чтобы ему позволяли это делать. Путь молодёжи лежал вдоль барака. Вишни только начали созревать, спелые ягоды висели отдельными тёмными точками на фоне бледно-красной усыпени. Молодёжь скользнула заинтересованными взглядами по саду, а сидящая напротив своего огорода тётя Дуся, которая оживлённо обсуждала местные новости со своей по-

другой бабой Леной Мазуриной, погрозила могучим, почти мужским кулаком, дефилирующей компании.

На другом конце барака, на засадной скамейке, восседал гвоздь последних новостей – Боб, окруженный с флангов Митькой и Пиратом. Бою – личность в деревенских кругах по меньшей мере полулегендарная, стоит отдельного рассказа, но, поскольку такой рассказ уведёт совсем уж в сторону, придётся упомянуть о нём вкратце.

В середине первой мировой войны в женском монастыре Казанской богородицы села Колычёва, появилась юная миловидная послушница. В 1918 году монастырь прикрыли большевики, конфисковав часть ценностей. Другая часть бесследно исчезла. Монахинь выслали в отдалённые места (по слухам в Сибирь). Юница, однако, не пропала, а как грамотейка пристроилась в сельсовете, стала яркой поборницей советской власти, организовывала, а заодно и руководила комсомольской ячейкой. Её заметил бойкий начальник волостной милиции и вскоре женился на ней. Это происходило уже во времена НЕПа. Потом они дружно, по-семейному занимались коллективизацией и раскулачиванием. Подрастала дочь Галя. Милицейский чин завёл себе любовницу и в голодном 1934 году та родила крепенького мальчика. Бывшая послушница, мужа сопернице не уступила, а чтобы привязать к себе окончательно, приложила мыслимые и немыслимые усилия, чтобы забрать малыша в свою семью. Ей это удалось. Так в милицейско-сельсоветской ячейке общества, как тогда

говорили, появился малыш, будущий Боб. Детей воспитывали одинаково, но людьми они выросли, не то, чтобы диаметрально противоположных взглядов и привычек, но различие бросалось в глаза. Галя превратилась в суперправильную коммунистку, педагога и директора школы. Из шалопая Боба жизнь сделала великого лодыря, зубоскала и классического нахлебника. Единственно, в чём совпадали взгляды брата и сестры, это неприятие церкви. Галя занимала более непримиримую позицию в этом вопросе (лодырь никогда не отказывался от церковного кагора).

С бывшей монашкой – комсомолкой – сельсоветчицей, к весне 1956 года, после XX съезда КПСС, стали происходить метаморфозы. С ужасом осознав, что сотворили в стране (не без её посильной помощи), она с головой погрузилась в религию. Дети и сослуживцы, после ряда безуспешных попыток вернуть заблудшую в лоно социализма, отступили...

Боб изрядно покуролесил за свою бурную молодость, но помня заветы папы, старался избегать криминала. Не будучи марксистом, но являясь истинным материалистом, не чуждым философии, он накрепко усвоил, что его базисом могут быть лишь дамы полусвета. Среди этих дам, преимущественно волостного, реже уездного масштаба, он отирался не менее пятнадцати лет. Случалось ему пожить за счёт курортных сочинских и ялтинских подруг, а уже совсем недавно, занесло в столичный полубомонд.

Три дня и две ночи Боб провел с комфортом в десятиэтаж-

ке, напротив метро Красносельская. Дом с консьержкой, чистота лестничных пролетов, высоченные потолки, какие-то избыточно культурные жильцы, произвели на него такое впечатление, что он сам себя зауважал.

На пьяненькую Аллу, так звали новую, слегка помятую и потасканную жизнью подругу, чарующе подействовал тenorоватый бобов баритон и романтические бакенбарды а-ля Пушкин.

После обеда третьего дня, когда Боб победоносно осматривал с монументального балкона завоёванную Москву от площади трёх вокзалов до Сокольников, Алла с лёгким оттенком раздражения, слегка протрезвев, буркнула:

– Не постелью единой сыт человек, пора бы и делом заняться.

Герой понял, что пора «линять», но никаких эмоций на лице его не отразилось. Он ровным добрым голосом ответил:

– Конечно, Аллочка. Для начала я наведу порядок, уж больно много посуды.

Он хотел сказать не сданной посуды, но вовремя скумекал, что произносить подобное не следует.

Полноватенькая, круглолицая Алла расцвела и принесла две матерчатые сумки, в которые дальновидный ухажер аккуратно разложил двадцать семь полулитровых бутылок.

– Бобик, не забудь бутылки из-под бренди, виски и шампанского.

– Кисонька, вторым и третьим рейсом отнесу.

– Давай в мусоропровод выбросим.

– Что ты, Аллочка, мы же культурные люди, битые стёкла

– это такая гадость.

Сданная стеклотара принесла ему прибыль в сумме три рубля, двадцать четыре копейки, и он с воодушевлением помчался в Колычёво, попутно прикупив бутылку «Солнцадара» и шоколадку «Алёнка» в придачу. Шоколадка сыграла решающую роль в дальнейшей жизни Боба. Ей он охмурил бараковскую вдову Лидию Паршкову с двумя детьми и поселился в её семье на всю оставшуюся жизнь.

Забегая вперёд, следует отметить, что пасынки в нём души не чаяли, и он оказался для них, не «вместо отца родного», а нечто гораздо большим по значению.

Сейчас он чинно восседал на засадной скамейке и выкладывал (в основном Митьке) своё негодование по поводу сребролюбия и вздорности известной категории женщин:

– То ей брошку, то серёжку купи, а то шубу запросит и кулон в придачу.

... Фланирующая молодежная компания приблизилась к сидящей троице метров на пятнадцать-восемнадцать. Митьку как током дернуло. Он резко вытянул правую руку, едва не коснувшись наклоненной бобовой головы, в сторону гуляющих:

– Эй, темногривая (Тане) и остальные, причаливайте сюда. Шустрее, шустрее!

Пока молодежь подходила, барачный оратор вещал Бобу,

но так, что слышно было на полторы улицы:

– Да ну их этих продажных баб, гораздо проще с ледями. Вся зараза от москвачек. Почему я говорю не москвички?

Потому, что звучит пискляво, а от слова москвачка, за версту отдаёт болотом. Так они и выползли с Болотной площади...

Смеркалось. Пионерский лагерь шумно и бестолково готовился к отбою.

– Что нужно этому хромоту? – Шепнула Таня своему кавалеру.

– Не обращай внимания, – успокоил Василий – хохмы свои пробормочет, и мы дальше пойдём.

Боб с Пиратом деликатно улыбались, а одноногий оратор вдруг вознегодовал:

– Не шепчись девка здоровенная. Правильно я сейчас сказал?

– Нет, вы несёте чушь и вздор.

Митька начал «закипать», заёрзал задницей по скамейке, принимая удобное положение и выдал очередную оскорбительную порцию:

– Твоя тётка партизанила в Шатурских болотах (была мобилизована на торфоразработки, застудила женские органы, сбежала и скрывалась в окрестностях Шатуры зимой 1941-42 г., после чего была посажена и провела три года в заключении), а сейчас партизанит около магазинов «Спутник» и «Восток», уменьшая их выручку (продает петушки

перед входом). Она играет на гитаре и впаривает свой жжёный сахар с одинаковым артистическим аферизмом.

Таня с ненавистью глянула на гнусьненько ухмыляющегося инвалида:

– Остряк – самоучка.

– Лучше быть остряком – самоучкой, чем тупым переученым.

Трудно объяснить за что он невзлюбил юную москвичку. Возможно, он сам этого не знал, а, может быть, из-за её злобно-языкастой тётки. Митька подождал, когда стайка молодёжи скрылась за домом столяра-гробовщика Томского и распорядился, тыча указующим перстом в пирата:

– Ты у нас зоркий – проследи.

Генка разве что каблуками не щёлкнул, в знак верности и с гаденькой улыбочкой кинулся исполнять приказ...

Следующим утром Митька с Бобом медленной и уверенной, можно сказать державной походкой направились в сторону интерната. Часы на колокольне только что отбили без четверти восемь. Один шел к своему легендарному колуну, другой – устраиваться на работу. По дороге, солидный Боб (он почти не уступал габаритами Митьке) рассказывал свежий столичный анекдот:

– Встречаются двое приятелей, после десяти лет разлуки, один другого спрашивает: «Как дела?» Тот отвечает: «На работе – как в лесу. Начальник – дуб, подчинённые – пни, документы – липа. Зато дома как в сказке: жена – ведьма, тёща

– колдунья, дети – бесенята, соседка – Елена Прекрасная, а муж у неё – Иванушка-дурачек» ...

Из очередного санаторного вояжа вернулся Володя Орлов и обнаружил спящую столичную гостью:

– Таня, да кто же спит в деревне перед обедом?

– Здравствуй дядя Володя, так вставать лень, я думала ещё рано.

– Конечно – вставила тётка – прошлындает до утра, а в обед ей ещё рано подниматься.

Девушка по кошачьи изящно потянулась, неторопливо поднялась с раскладушки и направилась к уличному ручейнику. Водопровода в доме не было, но в метрах двадцати от дома, в южной части огорода, как раз напротив калитки Королевых, высывалась полудюймовая труба с латунным краном. Хозяева ленились провести воду в дом, поэтому каждую зиму обкладывали трубу игольником.

Таня некстати вспомнила, как прошлым летом окатывала её тётка ледяной водой из шланга, надетого на кран.

Лёжа животом на подоконнике, подперев голову руками, Василий разглядывал умывающийся предмет своей страсти. В то же время из приоткрытого окна, но не высываясь, также положи подбородок на руки, доглядчивая Людмила в оба глаза ревниво осматривала открывшуюся картину, попеременно переводя взор с Василия на москвичку. Таня интуитивно почувствовала пристальное внимание к своей персоне и не поворачивая головы, сквозь пальцы, как бы умывая

лицо, взглянула направо и налево, оценила ситуацию и слегка прикусила губу, чтобы скрыть торжествующую усмешку. Увы, женское сердце не имеет жалости к сопернице.

Через минуту она уже кричала:

– Вася, включи «Червону руту».

Парень с торопливой суетой исполнил просьбу, под неумолчное ворчание матери. Маленький Вовка, которому шел второй год, настойчиво дёргал старшего брата за штанину, стараясь привлечь внимание., а Тамара бубнила:

– Сынок, ты бы хоть покосил, кормить скотину зимой нечем будет. Вот выучишься, тогда и лодырничай, а сейчас какую-никакую пользу принеси. Сдалась тебе эта каланча московская, сама лентяйка, так ещё и тебя с толка сбивает.

– Мам, не нуди. Ты знаешь, что говорил Маркс об идиотизме сельской жизни?

– Он помер давно, а жить-то надо, не пропадать же с голода. Хоть за ягодами сходи.

После обеда, страстно целуясь в малиннике Лохмача, юные влюбленные договорились сходить в черничник за раменской дорогой.

Как взаимная индукция охватывает обмотки трансформатора, так их закружило в вихре всепроникающей любви. Под любыми предлогами стали они избегать вечерней скамейки и многочисленных компаний. Назойливое присутствие посторонних глаз, невольню следящих за ними, злило и раздражало влюбленную парочку, а неприкрыто наглые взгляды

Митьки, вызывали в Тане взрывы ярости.

Поход за черникой испортила Людмила, которая как бы случайно наткнулась на сборщиков синеватых вкусных ягод. Она беспардонно собирала лакомство не в бидончик, а в рот, и с перепачканным лицом что-то радостно и без остановки говорила.

Вечером того же дня, на мосту, старом, деревянном, который доживал последние свои часы, произошла битва гигантов. В ней приняли участие почти ровесники – местный Мамонт и наглый москвич дачник Мишка Липаков.

Стокилограммовый нахал Мишка за месяц пребывания в Колычёве, дерзостью и могучими кулаками заставил пресмыкаться перед ним добрую треть деревенской молодёжи. И его вдруг заклинило на идее, что ребятам с Парковой и Перспективной улиц нельзя по вечерам пересекать речку. Он грозно встал на пути весёлой компании, окруженный местными адыютантами. Таня с Василием плелись в хвосте и не сразу поняли происходящее.

– Ну-ка, быдло, быстро развернулись назад!

Могучий москвич стоял, скрестив на животе руки и поигрывая мышцами.

– Ты что, мост купил что ли? – Сдерзил Пират, зная, что поддержку получит.

Серёга Мамонт, хотя и был слегка трусоват, подвинул одноглазого и врезал со всей дури в глумящуюся физиономию. Силы оказались не равны, битва длилась менее минуты. Вна-

чале Мишка пытался оказать сопротивление, но Мамонт, который много сильнее физически и на целый пуд тяжеловеснее, буквально смял соперника и поверг его на бревенчатый настил. Свита москвича разбежалась.

Над грозным приезжим нахалом открыто смеялись во всех концах деревни. Днём он изредка выходил за пределы огорода, дёргано и боязливо озираясь по сторонам, а вечером вообще перестал показываться на улице. Помаясь так с неделю, Мишка сбежал от стыда в столицу, вынашивая коварные планы мести, которые, к счастью, никогда не сбудутся.

Мамонт, аналогично сопернику, испугался, и испугался не меньше оппонента. Зная деревенские нравы, когда в ответ на удар кулаком могут врезать дубиной, а то и вилами пырнуть, он неделю просидел взаперти. Пират выражал денщиковскую готовность ринуться в бой с кем угодно на стороне силача, но такая поддержка мало успокаивала. Он вздохнул полной грудью, когда побитый москвич убрался за деревенские пределы.

Поединщики помирятся после службы в армии и с тех пор станут относиться друг к другу с вежливой корректностью...

Вскоре после ретирады Мишки Липакова в Москву, стала стихать, по выражению Василия, война жёлтого и белого одуванчиков. Так он, не без юмора называл враждующие остатки своей бывшей организации.

Роль моста стали выполнять три гигантские железобетон-

ные трубы, поверх которых пролёт гладкий асфальт.

Летом 1971 года вишенник тёти Дуси понёс наименьший урон. Василию стало не до вишен, Лёшка также наплевал на чужой урожай, а прочие мелкие хищники вреда почти не принесли. Единственный казус произошёл со средним Котелкиным – Юркой, который вошел, а вернее влип в историю Колычёва под прозвищем Иваныч. Он полез было по примеру старших за старушкиными ягодами, но невероятным образом повис карманом на заборе и минут десять ерзал и орал от страха. Тётя Дуся снять его не сумела. Пришлось ей бежать за одноглазым отцом семейства. Тот снял с забора и слегка высек потомка брючным ремнём, досадуя, что он так глупо попался, а не на то, что он забрался в чужие владения...

А жизнь продолжалась своим чередом. Великие строители Бочкин и Никитин к тому времени уже создали свои главные сооружения. Регулярные полёты в Алма-Ату начал совершать сверхзвуковой ТУ-144. КБ Туполева и Мясищева вели конкурентную борьбу за тяжелый бомбардировщик, будущий ТУ-160. В Москве, под впечатлением просмотра фильма о собственной жизни, скончался великий конструктор импульсных ракетных двигателей Алексей Исаев...

С конца июля Таня с Василием облюбовали возле гигантского тополя более чем метровой ширины место для встреч наедине. Возле дома Маковских росло два огромных тополя. Влюбленных привлекало дальше от бараковского фона-

ря дерево, которое образовывало тёмный уютный закуток, состоящий из собственно ствола и забора, да ещё затенённый жидким сиреневым кустом.

Галя Безрукова вскоре выследила парочку. Она даже вычислила алгоритм их появления в укромном месте и три дня, вернее ночи наблюдала за ними из-за детсадовского забора, вдоль которого рос колючий шиповник. На четвёртый вечер к ней присоединился Пират Степанович. Вначале она испугалась приближающейся тени, но распознав хлюпающего носом недомерка, спросила тихим, ироническим шепотом:

– Тебе что нужно, Нельсон?

– Что и тебе. А ты зачем обзываешься?

– Гордись, дурило, адмирал Нельсон был великим человеком, у него толи руки не хватало, толи глаза и потише давай, а то услышат.

Расстояние до обнимающихся молодых людей не превышало одиннадцати-двенадцати метров, но те настолько были поглощены собой, что вокруг ничего не замечали и даже довольно громко, хотя и вполголоса вели разговор:

– А ты Высоцкого видела?

– Не-а – отвечала Таня – только в кино. Где я могла бы с ним столкнуться?

– Да вы же в одном городе живёте.

– Ну ты сказал! Это у вас половина деревни спит под одним одеялом, а в Москве люди из одного дома, а то и подъезда, друг друга не знают. Вот, Этуша я видела.

– Кто такой?

– Забыл, что ли? В «Кавказской пленнице» Саахова играл.

– А, помню, хороший артист.

Западный ветер нагнал облака, которые закрыли большинство звёзд. Стояли последние тёплые ночи лета. Оба подглядчика сидели на корточках, время от времени разминая затекшие ноги. Генка осторожно и мягко дрожащими пальцами провёл по спине девушки. Галя поёжилась и задвигала плечами:

– Ты чего?

– Всё равно смотреть пока не на что, – прерывисто и волнительно зашептал Пират, зная, что Галя не станет выдавать своего присутствия скандальным криком, а потому провел по легкой тоненькой кофточке ещё разок и не менее эротично.

– А ты ласковый, оказывается.

Воодушевлённый поощрением одноглаз, обхватил будущую торговку сзади, пытаясь своими мелкими руками уцепиться за необъятную грудь. Девица сжала подмышки, заклинила конечности нахала:

– Что тебе надо?

В ответ Генка зашептал ей в ухо, обдавая табачно-семечковым дыханием:

– Тебе жалко, да? Замёрз я, а так теплее.

Галя в любом случае не рассматривала Пирата Степановича, как достойную партию, даже более того, она вообще

не считала возможным связать судьбу с местными деревенскими ребятами, но страдая любвеобильностью, редко кому отказывала. Мускулы будущей заведующей магазином медленно расслабились и руки одноглазого молодчика проникли к заветной цели.

– Растегнуть можно? – Горячая волна потенциальной энергии прошла по парню.

– Там две пуговички. – Галя тоже задышала глубже обычного.

Генка задрал кофту на спине и неуклюже зашарил руками:

– Не пойму, как они растегиваются.

Девушка сама в секунду освободила грудь от стягивающего лифчика, и та рухнула в руки Пирата стремительно обмякнув. Он зачарованно и недолго помял страдающие гигантизмом выросты женского организма. Потенциал его поник и он, тоскливо тиская соратницу по слежке, стал думать, под каким предлогом удрать.

– Ой, кажется, я чайник на плитке оставил.

Галя стальным шепотом заставила его отказаться от отступления:

– Один-пусто, 9доминошный термин, намекающий на дефект кавалера) если ты сейчас смоешься, ко мне больше не подходи!

Генка грустно вздохнул и приступил к выполнению обязанностей...

В субботу на Парковой улице сыграли долгожданную сва-

дбь. Тётя Шура Зотова выдавала свою единственную дочь Лиду за соседа Женьку Лыскова. Количество приглашенных ограничивалось тридцатью человеками обоего пола, из-за скромных размеров жилья. Зрителей же и прохожих зевак оказалось в два раза больше. Кого привлекало любопытство, а кого дармовое угощение. На эти цели хозяева готовили вёдра самогонки – и дешевле, и злее.

Часам к пяти торжество выплеснулось на улицу. Гармонист Вася занял подобающее место на скамеечке и под мотив «цыганочки» начались пляски с частушками, в которых литературные обороты и выражения крайне редки.

Заведующая пионерским лагерем срочно придумала мероприятие в дальнем конце парка, на футбольном поле, лишь бы уберечь подростковый слух от матерного народного творчества.

Частушки готовили заранее, чтобы блеснуть ими в нужный момент. Странно, что занимались этим лишь женщины, да девушки на выданье. Они устраивали своеобразное соревнование, или частушечные перепалки между собой, а слушатели и зрители буквально валились от хохота. Иногда и мужчины выдавали свои куплетики, но всегда безнадежно проигрывали поднаторевшему слабому полу.

Прислонясь спиной к штакетниковому забору, на травке восседал Володька Тарзан, уже махнувший семь стаканчиков без закуски, и заунывно рассказывал Витьке Хитрову историю своей неудачной женитьбы. Балон растерянно слушал.

Ему также налили пару стаканов и он, захмелев с непривычки, глуповато улыбаясь, делил внимание между повествованием пьяного Тарзана и дробным плясом под остросоциальные и остросексуальные пропетые стишки...

Таня склонилась к уху Василия:

– Никогда не думала, что в деревне можно услышать такое. У вас так всегда на свадьбах?

– Почти всегда. Если женится или выходит замуж кто-то из местной интеллигенции, то помягче поют, культурнее, а в остальных случаях такое завернут – уши вянут.

Митька ухмыльчиво прислушивался к непристойностям, которые без устали и перерыва выдавали уличные дамы и делился впечатлениями с математиком Петровичем, родным братом директора подсобного хозяйства Фомина, толстячком с обвислыми щеками и брюхом. Он отказался от спиртного домашнего приготовления, но откусал стопочку «Столичной» и с удовольствием закусил кетой. Инвалид не был абсолютным трезвенником, но употреблял в редких случаях и никогда не позволял себе пьянеть. В противоположность ему, рассудительный преподаватель математики без ежедневных пол-литра давно уже не обходился.

– Смотри, Алексей Петрович, два одноглазых в одной компании, – Митька указал на Пирата и Ивана Котелкина – не к добру.

– Тот улыбнулся:

– Знаешь, Дмитрий, в математике есть такое правило, что

пятьдесят процентов допускается округлять до ста. По одному глазу они имеют, значит округляем до четырёх.

Сквозь нестройные ряды зрителей к ним протиснулся Володя Мартынов, отец Валерки и местный пассионарий. Когда он выпивал, то становился невоздержанным на язык и поступки, мог надерзить любому начальнику, вплоть до рукоприкладства. Судьба щадила его. За свои слова и выходки он чудом не оказался в тюрьме в сталинское и хрущевское время, а уже при Брежневе к нему, как фронтовику, относились лояльно. Не раз тряс он за грудки двоюродного брата – Виктора Сарычева, директора интерната, со словами:

– Ты же гад всю войну в замполитах при штабах отирался, передовой ни разу не нюхал!

Прежнего директора подсобного хозяйства ненавидел столь люто (тот будучи полковником и комендантом пару раз сажал Володю на гауптвахту), что многократно атаковал его с «кривым стартером» в руках. Стальную ручку для заводки машины у него быстро отнимали собратья шоферы, зная его характер и Сергей Ефимович Бодров оставался цел и невредим.

Володя стал водителем случайно. Призванный в 1943 году, он оказался в далёком от фронта полуголодном Хабаровске. Выстроили батальон на плацу и предложили сделать шаг вперёд тем, кто знаком с автомобилем. Таковых не оказалось. Тогда упростили вопрос до уровня:

– Умеет ли кто ездить на велосипеде?

Двое шагнули вперёд, в том числе и он.

После ускоренного обучения, его отправили через всю страну поближе к фронту, но не на сам фронт, посадили на американский «Студебеккер» и доверили перевозить бесчисленные грузы с армейских и корпусных складов на дивизионные. Война его почти пощадила – ранен он был всего дважды и то легко.

– Привет здоровяки – Володя вежливо протянул руку Петровичу и небрежно Митьке – веселитесь помаленьку?

– На свадьбе грех не веселиться. – Ответил одноногий без тени улыбки (ему не понравилось пренебрежение старшего Мартынова).

– А мне не до веселья. Феде Михайлину дали второй класс, а меня на комиссию не допускают. Вот гады. Алексей Петрович, пузатый ты наш, уважаю я тебя за то, что хоть ты и директор вечерней школы, но в партию не вступаешь.

Василий потянул Таню за собой, желая послушать военного шофёра, они встали в двух шагах от собеседников, причем девушка оказалась лицом к лицу с Митькой.

А Володя продолжал:

– Знаете, почему Бересту звание героя не дали? Я вам скажу.

– Кто такой Берест? – Поинтересовался учитель.

– Замполит из батальона Степана Неустроева, который изначально с Егоровым и Кантария лазил на рейхстаг и знамя крепить помогал к конной статуе Вильгельма. Другие

флаги немцы сбросили, а ихний уцелел. Комбат Степан им высказал, что мол, знамя должно висеть над куполом. Кантария с Егоровым снова полезли наверх. Все порезались о битые стёкла. Егоров вообще чудом уцелел – под ним балка рухнула, а лейтенант Берест видать побоялся карабкаться. В итоге героями стали пятеро – три комбата, чьи солдаты штурмовали рейхстаг – Неустроев, Самсонов и Давыдов и два разведчика – Михаил Егоров и Мелитон Кантария. Кстати, через неделю к ним добавили Илью Сьянова, он был старшим сержантом и командовал ротой прикрытия, которая охраняла знаменитую группу.

– Старший сержант ротой командовал? – Удивился педагог.

– Ну да, при штурме Берлина младшие офицеры гибли без счёта, приходилось сержантам командовать. На первом параде Победы знамя так и не пронесли, капитан Неустроев, раненый и обожженный, не мог толком шагать (правая нога волочилась), а обгорелые руки не держали древко...

Частушечницы стали выдыхаться одна за другой и, исчерпав репертуар, уже повторялись. Вася всё наигрывал незамысловатый залихватский мотив. Митька что-то сосредоточенно соображал. Выждав паузу между куплетистками, он, глядя в упор на московскую гостью, безголосо, но с энтузиазмом пропел:

В пруду рыбка завелась

Люди замечали

Что ж ты девка раздалась?

Видно накачали.

Почти никто не среагировал на частушку. Откровенно говоря, мало кто понял, к кому относятся эти слова, да и сам текст по свадебным меркам, был более чем безобиден, но Таня, глянув строго на Василия, вырвалась из круга зрителей и торопливым шагом направилась к тёткиному дому. Тот нагнал девушку почти на перекрёстке, возле пиратовой избышки, недоумевая: что с ней случилось?

– Таня, подожди. Куда ты торопишься?

– Отстань Ты правда не понял ничего?

Девушка глядела отчужденно и, немного помолчав, укоризненно добавила:

– Дурачок, эта частушка про нас, точнее про меня, а ты, как лопух стоял и даже ухом не повёл.

– Давай я сочиню о нём по-быстрому, а ты споёшь. Пойдём назад, успокойся.

– Ты стихи умеешь писать?

– Немного.

– Тогда почему обо мне ничего не написал?

– Напишу, обязательно напишу.

Таня колебалась в нерешительности. Тем временем до парочки донесся вновь мощный баритон одноногого. Он не угомонился и спел второй ехидный куплетик:

Галька, лежа на пляжу,

Мнёт лохматую межу,

А люди удивляются:

«Чего она валяется?»

Последовало два холостых проигрыша гармонии и звончайший голос Гали Безруковой выдал «ответку»:

Инвалидовы слова –

– Грязная блевотина.

Ты заткнись до Покрова

Хромая идиотина.

Раздался взрыв смеха, даже аплодисменты послышались.

– Проводи меня домой – Попросила Таня.

– Вечером выйдешь?

– Не знаю, посмотрим. Мне одной хочется побыть.

Тётка скептически встретила племянницу:

– Ты какая-то не в себе, не заболела?

– Голова болит, а так – нормально.

– Тогда сходи завтра в аптеку и купи таблетки от городской мигрени.

– Почему от городской?

– Потому, что сельской мигрени не бывает, разве что интеллигентки какие наедут.

К солнечному закату стих ветерок. В ночь обещали понижение температуры до трёх-пяти градусов. Танино негодование постепенно улеглось. Василий заискивающе бродил по улице туда-сюда, мотаясь как маятник и бросая с надеждой взгляды на глиняный домик.

На вечернюю скамейку собрались одетыми по-осеннему.

Одна Людмила повыпендривалась немного в лёгком платье, но и она сбегала домой, возвратясь в куртке.

Василий явился с гитарой, надеясь задобрить Таню и развеять её дурное настроение. Валерка Сёмин обучил его в своё время трём аккордам и кое чему ещё.

Людмила примостилась на краешек, к Гале, игнорируя привычку сидеть рядом с Таниным кавалером. Они долго шушукались, посмеиваясь время от времени.

Тётя Аня, надев телогрейку, подошла поближе к молодёжи и встала за малинником, наостря уши.

Нагретая за день земля стремительно отдавала тепло. Ясное звёздное небо предвещало серьёзную утреннюю прохладу. С Парковой улицы слышались грустноватые женские голоса, поющие «В жизни раз бывает восемнадцать лет».

– Сосед, подыграй нам на гитаре. – Обратилась Галя Безрукова к Василию.

– Какую мелодию?

Галя с Людмилой несколько раз подряд проляляли мотив известной песни. Когда ритм и мелодия были сносно подобраны, подружки-интриганки негромко и задушевно пропели:

Я возле тополя

Потерлась спиночкой

Зачем протопала

Туда тропиночку?

Таня напряглась, чувствуя происки соперницы. Камешек

явно прилетел в её огород. Слезы выступили на глазах, и она нервно зашарила по карманам ветровки, в поисках носового платка.

Василий ничего не замечая старательно бренькал на шестиструнке.

Тётка подняла голову над малинником. Подруги пропели следующий куплет:

Я на скамеечке
Порвала платъице
Вот так умеючи
Василий ластится.

Таня вскочила как ужаленная. Галя и Люда захихикали. До Василия дошел смысл простенькой песенки, пропетой дуэтом.

– Нука, шалава, быстро домой! – Грозная тётка вышла из огорода.

– За что, тётя Аня?

– Сейчас ты у меня, сука, узнаешь за что. Я сказала – марш домой!

Ранним воскресным утром, поёживаясь от холода, Таня и её тётка во враждебном молчании направились на остановку к первому рейсовому автобусу. Проходя мимо дома Котелкиных, девушка, глядя на три передних окна, громко прокричала:

– Вася! Я ещё вернусь! Я обязательно приеду!

Василий услышал знакомый голос. Он спал на чердаке,

куда перебрался с сушила, будучи в натянутых отношениях с Лёшкой.

Парень встал и выглянул в чердачное оконце. По направлению к раменской дороге удалялись две женские фигуры...

Больше они никогда не встретятся. Через год семья Орловых переедет в новую квартиру. Тамара Котелкина бросит спрятанную бумажку с Московским адресом в печь, а Василий, узнав о том, с месяц побушует и успокоится. Таня, будучи впоследствии в гостях у тётки, пару раз попытается приехать в Колычёво, но та её высмеет и нагородит кучу небылиц, чтобы племянница отказалась от затеи...

Людмила, разумеется, уехала учиться в Коломну. Поступила, правда не в медицинский, а в сельскохозяйственный техникум. Её одноклассник, Витька Хитров, а заодно с ним и Валерка Сарычев, также проигнорировали Егорьевские учебные заведения и с первого сентября поселились в общежитии при ПТУ города Коломны.

Василий не слишком горевал поначалу, уверенный, что адрес Тани у него в любом случае есть, а сама она пообещала приехать. Через два дня после отъезда москвички, он помогал возить зерно, уплотняя щели кузова мешками и разгружая его вручную на складе подсобного хозяйства (самосвалов в интернате не было). Так прошло пару недель. Потом он хватился и вспомнил о листке с завернутым адресом, а когда не обнаружил его, устроил грандиозный скандал. Мать созналась, что спалила бумажку.

На полученные деньги за «уборочную», парень купил коричневые кожаные перчатки и бутылку водки, залез на чердак, где в одиночку напился и долго плакал, глядя на дорогу, по которой уходила Таня.

Стихотворения о своей возлюбленной, вопреки обещанию, он так и не смог написать. Вернее, писать начал, даже сочинил три строчки, но дальше дело застопорилось. Звучали эти строки так:

Улица, калиточка налево,

Узкая тропинка, дальний дом.

Девушка со взглядом королевы...

Над продолжением он бился долго и без всякого результата, много раз возвращался к нему, впрочем, с тем же нулевым эффектом.

Его стихи иногда помещали в районной газете «Знамя труда». Редактор Иван Папвлович безжалостно их калечил, боясь малейшего ек выверенного идеологически слова, или оборота. Таково было испуганное поколение. Василий очень гордился поначалу своими (совместными с редактором) строчками, но постепенно охладел к кастрировано-убогому рифмоплетению. Надо признать, что Иван Павлович немало приложил усилий для придушения способной молодёжи, исповедуя теорию: на сто тысяч населения должен быть один поэт. Разумеется, что таковым он числил себя...

Лёшка, честный и мечтательный трудяга, допас деревенскую скотину до осени. С тех пор, вплоть до полного уничто-

жения домашних животных в начале двухтысячных годов, проблема пастуха так и не разрешилась. Люди стали пасти стадо по очереди.

Школьный осенний кросс он выиграл без особого напряжения, благодаря пастушеским тренировкам. В метании мяча также не ударил в грязь лицом, став третьим и с результатом 49 метров. Его даже отправили на районные соревнования по кроссу, где он выступил достойно, попав в десятку лидеров на дистанции один километр, со временем 3 минуты 11 секунд. Молодой тренер-аферист (не шутка) Виктор Суслин, который подвизался при комбинатской спортшколе, настойчиво приглашал его в свою группу, но парень, смущенный напором, деликатно отказался.

Лёшку уже давно, а прошедшее лето особенно настойчиво, преследовала мысль о богатстве. Он мечтал и грезил о таких богатствах, что их хватило бы на всю жизнь с избытком и составлял меценатско-благотворительные планы осчастливливания населения деревни, а то и района.

В Колычёве многие страдали манией кладоискательства, но юный пастух переболел этой заразой сильнее остальных и стал на время самым ярким представителем подвида себе подобных. Тогда же он задружился с дядей Лёшей Безруковым, пастухом с тридцатилетним стажем. Дядя Лёша считался участником войны, был призван в армию во время финской компании, но отправлен в Забайкалье, а в 1941 году ещё дальше – в Монголию, где пас скотину вплоть до победы

над Японией. Он был одним из немногих ветеранов, которые старались пропускать и не посещать торжественные мероприятия для фронтовиков, что стали обильно проводиться в брежневские времена.

Молодой Котелкин не раз спрашивал бывалого чабана:

– Почему ты медали не носишь?

– Я их не заслужил. На самом деле, стрелять по волкам, разве что, довелось. Ну да, бывало, мёрз до костей, зимы в Монголии суровые, похлеще наших, от жары летом страдал, но ребята-то в окопах гибли тысячами под пулями, бомбами и снарядами. Совесть моя не позволяет их носить, особенно юбилейные побрякушки. Вот Фомин, который мост в Коломне охранял, он теперь на митингах и собраниях себя героем фронтовиком объявляет и медальками небоевыми трясёт.

– Дядя Лёша, расскажи какой-нибудь интересный случай из той жизни.

– Знаешь парень, когда тысячу дней подряд одно и то же, что интересного можно увидеть в такой жизни? Ноги в обмотках, обувь дрянная, бывало, голыми ступнями до холодов топаешь в ихних степях каменистых, голодно, пятки растресканы...

– Я тоже попробую разутым до холодов гулять, закаляться то надо.

– Даже не пытайся, дурило. Схватишь кучу болезней и все по глупости. Подвиги в обычной жизни не нужны, а если они требуются, – значит жизнь ненормальная. Хотя, в любой, са-

мой паршивой и никудышной ситуации, можно увидеть что-то смешное, или как говорил мой сослуживец Лёня Длинный, позитивное. Сам он выглядел по-дурацки, верхом на низенькой степной лошадке, когда ноги чуть не волочатся по земле, но насмешить мог в любой момент. Этот рослый солдатик сейчас смешит всю страну и не только.

– Он что, клоун?

– Нет, режиссер и ты его прекрасно знаешь.

– Никого я не знаю.

– Это Леонид Гайдай, и его «Кавказскую пленницу» ты не мог не смотреть.

– А, конечно, видел.

– Только не знаю, помнит ли он обо мне и ребятах с которыми служил.

– Дядя Лёша, ты съездил бы к нему, или позвонил хотя бы.

– Зачем? К нему небось на хромой козе теперь не подъедешь. Живу я и так справно, всем доволен, дышу чистым воздухом. Своим помощником он меня не возьмёт, да и не сумею я, не моё. Поплакать и погрустить о той тяжелой и страшной жизни, о потерянных годах? Нет, пусть бабы плачут...

Осень, как увядающая красавица, теряла своё очарование и шарм. До начала октября разносился по огородам и участкам запах сжигаемой ботвы и печеной в кострах картошки, любимого лакомства деревенских ребят.

Октябрьские дожди, нудно морозящие, прервали поиски монастырского клада, которые предпринимал Котелкин полустарший, бродя с лопатой по полям, оврагам и перелескам, нанося при роде умеренный вред. Таких искателей кладов в Колычёве насчитывались десятки, но если большинство орудовало группами, то Лёшка действовал в одиночку.

В начале ноября, когда ледком подернулись водоёмы, накануне главного тогда праздника страны, заглянул в дом сестры Анатолий Бельдягин. Лёшка читал идеологически выдержанную книгу неизвестного автора и за разъяснениями обратился к родственнику:

– Дядя Толя, растолкуй мне разницу между фибровым чемоданом и фибрами души.

– Это просто, парень: фибровый чемодан – спирт, принятый внутрь организма, а спирт, которым мажут задницу перед уколом, то фибры души.

– Тогда уж не души, а ...

Лёшка не договорил. В окне маячила фигура Юрки и он призывно и настойчиво махал руками. Котелкин-средний провалился по пояс под лёд и дрожа стал упрашивать:

– Лёш, разведи костёр, обсушиться надо.

– Бегом домой придурок, заболеешь ещё.

– Боюсь, мамка ругаться начнёт.

Старший за шиворот втащил бедолагу в дом, раздел и загнал на печку. Петрович одобрительно оценил действия племянника, и они продолжили прерванную беседу...

Улица значительно опустела, если сравнивать с летом. Много молодёжи разъехались на учёбу в Москву, Коломну, Жуковский и Орехово-Зуево. Забрали (как выражались в деревне) в армию Мамонта и некоторых его одноклассников. Печные трубы задымили дважды в день – утром и вечером. Подступала сурово-занудная зима.

Лёшка решил покататься напоследок на своём мопеде. Земля уже замёрзла, а снег почти не выпал, лишь припорошило слегка окрестности и вместо непролазного месива доступного лишь тракторам, да вездеходам, появились вполне проезжие дороги. Поколся по деревне, он направил своего легкого конька на бараковскую дорогу, решив прокатиться до прежнего места жительства, о котором стал уже забывать. Лесные дороги и просеки содержались в недурном состоянии. Леспромхоз постоянно заботился о них вплоть до начала или середины восьмидесятых годов. Это потом они придут в полную негодность, а в 1971 году такие дороги были лучше полевых и междеревенских.

За перекрестной Бугровой дорогой начались делянки вырубок. Скорость Лёшка не уважал, она мешала созерцательности.

Крика он не услышал, но боковым зрением усёк с левой от себя стороны странные телодвижения. Молодой парень обернулся, чуть не свернув шею и остановился. Когда мопед был заглушен и установилась обычная лесная тишина, слышался усталый не голос, а хрип:

– Помоги, парень!

В голове у Лёшки зашумело: «Что-то серьёзное случилось».

Он от волнения никак не мог поставить своего верного железного конька на подножку и попросту прислоня его к огромному пню, побежал на голос хрипящего. Ноги у лесника придавило в штабеле хлыстов, метров по двадцать-двадцать пять длиной. Защемило ногу чуть выше колена, со стороны макушки дерева. Кривая макушка чуть задралась вверх и не давала возможности освободить конечность.

– Слава богу хоть одна живая душа появилась. Топор лесника был вставлен меж стволами близ зажатой ноги и использовался как рычаг, не давая возможности раздавить суставы и раздробить кости. Метрах в полутора валялась на боку бензопила «Дружба».

Лёшка лихорадочно соображал: «Что делать?»

Он впал в ступор и даже готов был ехать за подмогой. Потом схватил за макушку и безрезультатно пытался поднять её.

Мужик прохрипел:

– Цыц, не дёргайся вредитель! Ты ж меня угробишь. Сам ничего не делай, только выполняй команды. Понял?

Парень закивал головой.

– Так, уже хорошо. Сейчас ты заведёшь пилу и отпилишь два тонких чурбачка, которые вставишь по обе стороны от ноги.

– Я не умею – Испуганный Котелкин буквально проблеял в ответ.

– Тебя никто не спрашивает, умеешь ты, или нет. Поднеси пилу ко мне, я заведу, а ты лагу для начала выпиши.

– Чего?

– Ну, кол толстый. Неужели не понял?

Лесник -бывший полковой разведчик и волевой человек, умел брать ситуацию под контроль.

– Может я топором вырублю колышек?

– Нельзя, мне ногу передавит напрочь. «Дружба» заработала и трясущийся от страха парень, выполняя команды взрослого сумел вызволить его из случайного капкана. К счастью, переломов и серьёзных травм не случилось, выручил топор, а то могло бы дойти до ампутации, если не до гибели.

– Сколько же вы простояли так?

– Почти пять часов, кричал, кричал и голос сорвал.

– А как вы умудрились дотащить пилу с топором в такую даль.

– Ещё сумка была с едой, вон она, за пнём.

Это разве даль и груз? В армию пойдёшь, узнаешь, что такое марш-бросок с полной выкладкой. Только ты меня доведи, нога прилично онемела, ходить тяжело, а пилу и топор мы тут спрячем.

По дороге, уже подъезжая к деревне им встретился старший сын лесника, который почуял неладное и собрался на поиски отца. Получалось, что мужчина в любом случае был

бы спасён, но Лёшка ещё долгие годы гордился собой.

В школе отметили его поступок, торжественно выстроив учеников и зачитав благодарность от педагогического коллектива. Ученик выпускного класса стоял, мысленно ликуя и изображая смущение...

Жизнь текла своим чередом. Потихоньку исчезали волжские осетровые – каскад плотин ограничил и стиснул их жизненное пространство. Уссурийского тигра стало так мало, что тревогу забили на высочайшем уровне. В стране набирало обороты грандиозное жилищное строительство и на смену первоначальным хрущёвкам приходили многоэтажные дома новых серий. Тольяттинские жигулята уже догоняли по численности «Москвичи». Пять тысяч рублей считались огромными деньгами, а известные писатели, лауреаты-музыканты, знаменитые спортсмены, имеющие по 30 50, или более тысяч рублей числились немислимыми богачами.

На земном шаре, поделённым примерно поровну, бодались две мощнейшие стороны – США и СССР, а их спецслужбы с увлечением строили каверзы друг другу. Политики извивались и путали следы, нагоняли тумана и сбивали с толка обыкновенных людей, в большинстве своём мыслящих стереотипами.

Сахаров и Солженицын ещё не были гонимы, но тучи над ними уже сгущались...

Новый год встретили с оптимизмом. Потом пришло время зимним Олимпийским играм в японском Саппоро, и зна-

менитая снегами страна прильнула к телеэкранам с искренней гордостью за советских спортсменов.

По старой части Егорьевска (микрорайоны он не уважал) бродил тихий сумасшедший, бывший фронтовик и бывший педагог, которого население города знало как Колю, любимого, как стало известно впоследствии учителя, не последних людей района. Он неудачно прыгнул с поезда Егорьевск – Шатура и сильно ударился головой о шпалу, а до этого была ещё фронтовая контузия. К семидесятым годам дорога эта была стерта с лица земли, а ко времени правления Ельцина о ней помнили только старики...

С приходом чародейки весны, людям свойственно ожидать чего-то нового, светлого, радостного. В конце мая, готовясь к выпускным школьным экзаменам, Лёшка ждал поезда очередной незнакомой красавицы, или, просто симпатичной девушки, что в общем-то случалось летом ежегодно. Но год выдался странным – праздник Троица отметили без жертв и никаких девчонок-чаровниц в Колычеве в жаркий сезон не появилось. Приехали на Перспективную улицу двое ребят – двоюродный брат Людмилы и Виталия Королёвых здоровяк-москвич Юрка, да Серёжка Пряник из авиационного города Жуковского.

С Юркой сдружился Василий, а Лёшка общего языка со стеснительным богатырём не нашел. Пряник же не подходил ему в приятели по приличной разнице лет.

По итогам экзаменов средний балл у бывшего пастуха

оказался третьим в классе – 4,25.

Он пошёл проторенной Людмилой дорогой и собрался поступать в Коломенский сельскохозяйственный техникум. Приятель его, Балон, не жалея красок живописал красоты и прелести Коломны, крупного города в котором Москва-река впадала в Оку.

Кстати, почему Витьку обзывали Балоном, почему это слово пишется с одним Л и вообще, что это за личность, стоит объяснить отдельно. По паспорту он носил фамилию Хитров, хотя к ней не имел никакого отношения. Мать его вышла замуж перед самой войной за парня по фамилии Хитров, который погиб в 1941 году под Москвой. Девичья фамилия матери – Шепталова, что её и сестру дразнили нелестным прозвищем «Шепталá», а Витьку, в малолетстве «Шепталёнок». Отец его, по редкой фамилии Болонин, инвалид войны, проживал в интернате и еженедельно навещал отпрыска, который остался его единственным ребёнком (семья полностью погибла во время эвакуации). Вздорная мать и ещё более вздорная старшая сестра Маня брать инвалида в семью категорически не хотели. Так они и жили втроём – мать, Балон и тётка. Тогда почему его прозвали не Болон? Ответ совсем прост: а Подмосковье всё население акает; там, где следует произносить О, непременно скажут А...

Лёшка выкатил из сарая мопед, намереваясь прокатиться с Витькой по зелёным улицам и тропинкам.

– Да у тебя колесо заднее спустило почти совсем. На обо-

дах будем ездить? – засуетился Балон.

У Котелкина опустились руки:

– Неужели прокол? Если так – то надолго, клеить, бортировать.

– Давай выкатим на площадку перед калиткой, посмотрим.

Причина оказалась пустячной – слегка вывернулся золотник. Радостный Лёшка кинулся в сарай за насосом.

Мимо Витьки, сидящего на корточках возле заднего колеса и зачем-то трогающем спицы, весело напевая песенку прошла Липкина Надя – младшая сестра увальня Мишки, Лёшкиного одноклассника:

Кто-то мне судьбу подскажет...

Балон крикнул ей в след:

– Эй, Доремифасолька, спой «Плачут гитары»

– Я по заказу не пою, – бойко ответила девчушка – сам учись.

Витька лениво подумал: «Ну вот, сопли подросли, воображать из себя начинают».

Лет за десять до того, они с Мишкой Липкиным, братом Нади, по детской глупости спалили совхозный стог, за что получили добрую взбучку, а родителям присудили штраф...

Дождь, прошедший после обеда на Троицу, оказался последним за лето. Установилась необычайно жаркая и сухая погода. Урожай яблок предвещал быть грандиозным. Белый налив созрел аж в начале июля.

В пруд запустили по весне карпов, а мелкая рыбёшка, по-местному – сигальга, расплодилась за два года после чистки так, что ей кормили кур. Достаточно было опустить сетку размером метр на метр на шесте и покрошить немного хлеба. Секунд через двадцать любой вытаскивал за раз полкило, а то и килограмм крошечной прудовой живности.

Лёшка воспользовался благоприятной погодой и перекопал в поисках заветного клада болотистые и ранее недоступные места. Близ святого колодца вздумалось ему разрыть могилу священника 19 века, но, кроме костей, незадачливый искатель сокровищ ничего не обнаружил.

В июле отец взял Лёшку с собой на луга. Интернат арендовал близ деревни Любичи заливные луга в Окской пойме. Рабочей силы в интернате хватало, а сена, из-за обилия во-круг крупного рогатого скота, совхозного, частного и своего – нет. Ребята ездили туда с удовольствием, – можно было заработать немного денег, искупаться в Оке и Цне и половить в каналах рыбу, количество которой не поддавалось исчислению. С четырнадцати-пятнадцати лет, а некоторых и раньше сажали на малюсенькие трактора ДТ-14 и ДТ-20 с одним цилиндром, как у мопеда, или легкого мотоцикла, а они весело на них разъезжали, сгребая сухое сено в валки, или ворошили сухую траву прицепленными ворошилками.

Лёшке поручили наловить на обед рыбу, вернее помочь это сделать местному обходчику, могучему дяде Володе. Должность его называлась объездчик, но дядя Володя не лю-

бил ездить на лошадях. Вес его, довольно значительный, мешал ему забраться в седло, потому он, предварительно доехав до интернатского стана на мотоцикле ИЖ-56, обходил луга пешком.

Взяли они ведро, огромную, метровой длины двуручную корзину и направились на ближайший канал. Под ручкой, на широком ивовом пруте красовалась выжженная надпись: колхоз имени Ленина, окское отд. Инв.№116.

– У вас много корзин? – спросил Лёшка, прочтя написанное.

– Нет, это для остратки, чтобы не спёрли. Кошёлка моя личная, а выжег, как будто казённая – такую не рискнут утащить.

Узкая водяная гладь трёхметровой ширины, поросла по берегам ивняком, рогозом и, местами, режущей осокой. Водить вдвоём такой корзинищей одно удовольствие.

– Когда подводим к берегу, ботай по кустам и сразу вытаскивай корзину.

– Дядя Володя, что такое ботай? Болтай что ли?

– Ногой дрыгай, пинай ивняк – рыба бросится удирать, а попадёт в ловушку.

Минут через тридцать пять ведро наполнилось щурками, окунями, карасями и змееподобными вьюнами. Наконец попался такой карасина, что у парня округлились глаза:

– Это что за рыбина?

– Карась обыкновенный.

– Да таких карасей не бывает.

– Как не бывает – вот он, золотистый карась, видишь какой круглый, как солнце. Небось кила на три потянет.

– А говорят, что карасей больше килограмма не бывает.

– Врут, лично я ловил четырёхкилограммового. Экземпляр оказался больше, чем по локоть длиной.

– Дядя Володя, почему мы плотву не берём?

– Да больно мелка. Когда принесём рыбу, ты сходи нарви дикого лука, я тебе покажу где.

Трёхведерный котёл ухи, приготовленный водителем Гусевым, с аппетитом вылебали, иные добавки попросили. Дикий лук оказался гораздо приятнее на вкус своего огородного собрата. Крупночешуйчатый экземпляр карася взвесили на безмене – он потянул на два килограмма, восемьсот граммов.

После обеда Лёшка с Николаем Гусевым дважды съездили на ГАЗ-51 по делам. Один рейс совершили в Любичи за питьевой водой, которую набирали в десяток четырёхведерных жбанов, и второй в магазин большого села Ловцы. Парень дважды искупался, но если большой ловецкий пляж и тёплая окская вода оставили приятное воспоминание, то в Любичах его сердце чуть не лопнуло от страха. Река Цна, перед впадением в Оку имеет русло метров пятьдесят или больше в ширину и очень заросший вид. Плавая поблизости от берега, он запутался ногой в длинных водорослях, подёргался, запаниковал и стал кричать:

– Дядя Коля! Тону!

Шофёр мгновенно оценил обстановку:

– Не дрейфь, оступись, там мелко.

Действительно, вода доходила чуть ниже подбородка. Парень подёргал ногой, оборвал водное, противное на ощупь растение и, переведя дух, поплыл к берегу, наотрез отказываясь лезть в перегретую цнинскую воду...

Жара вскоре дала себя знать. Воздух с каждым днём мутнел и запах гари становился всё отчетливее. Заполыхали торфяники Мещеры, а за ними и окрестные леса. Наконец дымом заволокло всю Московскую область, включая столицу. В народе ходили упорные и будоражащие слухи об эпидемии холеры на юге страны, особенно в Нижнем Поволжье. В воздухе стали барражировать самолёты и вертолёты, оснащенные громкоговорителями, через которые громко, но не особенно внятно вещали о недопустимости разведения открытого огня. Цена свежей картошки подскочила в пять-шесть раз...

Лёшка, шныряя в поисках драгоценностей вокруг деревни, набрёл как-то на ржавый люк позади бывшей монастырской стены среди молодых берёзок, за крайней западной оконечностью интерната. Жёлтые металлические крошки лежали едва различимые в траве, окружающей массивную крышку люка. У искателя сокровищ мелькнуло в голове: «Золото. Как же его никто не заметил?»

Крышка люка не поддавалась. Исцарапав понапрасну ру-

ки и обломив три ногтя на пальцах, он решил бежать за подмогой.

Если общительный и дружелюбный Василий старался поддерживать хорошие отношения со всеми, то следующий по старшинству брат, сходиллся с ровесниками туговато. Приятелей у него имелось мало, а близких только двое – толстомысый тугодум Мишка Липкин, да вздорноватый Балон. Мишка, от предложения помочь, отмахнулся сразу:

– Ты что, скоро обед. Что я годный останусь?

Ленивый увалень всегда предпочитал синицу в руках, журавлю в небе и никогда не разменивал еду на любое занятие, или удовольствие.

Балон скучал, слоняясь близ огорода Орловых, будто ждал, что приедет Таня.

Лёшка с облегчением кинулся к нему:

– Есть секретное сообщение.

– Что ты так пыхтишь? Отдышись сначала. Подумаешь – у него секрет. Шпион что ли?

Котелкин живописно, не жалея красок стал описывать возможный подземный ход с вероятным кладом. Витька уважительно поднял брови. Он всегда был готов на любую авантюру, если она не грозила мордобоем.

На место они пришли в ускоренном темпе, захватив с собой гвоздодёр.

– Жарко, передохнём малость – предложил упревший Балон.

Он уселся на горячий металл коричневый от времени крышки и огляделся:

– Гляди, правда, что-то мелкое желтое валяется.

– Расселся, давай крышку поднимать скорее.

– Нет, не спеши, теперь всё наше, никуда не убежит. Ты лучше скажи, как называют жену и дочь дьяка?

– Какого дьяка?

– Да любого.

– Тебе то зачем?

Интересно знать и всё. Вот у попа жена – попадья, а дочка – поповна.

– Дьякодья какая-нибудь.

– Вряд ли, скорее дьячиха, а дочь – дьяковна.

– А почему жена попа не попиха?

– Откуда я знаю. Ладно, давай крышку поднимать, только чур – ты первым полезешь.

Три раза начиная подниматься, массивный чугунный диск с грохотом срывался вниз. На четвертой попытке, когда крышка была поставлена на ребро, из-за разрушенной угловой башни высунулась голова столяра Томского:

– Здорово юные сантехники.

Крышка в четвёртый раз грохнулась на своё место, чудом не отдавая руки и ноги ребят.

– Всё пропало, надо будет делиться, – запричитал Балон – ну ладно, на троих можно.

– Что ты делить собрался, водопровод что ли?

– А разве это водопровод?

– Конечно, это колодец с вентиляем, на садовую улицу воду перекрывает.

– Что же тогда рассыпано, на золото похожее?

– Латунный вентиль, его месяц назад меняли и придурок Диколя (слесарь из котельной), распилил штуковину ножовкой по металлу, – решил посмотреть, как он сказал процесс обесцинкования в холодной воде у латуни. Распилил и заявил, что такого процесса в холодной воде нет. Если вы золото ищите, то могу предложить золотую жилу – гробы делайте. Если заинтересуетесь – приходите – научу.

Голова столяра-гробовщика скрылась за кирпичной кладкой...

В сыроватом обычно огороде Котелкиных на нижних грядках, где отродясь не было урожая, выросла к концу июля свежая картошка огромных, не виданных ранее размеров.

На всякий случай, подверженное панике население, значительно проредило картофельное полк птицефабрики за оврагом. Особо злобствовали обитатели барака. Одна предприимчивая семейка наладила поставки молодого картофеля на Егорьевский рынок.

Купальный сезон затянулся необычно долго и закончился вместе с олимпиадой в Мюнхене. Грибы пошли к концу сентября и, к началу октября, прилично расплодились.

Дочь директора подсобного хозяйства Фомина – Галя вышла замуж и год на этой мажорной ноте завершился.

Время в деревне движется однообразно; как правило, кардинальные изменения случаются изредка. Год не принёс ничего сенсационного:

Василий закончил учёбу и получил специальность – фельдшер; на Троицу был застрелен только недавно освободившийся из колонии Ванька Ксенофонов; утоплен отцом магнитофон Василия; созрел рекордный урожай зерновых, грибов и прочего.

Юный фельдшер успел поработать по специальности в интернате месяца полтора, до призыва в армию. На проводах, как водится, давали несбыточные клятвы и чушь нетрезвую несли. Людмила, естественно сидела за столом рядом с призывником и торжественно обещала дожидаться его со службы. Василий едва подавил гримасу усталости от ее назойливой привязанности. Понятно, что парня она не дождалась и при первой возможности выскочила замуж. Но это произошло чуть позднее, а на своих проводах, он пытался закончить стихотворение о Тане Ивановой, даже просил Балона и Валерку Сарычева, не чуждых поэзии, помочь ему. Те нагородили спяна полную чушь. Как известно строчки звучали:

...дальний дом

Девушка со взглядом королевы

Балон предложил: «Проливает слёзы над прудом», а Валерка, по прозвищу «Галка», ухмыляясь выдал: «Шевелит внушительным задом»

Василий понял, что это не помощники и двинулся к столу

наливать очередную рюмку.

... Тамара Котелкина устроилась дояркой на подсобном хозяйстве, благо дойка стала машинной, ряды автопоилок облегчили труд, а на подхвате всегда имелись в наличии больные интерната. Маленький Вовка бегал в детский садик самостоятельно, стараясь не допускать, чтобы его отводили туда за руку Юрка или Таня, которая стала школьницей в 1972 г.

6 февраля 1974 года в далёкой Америке началась процедура импичмента президенту Никсону в связи с «Уотергейтским скандалом». Пресса всего мира, советская в том числе, заходила в истерии по поводу необычайного события, будоража общественное мнение.

Простым людям из СССР год больше запомнился победой на чемпионате Европы по боксу Вячеслава Лемешева, который выступал со сломанной рукой и, всё равно оказался лучшим.

... Дни и события промелькивали как кадры на плёнке. Сменялись дождём снежные хлопья, а жесткие отмершие листья спустя полгода забывались и люди с нежностью смотрели на юную майскую зелень.

Ровесники Лёшки беспрестанно влюблялись, заводили романтические и не очень знакомства с противоположным полом. Он же дал себе слово, причём на ровном месте и без всякого повода и причины: до восемнадцатилетнего возраста серьёзных и вообще отношений с девушками не заводить.

Над ним даже посмеивались иной раз, особенно в Коломне, но он остался твёрд и непоколебим в своём мнении.

Он уговорил своих домашних заменить простые белые занавески на модные шторы, хотя бы в большой комнате на трёх передних окнах. Иван, матерясь вешал карнизы, сетуя, что какой де баран умудрился придумать столь глупую конструкцию. По деревенским неписаным правилам, занавески должны висеть на веревочке и загораживать нижнюю половину окна, чтобы через верхнюю проникал солнечный свет и можно было выглянуть на улицу поверх белых шторок, а с улицы, то есть снизу, нельзя разобрать, что творится внутри.

Под мощный рёв двигателя промчался мамонт на своём ЗИЛ-130, провожаемый завистливым взглядом Витьки Балона. Витька вспомнил, как полтора года назад здоровяк вернулся со службы, ещё более укрупнённый в габаритах, надел телогрейку семидесятого размера, завязал её внизу на узелок и ходил в ней выставив голую грудь в любую погоду, кроме лютых морозов.

Балон постучался к Котелкиным. Семья чинно ужинала жареной картошкой. Была суббота, до Троицы оставалось 8 дней. Гостя усадили за общий стол, а он и не думая отнекиваться, согласился с удовольствием. Дома его кормили однообразно и невкусно. Всегда он ходил худой и полуголодный, лишь за последние полгода округлился на казённых пэтэушных харчах.

Какая картошка вкусная – похвалил Витька – наши нико-

гда такую не жарят.

– Что, жарить не умеют? – Немного презрительно спросил одноглазый отец семейства.

– Жарят, только вот так не получается.

Тамара назидательно-певуче поведала:

– Масло сливочное надо добавлять, лучок пережаривать...

После раннего шестичасового ужина, Лёшка и Витька отправились посмотреть на свадьбу Минуса. Так прозывали следующего за Пиратом по старшинству Тольку Молоканова. Свадьбу играли скромную – претендовать на размах не позволяла хижина дяди Стёпы, как называли невзрачный домишко выстроенный из остатков не сгоревшего до конца второго барака в конце зимы 1959 года, главой семейства худым, длинным и контуженым на фронте Степаном.

Навстречу ребятам спешила Людмила чем-то явно взволнованная:

– Пока вы тут шляетесь, наших ребят бьют!

– Кто бьёт? – Балон остановился в недоумении.

– Коломенские приехали на мотоциклах и наводят свои порядки.

– Много их? – опасливо спросил Лёшка.

– Полно! Жалко Вася в армии, он бы им показал!

Лёшка хмыкнул со скепсисом:

– Как же, держи карман шире, показал бы он...

...свою спину.

Людмила, как всякая сплетница, значительно преувеличила реально происходящее. Никто никого ещё не бил. На четырёх мотоциклах приехали семь крепких ребят из Новой Деревни, Коломенского района (они были знакомы с новобрачной, родом из тех мест) и, видя хлипкость и малочисленность местной молодёжи (Минус пригласил на свадьбу народец мелкий и тщедушный), решили продемонстрировать доминанту. Прислоня свои ИЖи и Восходы к детсадовской ограде, великолепная семёрка приступила к наведению диктатуры приезжих.

Шуганув стайку пятнадцати-шестнадцатилетних подростков, они поманили к себе Пирата и Куренка. Куренок, самый младший из братьев Молокановых, хотя отслужил уже в армии, был настолько хил, что казалось рассыпится при случайном прикосновении.

– Ну что, гвардейцы и чудо богатыри – заявил с трудом сдерживая смех Витька Буров, главарь интервентов, который переедет затем в Егорьевск, станет водителем Моссельэнерго и часто навещающая Колычёво, будет совместно с Пиратом и прочими участниками ностальгически вспоминать о прошедшем времени – один на один станем биться, или вы всех одолеете?

– Наши соберутся – вам навешают – храбро заявил Борька-куренок и бросился бежать со всех ног в парк.

Пока агрессоры ржали от смеха, сообразительный Пират юркнул в сторону барака.

Подбежали Балон с Лёшкой.

– О, знакомые рожицы – упивался преимуществом Витька Буров – сейчас мы тебе Хитров припомним кое-что. Ты, надеюсь не забыл, как Богдан (Сашка Яснов), по твоей ябедке мне борщ в столовой ПТУ на голову вылил?

– Это же не я вылил – запричитал Балон – а жаловался на тебя Валерка Сарычев.

– Поговори ещё у меня! Второго я тоже вижу частенько в Егорьевском автобусе, так, что, если удерёте – мы вас отловим. Давайте так: либо пинка получите, либо щелбан, на выбор. Лёшка угрюмо помалкивал, мысленно готовясь к побоям, а Витька Балон, быстро скумекав что к чему, заявил:

– Да уж щелбан -то лучше!

– Наклоняй башку.

И тут вышли такие рожи... Это слова Витьки Булова, которые не раз повторял, вспоминая что произошло дальше. Мотоциклетные выхлопы, вперемешку с выхлопами их владельцев возвестили о тотальном отступлении наезжих.

Парадоксальным оказалось то, что героем дня стал Балон. Его угодливо склоненную голову сочли за отчаянное бычье упрямство и безумную отвагу в схватке против семерых. Лёшка не стал разоблачать подельника...

На Троицу 1975 года была принесена последняя праздничная жертва – опившись, помер во цвете лет одноглазый Котелкин Иван. В последующие сорок пять лет деревня в этот день обходилась без трупов.

Похоронили, помянули. Шурин, после девятой рюмки пытался запеть, но получив толчок локтем в бок, замолк и тупо озирался, стараясь что-то сообразить.

От скотины избавились, посчитав содержание ее бессмысленным...

В шестидесятые-семидесятые годы двадцатого века, спорт в Советском Союзе почитался едва не религией. Не обошло это поветрие и Колычево. Боксеры, легкоатлеты, хоккеисты и футболисты местного разлива вполне достойно представляли деревню на районных, межрайонных и, даже областных соревнованиях. Неплохо зарекомендовали себя лыжники. Из молодежи лишь троих физкультура и спорт оставили равнодушными. В эту тройку³ входили Василий, Балон и медлительный в мыслях и делах Мишка Липкин. Даже никчёмный, казалось бы, Пират Степанович, при собственном росте полтора метра, прыгал в высоту «ножницами» на метр сорок.

Встречались боксеры первого и второго разрядов, лыжники-второразрядники, но особо много было разрядников-легкоатлетов. Сашка Хромов метал гранату на невероятные 64 метра, а тот же Мамонт толкал ядро на уровне кандидата в мастера спорта и прыгал в длину на шесть метров, несмотря на огромный вес. Эстафетная команда была вполне конкурентноспособна на районном уровне, показывая в дисциплине 4x100 метров не слабые 46,8 сек., а двое самых быстрых на стометровке неизменно входили в тройку лучших с ре-

зультатами 11,1 сек и 11,8 сек. Однако на общем спортивном фоне, одно отличие сильно выделяло ребят из Колычева. Сейчас даже представить сложно, что два десятка деревенских ребят занимались с увлечением прыжками с шестом. Парадокс в том, что в райцентре, даже спортивной школе, которую трое ребят с Перспективной улицы посещали, этот вид не культивировался. Причём шесты были в наличии, и брат Людмилы – Виталий Королёв, со своим соседом Сашкой, частенько их брали из сложенного в кучу инвентаря и устраивали хохмы на городском стадионе, прыгая через футбольные ворота, пока их не отбирал ленивый тренер Виктор Суслин.

А началось всё так. Сосед Витальки – Мишка, проигрывая многим прыжки в высоту, решил хоть в чем-то превзойти остальных и самостоятельно освоил этот технически сложный вид. Произошло это как раз во время советско-американского совместного космического полёта со стыковкой на орбите. Глядя на него, подключились другие ребята.

В течении двенадцати лет три брата Котелкины, сменяя друг друга штурмовали эту заветную планку. Забегая вперёд, следует сообщить, что Лёшка, достигнув уровень третьего разряда, успокоился и бросил шест. Юрка, позднее, также стал третьеразрядником, но имел результат на десять сантиметров выше, чем у старшего. Наибольших успехов достиг младший из Котелкиных – Вовка, который замыкал четвёрку второразрядников. Была пара ребят, в том числе Вита-

лий Королёв, которые очень далеко оторвались от этой четвёрки, но так как речь не о них, то тему спорта следует завершить...

Василий вернулся со службы, которая его тяготами и лишениями не обременила, да и какие трудности или невзгоды могли ждать армейского фельдшера в мирное время. Он, полный оптимистического энтузиазма на будущую жизнь, принёс документы в отдел кадров интерната, где сразу был трудоустроен по специальности, а в нагрузку, стал лидером дурдомовского комсомола, который насчитывал в своих рядах более семидесяти членов. Вскоре завертелся его роман со своей предшественницей на комсомольском посту, светловолосой и симпатичной Ириной.

Когда закончились февральские метели, в Колычёве открылся клуб. Этого события ждала молодёжь почти восемь лет, причём многие не дождались, разъехались по городам и посёлкам Московской области.

На открытии культурного заведения, показали индийский фильм «Зита и Гита», а после танцевали под пластинки до глубокой ночи. У проигрывателя с колонками усаживался обычно Мамонт и в меру своей глупости выбирал, под какую мелодию станет скакать молодёжь, или наоборот, танцевать медленный танец. Из «медляков» наиболее ценились «Мамми блю» и мелодия из «Крестного отца».

За два месяца сменилось четыре заведующих клубом, один глупее другого, пока выбор не пал на Степана Кавели-

на, приезжего инвалида, у которого к нехватке ума, прибавилась общественная активность. Иногда в клубе, или около него возникали стычки и потасовки, подвыпивших буйнов и задир быстро успокаивали, но Степан, которому не давал покоя административный зуд, обязательно устраивал на следующий вечер лекцию о приличном поведении и долго, с нудным затягиванием времени бубнил чепуховую отсебятину. Однажды Мамонту это осточертело, и он дал понюхать завклубу свой гиреподобный кулак:

- Чуешь чем пахнет?
- Вроде бензином.
- А это страшнее керосина.

Степан с тех пор малость притих и говорил новому приятелю – Бобу: «Запах бензина у меня связывается с пределом административного воздействия».

... Дела Василия катились к свадьбе, а Лёшку в начале мая забрали служить на флот, вместе с одноклассником Витькой Ряжновым, сыном известного деревенского остряка. Обоим шел уже двадцатый год, но из-за учёбы, суровые армейские будни были отложены для них года на полтора, потому, вероятно, комиссия и направила их на море.

Опять же, забегая вперёд, следует констатировать, что служили они на атомной подводной лодке, где вероятнее всего получили дозу облучения, судя по их непродолжительной жизни и болезням, не свойственным ближайшим родственникам.

...Ряды деревенской молодежи стремительно уменьшались, старушки постепенно вымирали, а дома горели, либо, как глиняный домик Орловых, разрушались. С середины семидесятых участки помимо огородов, на которых выращивали картошку, стали забрасывать. За десяток лет население ополовинилось.

Лето семьдесят шестого года запомнилось необычайным холодом, студенческим стройотрядом и свадьбой Василия. До двадцатых чисел июля носили куртки, а купальный сезон продлился с 25 июля по 4 августа, оказавшись самым коротким в 20 веке.

Студенты-энергетики монтировали два фидера (высоковольтные линии) – девятнадцатый и двадцатый, ведущие к мощному животноводческому комплексу. Они внесли своей жизнерадостностью и молодым задором некоторое разнообразие в устоявшийся деревенский быт. Молодежь до поздней засиживалась в «финском» доме, где дислоцировался стройотряд, слушая песни под гитару и байки студентов третьекурсников.

Руководство страны старело, многие из них умирали на своих постах, экономика, от марзматического правления, медленно, но верно приходила в упадок. В чью-то мудрую, а быть может хитрую голову, залетела мысль, поднять, или поддержать экономический потенциал с помощью комсомольско-студенческого полумистического энтузиазма. И действительно, вклад оказался немалым, но, как известно,

на голом энтузиазме далеко не уедешь. Идеи, даже здравые, доводились до абсурда. В начале осени в деревни перебрывались целые армии студентов, школьников, работяг с заводов и фабрик, а также служащих различных учреждений. Это называлось «битвой за урожай». Биться оставалось ровно пятнадцать лет...

Среди будущих инженеров-энергетиков, лохматых вольнодумцев, находились две особы женского пола – строгая и недоступная на вид брюнетка Марина – высокая, фигуристая и кричаще красивая, а также, конопатая шатенка могучего сложения Лена. Задача у девушек была не особо сложна – накормить проголодавшуюся ораву. Справлялись с обязанностями они играючи, посвящая свободное время трепотне с местными ребятами. Особо частыми гостями с некоторых пор стали Серёжка Мамонт и пошедший по его стопам Балон, который также стал водителем.

Когда Мамонт впервые увидел Лену, несущую огромную охапку дров к печке, он уважительно произнёс:

– Да, чувствуется сила!

Девушка озорно отозвалась:

– А как же! Я дама мощная – сто килограммов.

– Сто семь, – с ехидцей поправила Марина – не скромничай.

Мамонт оживился:

– Сто семь? Я как раз сто семь в восьмом классе весил.

Его угостили борщом, который остался после обеда. Здо-

ровяк оценил стряпню, а поскольку считал еду главным удовольствием в жизни, то стал навещать щитовой дом регулярно. Как-то Лена кокетливо поинтересовалась:

– Вкусно я готовлю?

– Ага.

– Ты бы хоть в благодарность поцеловал что ли.

– Да ну, глупости. А что, разве можно?

– Нет, теперь уже нельзя.

Когда Мамонт по простоте душевной рассказал об этом хитроватому Балону, то лукавый Витька, как бы невзначай, с не очень скромным предложением подкатил к дородной поварихе и получил неожиданный ответ:

– Ты хоть мелок, но не глуп, довольно много знаешь. Если ответишь на простой вопрос, то я так и быть (повариха грубо вздохнула) воспользуюсь моментом и соглашусь.

– Конечно отвечу, если простой вопросик.

– Откуда берётся ноль в розетке и вообще в однофазной сети?

– По проводам.

– Ты близок к победе. А в проводе откуда он появляется?

– Да вон, от трансформатора провода идут.

– Девяносто пять процентов ответа. Вот гляди, к трансформатору подходят три провода, а выходят четыре.

Подстанция находилась в сорока метрах между баракom и домом Константина Маковского. Балон, слегка удивленный, сбегал, посмотрел и вернулся в замешательстве.

– Что, убедился?

Витька только кивнул в ответ.

– Откуда же ноль то возникает?

– Да чёрт его знает, понятия не имею.

– Эх Витюша, я уже нижнее бельё сняла, а ты...

– Не надевать же его теперь обратно.

– Придётся. При подключении трансформатора «звездой», все три фазы замыкают в обмотке – вот и получается ноль.

– Ну а как же теперь?

– Витёк, пошутила я, давай суп гороховый налью тебе.

Балон был личностью неординарной, поэтому с удовольствием выкушав суп и запив его сладким компотом, принял оскорблённый вид и немедленно удалился.

... Свадьба Василия совпала с открытием Олимпийских игр в заокеанском Монреале. После долгих прикидок и споров, решили пригласить 80 человек гостей – больше не позволяли размеры дома. Это была одна из самых весёлых и мирных (без драк) свадеб за всю историю Колычева. В качестве поварихи и гостьи одновременно, по рекомендации Балона, пригласили студентку Лену. Гости, не особо избалованные столичными застольными изысками, наперебой нахваливали её кулинарное искусство. Третий тост провозгласили за кухонную кудесницу, а она, раскрасневшись от вина и гордости восседала на покрытой половиком доске, между Мамонтом и Витькой Хитровым.

У невесты светились глаза и был безмерно счастливый вид обладательницы выигрышного лотерейного билета. Василий, опытный знаток свадебных тонкостей, пресёк все попытки выкрасть новобрачную, с целью получения выкупа и она считала его идеальным представителем мужского пола.

Заказанный в Егорьевске вокально-инструментальный ансамбль, вынужден был расположиться на широкой площадке перед домом, близ лиственницы, благо погода позволяла. Василий и раньше числился лучшим танцором, а на свадьбе превзошел сам себя. На пару ему, совершенно уже неожиданно, среди танцорок ярко выделялась повариша Лена. Трудно было представить, что столь мощная и, казалось бы, неповоротливая девица, обладает изумительным чувством ритма и так блестяще владеет телом.

Свидетель со стороны жениха аж замер во время танца от немого восхищения, и свидетельнице, выплясывающей рядом, пришлось дёрнуть ошалелого парня за рукав, дабы не отвлекался от обязанностей.

Под вечер Мамонт с Балонем заспорили на крыльце, кому провожать будущую энергетичку. Разумеется Витька и слова поперёк не сказал бы гиганту, будь он в обычном состоянии, но алкоголь придавал ему решительную красноречивость. Лена, проходя мимо, едва заметно улыбнулась – она прекрасно расслышала спор и, перешагнув порог кухни, наткнулась на мать жениха Тамару и жену Петровича, – дяди Василия, шарообразную коротышку Шурочку. Изрядно под-

выпившие женщины взяли студентку в оборот:

– Готовишь ты уж больно хорошо. – Тамара погладила её по плечу – На кого же ты учишься девка?

– На инженера-энергетика. Буду потом или главным энергетиком на заводе, может, на фабрике, или главным инженером в районной энергетической организации.

Шурочка всплеснула пухлыми руками:

– Мыслимое ли дело девке инженером быть?

Тебе замуж надо, а не инженерить с чертежами.

– У нас в основном схемы.

– Да тьфу на них. Ты на себя глянь – такая же налитая как я; детей рожай, замуж выходи, люби себе на здоровье.

– А что сначала, замуж, или детей рожать?

Бабы рассмеялись, оценив юмор и отстали.

Закатное солнце скрывалось за лесными макушками. Гости поредели и догуливали, с трудом изображая на лицах радостную оживлённость. Балон ворчливо не уступал. Лена, всё также сидя между соперниками, решительно пресекла спор:

– Никакого деления не будет! Я умею только прибавлять, или, в крайнем случае – умножать. Вот что ребятки, я когда выпью, как правило расхожусь. Вас двое всего-то, а может и пятерых не хватит. Давайте не спорьте, а местечко укромное приищите. Только чур – не вздумайте сбежать потом.

После минутного раздумчивого молчания, Витька, который первым пришел в себя, вызвался отыскать заветный уго-

лок. Серёжка Мамонт вскочил одновременно с ним:

– Вместе пойдём!

Спустя пять минут, Балон, закрыв входную дверь на железный засов, настойчиво втолковывал домашним, что кто-бы не пришел и не стал его спрашивать, отвечать, что домой он мол не возвращался.

Мамонт поступил ещё хитрее и провёл ночь в своём ЗИЛ-130, укрытый телогрейкой.

На утренней заре за Леной прибежала не на шутку взволнованная Марина. Прохладные рассветные лучи почти горизонтально заглядывали в окна. На полу рассыпались вповалку человек двадцать гостей (молодежи в основном) и хозяев. Василий ещё с вечера утащил юную жену на облюбованный им чердак. У восточной стены похрапывала Лена, закинув левую ногу на худенького, прижатого к брёвнам свидетеля, который едва виднелся за могучим женским телом.

– Ленка, подымайся скорее, завтрак готовить пора! Да ты парня задавила. Живой он там?

– Живой, – сонно отозвался свидетель – только помятый чуть...

Пройдёт совсем мало времени, и пышная девица женит этого парня на себе, перевезёт в Быково, Раменского района, но сама в деревне больше не покажется. Муж её станет приезжать в Колычёво по два раза в месяц в течении двадцати лет, напиваться со старыми друзьями по субботам, а воскресным вечером мчаться под крыло супруги. Потом приез-

ды станут случаться пореже – друзья, к тому времени поуми-
рают, благодаря реформам, а вот их детей никто и никогда
в Колычеве не увидит...

Ближе к осени власти всех уровней стали усиленно гото-
виться к юбилею Брежнева; ему исполнялось 10 декабря 70
лет. На Василия, как на комсомольского лидера дурдома, в
связи с днём рождения генсека, навалились дополнительные
обязанности по проведению идиотских мероприятий, типа
принятие дополнительных обязательств, дачи (так4 и хочет-
ся сказать показаний) восторженных рапортов об успехах,
которых в природе быть не может в принципе.

Его вызвал на беседу секретарь парткома Иван Поликар-
пович, сухощавый человек с лицом, отдалённо напоминаю-
щим аристократа с мудрым взором уставшего от жизни ал-
коголика:

– Василий Иванович, надо резко активизироваться по ли-
нии комсомола. Какие мероприятия ты планируешь прове-
сти к юбилею вождя и какие обязательства должна взять на
себя молодёжь интерната?

– Проведём собрание, организуем концерт, проведём ве-
чер воспоминаний о боевом пути Брежнева... Вот, только,
Иван Поликарпович, насчёт обязательств – не знаю. Привес
больных увеличить что ли? Глупо звучит. А довести количе-
ство сумасшедших до 100 процентов – ещё глупее.

– Ты думай парень, думай! Побольше бумаг-протоколов,
резолуций...

– Да бумаги-то, это пустяк, а как реально подойти к делу – не придумал пока.

– Придумаешь, У ТЕБЯ ГОЛОВА РАБОТАЕТ. Что касается бумаг, – это главное, что от нас с тобой требуется. Во время отчитаться – наша задача. И ещё, про знамя вверни что-нибудь.

– Какое знамя?

Наше, дурдомовское, которое в красном уголке хранится. Мол, мы свято чтим традиции... Стишок можно.

– Стих сочиню, ладно. А может про экономию лекарств ввернуть?

– О, вот это – обязательно. Кстати, как у тебя с лекарствами, со спиртом?

– Нормально, всегда с запасом. Спирт даром не тратим, только для внутренних нужд.

– Тащи.

– Что тащить?

– Внутренняя нужда пристала. Понял? Директор на обед уедет и больше сегодня не вернется, а я на кухне закуску сообразу.

И он набрал номер заведующего столовой...

Выходили два политических деятеля психоневрологического заведения по законам конспирации, в такое время, когда вспомогательные службы покинули интернат, а до вечерней пересменки оставался целый час. Через проходную они проследовали в обнимку и едва сдержались от порывов за-

петь песню.

– Вася, дорогой мой человек, придумай стишок о знамени
– вовек не забуду.

– Поликарпыч! – Василий споткнулся, но устоял – сейчас
будет, слушай:

Наш символ кумачевый, -
Священный экспонат
Висит над Колычёвом ...

-Отлично Вася, дальше.

– Дальше? Сейчас:

– Любимый интернат.

– Вася, опомнись. Он что, висит интернат?

– Пардон, изменим.

Но дальше пошло ещё хуже: «Паршивый интернат; как старенький халат; и сам тому не рад» и всё в том же духе.

– Нет, извини Поликарпыч, концовки мне не удаются...

Жизнь в стране чуднела день ото дня. Десятого декабря, среди массы подарков, наград и сувениров, Брежневу вручили водительское удостоверение на право управления всеми видами автотранспорта, на все категории, включая автобусы и прицепы, с фотографией, где на кителе только две звезды героя.

Скончался министр обороны маршал Гречко и, вопреки прогнозам, во главе армии поставили Дмитрия Федоровича Устинова, который хотя и носил погоны генерал-полковни-

ка, имел к службе такое же отношение, как допустим, дивизионный кладовщик к штурму рейхстага. Ему, а заодно и Брежневу присвоили звание «генерал армии».

Генеральный секретарь на этом не остановился и, отправив в отставку Председателя Президиума Верховного Совета Николая Подгорного, прикарманил и этот высший государственный пост.

... По весне Ирина Котелкина родила сына. Василий, став отцом, набирал всё больший авторитет в интернате. Поликарпович уговаривал комсомольского секретаря поступать в мединститут, доучиваться на психиатра:

– Василий Иванович, – говаривал он – у тебя прямая перспектива стать со временем главным врачом интерната, Дудкину (главврачу) через восемь лет на пенсию. Думай!

Жена, однако, даже слушать Василия не захотела, и он смирился, посчитав достаточным рулить комсомолом и состоять в трёх учрежденческих комиссиях.

Так в суете и хлопотах пролетело лето. В предпоследнюю субботу августа Тамара Котелкина поехала в Егорьевск за покупками. Дети за лето выросли, а Юрка так возмужал, что напоминал не пятнадцатилетнего подростка, а статного юношу. Пройдясь по магазинам одежды и обуви, любопытная женщина отправилась на так называемый Малый базар, не очень крупный городской рынок рядом с Казармами, речкой Гуслиянкой и товарной станцией.

Прежде в Егорьевске располагались два рынка – Большой

и Малый базары, в простонародье. На рынке побольше, типичном блошином, можно было купить всякую мелочь и не только, но стараниями городских властей (по указке сверху) его прикрыли, как вредный буржуазный пережиток, разъедающий основы социализма. То наследие царского режима и НЭПа, широко раскинулось близ училища UDA? Пока не было придушено.

... Тамара неторопливо брела от обувной фабрики вниз, по левой стороне улицы Степана Халтурина (по правой ходили жители казарм, которых егорьевцы побаивались и недолюбливали). Последняя вспышка летнего тепла расслабляла. В воздухе веяло похотью и авантюрой. Смутные предчувствия определенного рода томили одинокую женщину. Она, будучи дамой порядочной, старалась не изменять работникам подсобного хозяйства, без крайней необходимости, а они, входя в положение, иногда скрашивали вдовью жизнь.

Предчувствия её не обманули. Решительным шагом Тамару нагнал молодой мужичок невзрачного вида, и неожиданно низким голосом, уверенно-утвердительным тоном заявил, перехватывая сумки:

– Помогу.

– А? – Тамара растерянно смотрела на бесцеремонного незнакомца, но сумки покорно отдала, прислушиваясь к учащенному стуку сердца.

– Помогу донести, не дрейфь.

Дальше его речь полилась безостановочно, подобно неостановимому процессу окисления и эрозии. Час спустя, вытряся все сведения о вдовушке, болтливый незнакомец напросился в гости и был приглашен, под предлогом похода за грибами. Так произошло явление Стрекача в Колычево. Требуется небольшое отступление, чтобы описать этого пламенного борца за дармовую выпивку, яркая и пустая личность которого со временем затмила и другие оригинальные деревенские персоны.

Володя Стрекачев, мозги которого были девственно чисты от нужных и ненужных знаний, родился и проживал до службы в армии в городе Орел, одноименной области. Не обладая никакими навыками, кроме феноменальной приспособляемости, в дни тягот и лишений солдатского бытия, подал заявление в партию и, был принят в её лоно. Коммунистическая принадлежность прилипалы сыграла решающую роль при поступлении в машиностроительный техникум. Бог весть, как он умудрился его окончить, если чертежи читал, как, приблизительно, первоклассник – Шолохова. Ультраредкостный, даже для времен социализма хмырь сумел продержаться на орловских предприятиях до двадцативосьмилетнего возраста. Отовсюду его изгоняли за некомпетентность и пьянку, даже из партии, и он сообразил, что пора перебраться поближе к столице. На Егорьевский завод «Комсомолец», в ту пору гремевший на весь Советский Союз, его приняли сразу мастером второго цеха. В первый день он по-

казал себя как добрый, лояльный и в меру пьющий руководитель низшего звена, которого работяги приняли почти на ура. Разоблачение пришло на второй день, когда выяснилось, что новый мастер редкостный дуб, абсолютно не владеющий специальностью.

Его швыряли по цехам и службам полтора года и, поняв, что толку не будет в любом случае, предложили написать заявление об увольнении по собственному желанию. Именно в этот момент ухватился Стрекач за Тамару, как за спасительную соломинку.

Грибником он показал себя таким, что Тамара отобрала у него ножик и запретила прикасаться к лесным дарам, во избежание гарантированного отравления.

Вернулись они в обнимку, оба довольные. Разница в возрасте более чем тринадцать лет их не смутила, они расписались вскоре и Володя Стрекачев, в быту – Стрекач, поселился до смерти жены в её доме.

Дети приняли нового мужа матери по-разному:

Василий – дружески-лояльно, Юрка – равнодушно, а младшие – настороженно. Сноха Ирина делала вид, что не замечает нового мужа свекрови, едва перекидываясь с ним за день парой слов.

По утреннему холодку первых чисел сентября, Василий, с новоявленным отчимом, который был старше его чуть больше, чем на пять лет, направились в интернат. Пасынок уже договорился о трудоустройстве Стрекача в качестве брига-

дира слесарей-сантехников, шайка которых, подобно дикой дивизии, не признавала ни дисциплины, ни начальства.

По пути они нагнали барачную тройцу. Боб и Митька держались по флангам от могучей заместительницы главного бухгалтера Веры, которая сходила когда-то по-быстрому замуж, а потом вернулась в первобытное состояние и родила в этом состоянии сына Вадимку.

– Василий Иванович – лукаво промолвила Вера, – у тебя новый папа, я гляжу.

Стрекач расплылся в безмозглой улыбке. Василия слегка передернуло от досады. Митька, сохраняя с трудом серьезно-озабоченное лицо, поправил соседку:

– Вера, это бабушка, не путай.

– А так похож на племянника. – Боб покосился на юного «папу».

– Чьего племянника? – Разом спросили Митька и Вера.

– Луки Моисеевича, завсклада, которого в позапрошлом году посадили за хищение и растрату казенного имущества...

Приём на работу Стрекача, довольно скоро сказался на карьере Василия. Спирт полился ручьём. Сантехническая служба и без того аховая, пришла в полный упадок. Половину труб, кранов и вентилях бригадир-делец продал на сторону по дешёвке, в основном за водку и самогон. Канализация не работала сутками, забитая, а прочищать ее пьяная орава не спешила.

Первым забил тревогу Иван Поликарпович, которому Василий урезал отпуск «внутреннего лекарства». После нового года Василию по-свойски предложили сменить место работы, а стрекача, как не удивительно, оставили, правда уже в должности простого слесаря-сантехника.

Ирина Котелкина давно почуя неладное, частенько стала «пилить» мужа, а после увольнения, вообще устроила грандиозный скандал с обещанием развестись. Удар оказался силен. Василий два дня приходил в себя, пытаясь проанализировать и понять: что произошло?

Деревня вскоре увидела Василия, трезвого и подтянутого, щеголяющего в новенькой форме прапорщика медицинской службы. На какое-то время всё устаканилось; даже Стрекач притих, убоясь изгнания из семьи. Так продолжалось до возвращения Лёшки со службы.

Черёмуха уже отцвела, когда старшина первой статьи в тёплый и солнечный майский день вышагивал в эффектной морской форме, от автобусной остановки к дому, который не выдел три года. На дороге тут и там, особенно много под фонарями, валялись коричневые жуки, массовый лёт которых приходился как раз на предлетний месяц, в честь которого они и названы. Некоторые насекомые были ещё живы и еле передвигались, или, лежа на спине неуклюже шевелили ножками-лапками.

На лавочке, под лиственницей сидела Ирина, а рядом возился в куче песка шустрый карапуз, старательно орудуя со-

вочком.

– Здравствуй Лёша. Дома нет никого, кто на работе, кто на учёбе. Ты не голодный?

– Нет, нормально, есть не хочу, я лучше чайку попью, а потом по деревне пройдуся.

Близ шумного в обычной жизни барака стояла странно-ватая тишина, на которую он обратил внимание, когда шел час назад с коричневым чемоданом, возвращаясь в родительский дом. Обогнув барак с дальней стороны и заглянув в его внутренний двор, всегда кипящий от суеты, склок и детской беготни, он наткнулся на одиноко сидящего в кресле Боба в окружении груды мебели, сиротливо сбившейся в кучу на утопанной земле.

– Пошла масть, – Боб довольно потёр руки -будет кому помочь с переездом. Здорово Лёша!

– Что, весь барак переезжает?

– Больше половины уже в третий микрорайон перебрались, мы с Митькой – сегодня, а до осени остальные перекочают, когда последний дом сдадут.

Скрипя дверью, ступеньками крыльца и протезом, появился оживлённый языкастый хохмач – отец сослуживца и одноклассника Лёшки:

– Алексей Иванович, с дембелем тебя!

Инвалид кинулся обнимать бывшего моряка, хотя ранее ни в какой дружбе с ним замечен не был:

– А где ты Витьку подлеца потерял?

– Он в Егорьевске остался, сказал, что теперь в городе жить будет.

– Тогда ладно, приедет, в квартире мои, они его сюда отправят.

И действительно, вскоре подкатил мебельный фургон, а в кабине сидел переодетый в гражданскую одежду старшина второй статьи Витька Ряжнов. Не помочь в данном случае было бы сродни предательству, и Лёшка впрягся в работу.

После пяти вечера, когда он, изрядно испачканный, заявился домой, его ждал накрытый стол и подвыпившие родственники.

– Мам, – попросил Лёшка, умываясь – дай во что переодеться.

Тамара смущенно ответила:

– Сынок, походи пока так...

Ей стыдно было признаться, что одежду сына износил и испачкал в нечистотах Стрекач. Тот сидел пьянющий и самодовольный:

– Не дрейфь сын, справим мы тебе одёжу.

– Папаша...

И старшина первой статьи добавил ругательное прилагательное.

В июле он уже был женат на рослой Тане Куракиной из ближайшей к Колычёву деревни Зайцево, что расположилось на высоком левом берегу речки Щеленки. На работу агрономом, он вышел неделю спустя после службы. Домашняя

обстановка настолько тяготила его, что он готов был пере-
ехать к невесте за месяц до свадьбы и только правила внеш-
него приличия не позволили допустить подобного. Сразу от
свадебного стола жених перебрался к тестю с тещей, как го-
ворят, подался в зятя и до самой своей смерти остался верен
дому жены, сначала в качестве примака, а потом и хозяина.

... Василий ударился во все тяжкие со дня встречи брата
со службы. Три дня он не показывался в медсанчасти полка,
даже позвонить не удосужился. На четвёртые сутки, ближе к
обеду, прикатил на армейском уазике его непосредственный
начальник майор Воронов, возглавляющий полковую меди-
цинскую службу. Он только взглянул на подчинённого и по-
нял отчётливо и ясно: разговаривать с распавшимся на ди-
ване в невменяемом состоянии прапорщиком сейчас беспо-
лезно. После продолжительной беседы с супругой Василия,
ей было внушено, что вопрос о дальнейшей службе мужа ви-
сит на тонюсеньком волоске.

С визитом майора начался перманентный внутрисемей-
ный разлад и раздрай...

В середине лета Стрекач освоил бизнес местного разлива
в буквальном смысле. По пьяной подсказке собутыльника,
механика-расстриги Витьки Крутова, он стал обходить дере-
венские дома с предложением увеличить напор воды. Жар-
кое, душное лето, требовало большого расхода на полив, и,
если огурцы с помидорами жаждали воды теплой, в бочках
отстоявшейся, то под яблони и борозды между картофе-

ных грядок, можно было лить прямо из шланга. Понятное дело, при таком расходе, живительная влага едва сочилась из кранов. Философствующий бывший механик Крутов, который постоянно сожительствовал со многими интеллигентными дамами, одинокими, по причине излишнего ума, вывел теорию, которая гласила: хитрейшие, коварнейшие женщины, которые сто очков дадут вперёд любому мужику в бытовой интриге становятся безмозглыми овцами при малейшем столкновении с техническим прогрессом.

Стрекач решил воспользоваться подсказкой и направился первым делом к тете Шуре Зотовой, дом которой располагался на высокой части Парковой улицы. Вариант оказался беспроектный – старушка выставила не одну, а целых две «поллитры».

– Ты же меня спасёшь, – доверчиво улыбалась тётя Шура – нету сил на пруд с вёдрами бегать.

Стрекач, с каменным лицом, ликуя в душе, засунул бутылки в глубокие карманы брюк, слегка щурясь от солнца, склоняющегося к северо-западу. Воробьи-непоседы суетливо перепархивали с забора на кустарник и обратно.

Минут через пять он лез в колодезный люк, силясь не разбить ёмкости с заветным пойлом. Задумка афериста не отличалась большой оригинальностью – достаточно было перекрыть вентиль на Перспективную улицу, как на Парковой возрастал напор воды, ровно, как и наоборот. Не обладая творческим умом и воображением, балбес принялся регу-

лярно использовать простецкий приём и вскоре весть о водопроводчике виртуозе разнеслась среди старушек и одиноких женщин. Недели три слава о нём гремела и разносилась по деревенским закоулкам, пока его не разоблачил Пират, который проследил за манипуляциями прохиндея и, когда самодовольный мошенник вылезал из люка, поставил ему хороший фингал под правым глазом.

После провала водяной авантюры Стрекач не угомонился, а продолжил аферистничать в том же духе. Стыдить его было делом бессмысленным, не помогали даже побои средней тяжести. Он придерживался одному ему ведомой стратегии: сдачи не давать, на обвинения не отвечать, продолжать клянчить как ни в чем не бывало...

Василий срывался всё чаще и чаще, озлобляясь на жену, родню и сослуживцев. С друзьями отношения тоже разлаживались, лишь один Балон старался не замечать медленного погружения старшего товарища в пучину деградации. Правда, замечать ему что-либо стало в последнее время затруднительно, его усиленно, применяя целый набор женской хитрости и коварства, заманивала в сети москвичка повышенной упитанности Лена, племянница бывшего шеф-повара интерната Анатолия Сергеева. Она не отличалась красотой, но и уродиной ни в коей мере не являлась. Примчалась сия девица девятнадцати лет в деревню с определенным замыслом – выйти замуж. Откуда взялась странная цель, была ли это обыкновенная блажь, или нечто другое, остается только до-

гадиваться. Доходили потому смутные слухи, что непременный выход замуж за простого деревенского парня, являлся мезью московскому бывшему жениху. Младшая её сестра уж совсем достоверно пересказывала желание Лены привести в квартиру робкого и покорного молодого мужа, боящегося дышать в её сторону и который кинется исполнять любой каприз жены.

Балон в её списке оказался пятым и последним кандидатом на охмурение. Прочие претенденты, получив скорый доступ к телу соломенноволосой девицы с простеньким лицом жительницы Верхнего Поволжья, скоро к ней охладевали, приходя в ужас от темперамента последней. Любвеобильный и почтительный к ней Витька, тестовые испытания выдержал, если не блестяще, то весьма уверенно.

... В январе олимпийского года, когда советские войска уже третью неделю обустроивали места дислокации в Афганистане, жизнь безжалостно нанесла Василию два страшных удара – ушла жена, забрав ребёнка, а его самого с «волчьим билетом» вышвырнули из армии.

Инерционное мышление, да и сам молодой возраст не позволяли осознать, прочувствовать необратимость перемен, а регулярные воздействия отупляюще и усыпляюще действовали на мозг. Никто представить себе не мог ещё четыре года назад, что возвратившийся со службы работающий, способный и общительный парень, заводила и душа местной молодежи, умудрится так скоро попасть в алкогольную зависи-

мость и стремительно деградировать в полуинтеллигентного попрошайку. Жизнь давала ему ещё пару раз шанс кардинально исправить положение, однако он этот шанс проигнорировал. Лет десять спустя, незадолго до ранней своей смерти, он, рыдая на плече своего приятеля Витьки Балона, с горечью утверждал, что его судьба – это цепь упущенных возможностей...

Весной родился первенец в семье Татьяны и Лёшки Котелкиных – Ваня, названный в честь кривого деда. Семья жены души не чаяла в работающем и старательном зяте, который к хозяйственным хлопотам относился не как к тяжкой повинности, а с удовольствием и увлечением. Ему не нужно было рассказывать, что делать, а, скорее, притормаживать и останавливать. Любившая его без памяти тёща (редкий случай) частенько говорила:

– Лёшенька, отдохни милоч, не всё сразу. Пойдём, я тебя вкусненьким угощу.

Когда директора подсобного хозяйства перевели на должность заместителя руководителя интерната, а на место Фомина встал у руля подсобного хозяйства Михаил Дмитриевич Королёв, Лёшка пришел туда же на освободившееся место агронома...

Витька Балон женился на Лене. Свадьбу справили в Москве, в квартире на Нагатинской, где молодые и поселились. Станным образом, гостей из Колычева оказалось на торжестве втрое больше, чем со стороны невесты. Из Ко-

телкиных присутствовали Василий и Иваныч (Юрка). Василий произвёл своим красноречием эффектное впечатление на хозяев и московских девиц. Одна из старших подруг невесты даже «положила глаз» на него, с определенным прицелом. Бывший фельдшер и прапорщик заметил внимание к себе молодой особы, удвоил старания, но сил не рассчитал и сполз под стол, лишив себя надежд, а даму иллюзий.

Когда-то несуетная и размеренная жизнь деревни сильно изменилась. Никто не спешил работать в интернате и сельском хозяйстве. Большинство молодежи освоили отъезжий промысел и появлялись в Колычёве раз в неделю, а то и реже. К 1981 году на улице Перспективной осталась едва не треть населения и, даже летом, деревня перестала наполняться людьми. Тотально брошенные участки и огороды зарастали осотом и лебедой. Вокруг барака и барачовских сараев колыхался на ветру бурьян из полыни, репейника и иван-чая высотой два с половиной метра.

Редкостный урожай вишен среди всеобщего запустения странно смотрелся со стороны.

Петрович, брат Тамары, видя такое ягодное богатство, да ещё никому не принадлежащее, отправил младшего племянника Вовку в набег на бывший сад тёти Дуси:

- Нарви вишенок поспелее, давно не пробовал.
- Да ты сам, дядя Толя, сходи.
- Бестолочь! Ты что забыл – у меня ноги едва передвигаются.

Прошлой осенью, в середине ноября, он, по пьяному делу не дошел до дома и провёл ночь на легком морозе, который прихватил руки и ноги. Руки худо-бедно отошли, зато ноги передвигались как у тряпичной куклы. Его шарообразная, подобная ходячему глобусу жена Шурочка, недолго думая сбежала с детьми в родительский дом, к матери пенсионерке.

Вовка, сидя на заборе собирал ягоды в литровую стеклянную банку и, частично в рот, когда проходящий с работы Стрекач деловито предложил ему обломить ветку с вишнями покрупнее и подать ему. Одиннадцатилетний несмышлёныш, ни капли не задумываясь, повеление кретина немедленно выполнил.

– Сиди, не слезай, я ведро принесу.

– Дядя Володя, мне ведро не удержать.

– Тогда ножовку притащу – станешь ветки отпиливать, а внизу их оборвём.

Ведро они быстро наполнили, причинив урон не слишком великий поначалу. Пример, как известно вещь заразительная, особенно если он дурной, и Вовка повадился обламывать и отпиливать ветки. Пару раз его прогоняли соседи, но за детьми, тем более чужими, уследить довольно сложно и к осени великолепный вишневый сад представлял из себя жалкое зрелище.

Пока Вовка мародёрствовал к Петровичу прилепилась очередная кандидатка в жёны. Привлекло её к новоявленному инвалиду, скорее всего жильё. Вопреки неутешитель-

ным прогнозам уличных прорицательниц, tandem оказался необычайно устойчив к жизненным неурядицам и продержался до кончины, разумеется, Петровича.

Василий устроился лесником. Чернолесское лесничество предоставило ему обход в девятьсот гектаров к востоку от деревни. Работа эта располагает к созерцательности и вдумчивому восприятию окружающей жизни. Среди лесников распространены две категории людей – мыслители, склонные к философии и хапуги-рвачи, тоже философы, но иного рода.

Василий мог часами наблюдать сидя на пеньке, жизнь непоседливых муравьев, или мелких и суетливых лесных птиц. Гигантские деревья своего обхода знал наперечет, всегда останавливался около могучих стволов и прикидывал их высоту. В четырех километрах от Колычева, где-то посередине лесной дороги ведущей к Родионову, среди многих могучих и высоких сосен и елей выделялась сосна совершенно невообразимых размеров. К ней он старался подходить чуть не каждую неделю, с восторгом оглядывая выдающийся семенник метров тридцати пяти, если не более ростом и более трёх метров в окружности.

Работа пришлась ему по душе и, возможно, он сумел бы, заведя новую семью и переехав в другое жильё, вернуться к жизни, если не прежней, то вполне нормальной, но должность лесника связана с многочисленными соблазнами. В деревне всем нужны дрова, жерди, дубовые столбы и прочая мелочь, без которой не обойтись и которую приобрести хо-

чется как можно дешевле. Мелкие бесы окрестностей подстрекали без остановки к скромной лесной покраже, предлагая самогонку или крепленое вино в качестве расплаты. Добрый и мягкотелый лесник нередко шел на поводу и соглашался. Отчим, давно потерявший чувство реальности (совести у него и раньше не было), обнаглел настолько, что стал от имени Василия торговать лесом. Случился конфуз с конфликтом и доброму леснику не оставалось ничего, как набить морду зарвавшемуся негодяю. Стрекач притих на время и с месяц ходил трезвее обычного. Тамара даже хвасталась: «Мой Володя теперь в рот не берёт» ...

Брежнев едва двигал челюстями, произнося нечленораздельные звуки в речах. Великое чудо, что он осилил отчетный доклад на XXVI -ом съезде партии. Смерть уже готовилась совершить сокрушительное опустошение в руководстве СССР.

Остряк Митька, который не покинет пост истопника чуть ли не до своей кончины, отзывался о членах политбюро словами довоенной песни, чуть изменив текст: «Силён маразм и танки наши быстры».

Кардинально менять состав высшей и местных элит необходимо было раньше, лет на пять шесть, по крайней мере, а на тот момент молодым и подающим серьёзные надежды считался пятидесятилетний секретарь ЦК по сельскому хозяйству Горбачев – самовлюбленное, гнидоподобное нечто...

Следующий год начался со смерти второго лица в государстве Михаила Андреевича Сулова, главного идеолога ещё со сталинских времён. Осенью настал черед Брежнева, которого торжественно погребли на Красной площади близ мавзолея Ленина и переименовали город Набережные Челны в город Брежнев. Во время похорон загудели гудки заводов, фабрик, кораблей и поездов от Калининграда до Камчатки.

... Витька Балон, поотирался с полгода в Москве, пытаясь устроиться таксистом, потом водителем миксера-бетоноза, но не потянул нигде, абсолютно не ориентируясь в огромном городе и съехал от тещи с тестем в Колычево, на привычное рабочее место. С ним переехала и семья – жена Елена и дочь Вика. Тут подоспела сдача пятиэтажных домов птицефабрики в недалёких Михалях. Семейству Хитровых досталась двушка улучшенной планировки. Вику с полутора лет отдали в ясли, а Лена устроилась на работу в магазин. Торговая точка находилась в двадцати километров от дома, по направлению противоположном от Егорьевска. Рабочие места были и в михалёвских магазинах, и в Егорьевских, благо до города всего восемь километров, но капризная жена убедилась супруга что её место именно там, в деревне Левино.

Не успели они толком обжиться, как жена вдруг заявила о разводе, на почве, якобы, регулярных возлияний Витьки. Через месяц она допилила до того бедного мужа, что тот перебрался на старое место жительства.

Балон и Василий с размахом отметили возвращение несо-

стоявшегося москвича на улицу Перспективную. Пока они всю «квасили», на законное место Витька заселился без промедления некий прапорщик Волнышев, житель соседнего с магазином деревни Левино дома.

Доброжелатели вскоре нашептали Балону черную весть, но тот, хитрый и осторожный, решил отложить месть до лучших времён. Причина была проста – никто не желал бить морду военному неведомо за что.

Когда вернулся со службы Юрка, возможность поколотить прапорщика открылась с хорошей перспективой. На следующий после приезда день, приняв дозу горячительного, отважная пара направилась устраивать вендетту.

На звонок, дверь открыл ничего не подозревающий прапорщик в майке и спортивных штанах.

– Ну что, кусок, выходи, – зловещим голосом палач произнес: «Иваныч» – говорить будем, бить тебя маленько будем, если правильно себя поведёшь, а если неправильно – то не маленько.

Елены дома не оказалось. Коленки Волнышева завибрировали, а лицо стало заметно бледнеть. Дверь соседней квартиры приоткрылась и в щели, довольно широкой, показалось любопытное лицо известной сплетницы Каланчихи:

– Ты чей же будешь, милоч?

Вопрос относился к Юрке, которого она видела впервые, а тот не растерялся:

– Ты что бабка, не узнаёшь известного бойца скота?

Старуха закрестилась и чуть прикрыла дверь, причитая, но всё равно подглядывая:

– Свят, свят, свят, это же смертельный бой будет!

Остолбеневшего прапорщика, взяв его за руку двумя пальцами, Балон, осмелев от трусости соперника, вывел на лестничную площадку. Юрка коротко, без размаха ударил в солнечное сплетение, а когда трусоватый вояка согнулся и стал сползать вдоль стены вниз, его настиг скользящий удар по щеке от обманутого мужа. Блицкриг удался.

Вечером Каланчиха докладывала растерянной Елене:

– Ужась как били, прямо смертным боем, еле твоего мужика спасла.

На самом деле разборка ограничилась двумя перечисленными ударами умеренной силы.

Дальнейшие дела завершились уж совсем по чудному. Буквально через десять дней, прапорщику предоставили комнату в военном городке. Туда же перепорхнула Елена с дочерью. Нежданно-негаданно Балон оказался единственным обитателем хорошей двухкомнатной квартиры.

Чудеса на том не закончились. Елена, вскоре очутилась в постели прапорщикова командира, а ещё некоторое время спустя переехала к этому командиру у уютную офицерскую квартиру.

Юрка в деревне не задержался, уехал на учёбу в Быково, познакомился поближе с одногруппницей из Лыткарино и, женясь на ней, перебрался к супруге в небольшой городок у

Москвы-реки.

В начале сентября произошли две авиационные катастрофы. В Алма-Ате самолёт врезался в гору, заходя на посадку, а на Дальнем востоке советские истребители сбили корейский «Боинг», который залетел в воздушное пространство Советского Союза. Случился большой, долго не утихающий международный скандал.

Вскоре скончался Юрий Андропов, правитель, которого и уважали, и побаивались. Руководил он государством чуть больше года и запомнился своей жесткостью и чуть подешевевшей водкой. На смену ему пришел ближайший соратник и друг Брежнева, последний и дряхлый правитель старой закалки – Константин Устинович Черненко, который в меру сил притормозил все новшества предшественника.

Балон скучал в квартире. Близких друзей он в Михалях не завёл, завязывать серьёзные отношения с женщинами не решался, боясь обжечься в очередной раз. В выходной день первой половины декабря, когда толщина снежного покрова не превышала ещё десяти сантиметров, он заявился к Василию с бутылкой зеленоэтикеточной «андроповки», с ходу предложив:

– Давай устроим проводы осени, такая она выдалась необычной в этом году.

Тамара пропадала на подсобном хозяйстве (у коров выходных нет), Стрекач шакалил по деревенским улицам, а Вовка с Танькой убежали на каток.

Бутылка опорожнилась скоро. Витька сбегал за второй, и они продолжили, становясь на глазах подобревшими и многомысленно-рассудительными. Василий философствовал:

– Парадокс! У меня проблема: куда привести бабу? За-меть, у тебя этой проблемы нет, но есть другая – как не при-вести бабу, чтобы она, случайно не осталась навсегда. Кому легче?

– Идея, Василий, почти гениальная: когда тебе нужно ка-кую-нибудь матрёшку пригласить в гости – пользуйся моей квартирой.

– Отлично, если понадобится что-то похожее тебе – лес в твоём полном распоряжении.

Они обнялись и пожали руки друг другу.

Тамара переступила порог дома и, разуваясь, услышала странные речи, доносящиеся из большой комнаты. За ней впёрся Стрекач, выборматывая оскорбления в адрес одно-сельчан:

– Жмоты безголовые, стакан лишний пожалели, забыли сволочи, что вся деревня на мне держится!

– Да тише ты, послушай, что они говорят-то.

– Кто?

– Вася с Витькой-баламутом.

А выпивающая пара, услыша чей-то приход, начала пья-ненький, озорной спектакль.

– Помянем, – грустно произнёс Балон – хоть покойница была хорошей сволочью и уродиной.

– Э, не скажи, вначале красавица была – таких ещё поискать. Потом, правда, потускнела, облезла... Ладно, царство ей небесное и пусть ей что-нибудь там станет пухом.

Тамара с чумовым взглядом ворвалась в переднюю комнату:

– Вы что, ироды, Ленку убили?

Стрекач, медленно трезвея, остолбенел у порога.

Витька поднял мутновато-мудрый, свойственный регулярно пьющим людям взгляд на мать Василия:

– Тётя Тамара, без паники, мы осень в последний путь провожаем...

Восемнадцатилетней Татьяне жить, как она выражалась, в «стрекачином обществе» стало не в моготу и она, работая на швейной фабрике заселилась в фабричное общежитие, приглядывая себе жениха. Жених оказался хоть и лимитчик, но толковый и работающий технарь.

На склоне лета в доме Котелкиных справили веселую и многолюдную свадьбу, с полным набором развлечений. Остатки когда-то многочисленной деревенской молодежи, ребят в основном, слетелись подобно саранче на молодую зелень. И было чем поживиться – девицы-швеи из общежития изрядным косяком прибыли не менее охотно.

Гвоздём свадьбы стала частушечная дуэль между женой Петровича – Шурочкой и теперешней – Клавкой. Как говорил сам дядя Татьяны и её братьев: «С Тоньки начал, Клавкой закончил» ...

Домирал старый состав политбюро. Всю осень и суровую зиму ждали кончины главы государства, но он, еле переставляя ноги, протянул-таки до апреля. С ним закончилась целая эпоха, в которой выросло не менее двух поколений советских людей, они в эту жизнь втянулись и другой не представляли.

Приход к власти Горбачева страна приняла с энтузиазмом и большими надеждами. Пятнистый генеральный секретарь умел говорить долго и без бумажки. Поначалу это нравилось. Год прошел в трёпе, мутных махинациях верхушки и ожидании перемен...

26 апреля 1986 года произошла грандиозная катастрофа на Чернобыльской АЭС. Как минимум неделю её скрывали от населения страны. Масштаб случившегося станет ясен лишь годы спустя.

Горбачев выдвинул лозунги: обновление, перестройка. Болтовни стало много, а товаров в магазинах чуть поменьше. Водка взлетела в цене так, что на среднюю зарплату можно стало приобрести бутылку пятнадцать. Расцвело самогонование, а любое спиртное из-за антиалкогольной компании, приобрело ценность валюты. В Егорьевске, на заводе ЖБИ за четыре бутылки водки, ханыги давали в обмен 600 погонных метров арматуры...

Между Чернобылем и осенней трагедией круизного лайнера под Новороссийском, с огромным количеством жертв, случилось Витьке Балону стать любовником своей бывшей

жены. Тёплым июньским днём, он несказанно довольный тем, что сумел» выбить» себе третью группу инвалидности, после небольшой аварии, прогуливался по Егорьевским улицам. Возле промтоварной базы его перехватила бывшая супруга и затащила в гости в кабинет товароведа – её новое место работы:

– Хитров, мы так давно с тобой не целовались.

Смутить Витьку было трудно:

– Ну что ж, давай вспомним.

У бывшей возникли некоторые проблемы – она никак не могла забеременеть от мужа... Когда осенью семья Елены переезжала в Ленинград, так назывался в те годы Санкт-Петербург, к месту нового назначения мужа, то проблема чудесным образом разрешилась. Так бывшая москвичка стала Ленинградкой, а бравый военный заимел «своего» ребёнка.

А годы мчались. Вокруг возникали разные кооперативы, которые никудышний товар старались всучить как можно дороже. Полки магазинов пустели, как и речи «минерального» секретаря, ставшего уже надоедать народу.

Василия за систематическую пьянку сняли с должности лесника и понизили до рабочего лесного хозяйства.

Михаил Дмитриевич Королёв стал сильно сдавать (у него обнаружилось онкологическое заболевание) и Лёшке пришлось совмещать обязанности агронома и директора.

Вовка готовился к службе в армии, успешно выступал на соревнованиях и не очень успешно завязывал знакомства с

девушками.

Татьяна и Юрка в Колычёве не появлялись, увязнув в супружеской жизни.

Чудные и странные времена настали. «Огонёк» Коротича «зажигал» и мутил доверчивое население страны. Антисталинская пропаганда с каждым месяцем набирала обороты. Печатали такое, что старые коммунисты хватались за сердце, а молодежь скрежетала зубами от злости, пропитываясь ядом ненависти к собственной стране. Со всех трибун неслись призывы к пресловутой горбачевской гласности. Говорить стало можно на любую запретную тему, зато опустели полки магазинов и в СССР ввели талоны на сахар, мыло, водку, носки и прочие товары, и продукты. Если нехватку сахара можно было объяснить массовым самогоноварением, то дефицит остального, логике не поддавался.

Вновь зазвенели колокола на просторах чахшего на глазах государства. Церкви, лет пятьдесят-шестьдесят служащие складами, свинарниками и конторами, возвращались к своему первоначальному назначению...

После проводов Вовки в Армию, Василий и Балон неделю пропьянствовали под кустом сирени, не брезгуя любыми спиртосодержащими напитками типа самогона, настойки боярышника, или тройного одеколона. Продолжительные возлияния окончились для обоих драматически. Приятелей под вечер потянуло на подвиги, хотя были они, по сути, добры и незлобивы. Толи винные пары ударили в голову, то-

ли соловьиные трели их распалили. Василий вдруг заявил, что находится в полной мобилизационной готовности набить морду Стрекачу, и, не только заявил, но и направился, с трудом поднявшись с травы, к дому.

Витька решил «навести порядок» на деревенских улицах. Возле тополя, растущего между магазином и автобусной остановкой, стоял военный «Камаз», а водитель кавказской наружности, заманивал деревенских девок в увлекательную поездку на автомобиле повышенной проходимости. Двое соратников славянского вида сидели в кабине цвета «хаки».

– Кто такой? – Не очень внятно, но грозно спросил Балон, еле передвигая ноги.

– Человек, солдат, – почти без акцента ответил водитель, – а тебе до этого дела быть не должно.

– Мне до всего и всех есть дело, я тут с любым разберусь! Хочешь в рожу?

– За что?

– Да просто так, не понравился ты мне.

Витька размахнулся широко и по-пьяному неуклюже, но ударить не успел, поверженный наземь резким тычком снизу в челюсть. Пока он поднимался, бормоча ругательства и проклятия, солдат запрыгнул в кабину и Камаз укатил в сторону Бутова и Троицы.

Душа Балона вопила о мести. Девицы охотно рассказали, где искать обидчика. Оказывается, солдаты приезжают уже третий раз, машину, или две, ставят у Зайцевских гор, в без-

людном месте, сами идут в клуб, а потом, если повезёт, куролесят с местными девушками и, даже водят к этим машинам некоторых, наиболее доступных.

Витька кинулся рекрутировать войско, дабы покарать неприятеля. Долго никого не мог найти, пока не забрёл в клуб и не пожаловался двум теннисистам, которые с азартом размахивали ракетками. Мишка с Димкой, крепкие ребята, выслушали пьянчужку, спросили, сколько имеется противников и, решив, что они справятся вдвоём, при формальной поддержке Балона, выбрав берёзовые дубинки, отправились наказывать виновного, а заодно и остальных. Шли минут пятнадцать. Стемнело почти до ночного мрака. Время близилось к двенадцати ночи. Мишка весело произнёс:

– Самое время, налетим на них, как нечистая сила. А ты, Витька, почему без кола?

– Я руководить буду, вы сами справитесь.

– На руководящую перешел значит? Эх ты, потерпевший лопух.

Небольшой костерок светил одиноким маяком. Подошли поближе. Машин оказалось две. Решили подкрасться со стороны Камазов, используя эффект неожиданности.

Димка обошел автомобиль со стороны кабины, первым делом разбил стёкла с криком: «бей гадов» и выскочил к костру. Мишка подкрался со стороны кузова и вбежал почти одновременно с напарником. Балон, предчувствуя неладное, несмотря на степень опьянения, благоразумно остался за ма-

шиной.

У костра восседали семь человек в форме. Они изумленно и растеряно вертели головами ошеломленные дерзким нападением. Отступить было поздно, пришлось поработать дубинками. Часть солдат бросилась в бегство, часть встала в оборонительную позицию, а самый проворный успел стукнуть Мишку и нырнул под Камаз, выкатясь, с другой стороны, около Витьки. Испугались оба, но солдат опомнился быстрее и звезданул прямым правым под глаз Балону, а сам шмыгнул в темноту. Поверженный, которому досталось второй раз за вечер дико завопил:

– Сваливаем! Скорее! Спасайте меня!

Балон рванул на ватных непослушных ногах в противоположную сторону от удравшего вояки.

– Не разбежаться! Их мало совсем! – Командный голос первого пришедшего в себя солдата, предвещал крупные неприятности с членовредительством.

Мишка с Димкой, махнув ещё пару раз дубинками, растворились в темноте. Отыскать дурня Витьку не представляло никакой сложности, тот ковылял, охая и причитая.

Вояки опомнились и кинулись искать нападавших.

Вопрос расправы могли решить буквально секунды. Димка подбежал к привлекавшему внимание своим голосом придурку и резво ударил под дых. Оба подхватили согнутого и не дышащего Балона и затащили его в кусты, растущие неподалёку. Спасла темнота. Когда разъяренные солдаты пронес-

лись мимо метрах в десяти, Мишка шепнул бестолочи на ухо:

– Попробуй только пикни, сами придушим.

Домой добирались окольными путями, благо, знали местность досконально...

Утром, уже не ранним, Витька с похмельной головой побрёл к Василию. На площадке и ступеньках крыльца бросились в глаза многочисленные красные пятна. Из двери навстречу вышел Стрекач бледноватого вида.

– Вы кур что ли рубите на крыльце? – Балон, туповато глядя на сантехника, спросил его.

Тот отвёл глаза и невразумительно приборматывая ушёл в сторону сараев.

На пороге показалась Тамара:

– Витька, он же Васю зарезал.

Ноги Балона задрожали, замутило внутри, он отбежал шагов на пять в сторону и его обильно вырвало...

Рана Василия опасности не представляла. Стрекач, безмерно глупый, но достаточно хитрый субъект, точно рассчитал, куда можно пырнуть без тяжелых последствий. Через неделю бывший медик вернулся домой, а Витька ещё дней двенадцать носил отметину под глазом.

Отчим отделался лёгким испугом; ранку приписали неким приезжим дебоширам, которые де, распоясались, а затем от страха скрылись.

... С начала правления Горбачева, зимы стали подозри-

тельно теплыми. Полушубки, без которых раньше не обходились, сменились куртками из синтетики, не сказать, что слишком тёплыми. На эстраду повылезали невесть откуда взятые исполнители и коллективы. Всех «забивал» некий «Ласковый май», уже появились Газманов и группа «Любэ». Партию, доселе неприкасаемую, стали охаивать чуть не открыто...

Василия, Стрекача и Витьку почти одновременно выгнали с работы. Встряска получилась хорошей. Василий с Витькой отрезвели на год, отчим же, без «царя в голове», попереживал неделю и принялся за старое.

Мать поговорила с Лёшкой, как водится, поплакала. Положение полудиректора, полуагронома сложилось таким образом, что он опасался сплетен о полном захвате семьёй Котелкиных подсобного хозяйства. Трое уже работали там – мать, он сам и жена Татьяна, в должности бригадира. Сам директор, хоть и был неизлечимо болен, мог после операции (как уже случилось однажды) вернуться на своё законное место и разогнать семейку.

После долгих раздумий и сомнений, Лёшка поступил по благородному в отношении к Василию и, особенно, Стрекачу – на работу они были приняты. Жена Татьяна, попилила его потихоньку за порядочность, но он остался твёрд в своём мнении. Василий было заикнулся о Балоне, но на сей раз брат даже слушать не стал.

Витька устроился рабочим по обслуживанию птичника и

скоро отъехался на индюшатине. Ловкие ребята – Витькины напарники, поставили кражу индюков на поток и имели хороший дополнительный доход. Не раздумывая долго, он прикинул к местной шайке.

На третий месяц трезвой и сытой жизни Балон затомился от одиночества и стал внимательно присматриваться к потенциальным подругам жизни. Если под его пристальным взглядом женщина смущалась, опускала глаза, или отворачивалась, то Витька считал, что с такой дамой можно иметь дело, если же ответный взгляд был полон призывной дерзости, то он терялся, как нашкодивший пацан на уроке у строгой учительницы. Больше месяца Балон ежедневно уезжал в Егорьевск с целенаправленной миссией – познакомиться с достойной его женщиной, либо девицей. Вопрос: «Достоин ли он кого-либо из них?», перед ним не стоял; он исповедовал поисковый способ – реалистический каприз.

Изыскания в уездном центре себя не оправдали. Оказалось, что его легко обманывали косящие под скромниц срамные аферистки, которые шустро вытягивали из него деньги и выпивку. В итоге Витька плюнул на незнакомок, и перенес привередливый интерес на волостной уровень, где он знал наперечет сотни три женщин, больше половины которых – замужние. Несмотря на вздорность и некую толику глупости, Балон отчасти оправдывал свою фамилию Хитров. Он понял главное: нельзя постоянно водить в квартиру переменный состав женщин, что может создать ему репутацию лег-

комысленного бабника-ловеласа.

Всю зиму его регулярно видели прогуливающимся по микрорайону птицефабрики, Михалёвским и Колычевским улицам. Под ногами с хрустом ломался тонкий ледок, или скрипел снег, возвещая слом старой жизни и скорые перемены.

Витька ходил не просто, он, прогуливаясь, не только высматривал, но ещё рассуждал о совместимости с будущей женой, или как минимум сожительницей. И вот какие мысли ему приходили: «Люба – заведующая почтовым отделением, всем хороша, но на голову выше меня (надо же такой уродиться!).» «Женя Калачева – агроном, хороша, конечно, но коротковата – всего метр сорок ростом, но силищи в ней – немеряно, гранату закидывает на 44 метра. А ну как побьёт?» «Машка, – красива, но у нее зад не в каждую дверь протиснется. А если ещё разжиреет?» ...

С конца марта внимание Балона остановилось на Светлане, женщине скромной, но далеко не робкой, воспитательнице детского сада. Симпатичная блондинка с голубыми глазами и легкой естественной кудрявостью, была чуть выше Витьки ростом, обладала мягким и ровным характером, и, вдобавок, изумительной фигурой.

Балон надолго задумался. Решительностью он не отличался и раньше, а тут сомнения его совсем загрызли. Поделиться этими сомнениями в Михалях ему было не с кем – бывшие собутыльники его просто не поняли бы и высмеяли, а так

как он теперь не пил, то вспомнил о старом друге Василии и помчался в выходной день в Колычево. Василий твёрдо и уверенно отверг его сомнения:

– Не теряйся, не будь идиотом. Сейчас ты можешь допустить непростительную ошибку и будешь раскаиваться до смерти.

– Да как подойти к ней? Кто я – балбес, бывший пьянчуга, а она такая...

– Не имеет значения, баба, она и есть баба, какая поумнее, какая подобрее, какая покрасивее, суть от этого не меняется.

– Василий, гадом буду, подходить страшно.

– Пока тебе дураку подходить боязно, подгребёт к ней тип горногорилистой внешности с полным отсутствием мозгов и уведёт твою дамочку в свой шалаш, или берлогу, а то и к ней самой припрется. Есть возможность – не упускай её, это я по себе знаю. В общем так, давай поставим задачу – жениться тебе до 31 мая.

Ободренный Витька отправился в Михали, немедленно осуществить знакомство. Из автобуса он вышел уверенно, и мысленно подстегивая себя, поспешил к подъезду избраницы, которая жила в одном доме с ним. Каждый шаг приносил ему сомнения, а чем дальше, тем большие сомнения и неуверенность одолевали его. Он дошагал до её подъезда, столкнулся с ней нос к носу, от страха поздоровался и пыл его иссяк.

Светлана изумленно ответила на Витькино приветствие и

очень внимательно, как бы оценивая, осмотрела его, кое-что поняв на уровне интуиции.

Спустя пять дней, Василий, ругая приятеля последними словами, тащил его почти силой в детский сад, с намерением решить вопрос окончательно и бесповоротно. Вечерело. Большую часть детей разобрали по домам, а с остальными суетилась Светлана.

Василий вошел первым и хотя он молодую женщину совсем не знал, но догадался мгновенно, что это и есть предмет воздыхания приятеля:

– Привет, – довольно рискованно обратился Котелкин-старший к симпатичной незнакомке.

Она ответила растерянно-вежливо:

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, Света – Балон робко выглянул из-за спины друга.

– У вас какое-то дело ко мне?

Витька глубоко вздохнул, а Василий выпалил:

– Да, дело, жениться пришли, точнее, свататься.

Губы Светланы расплылись в усмешке:

– Что, сразу оба?

Василий, который захватил разговорную инициативу, разъяснил:

– Женится будет он, а я его только рекомендую. Человек он правильный, положительный...

– Это как?

– Как его не положи – будет правильно.

Светлана оценила юмор и рассмеялась по детски счастливым смехом...

Два дня спустя Витька перебрался в квартиру потенциальной жены, ошалевший от небывалой удачи.

В середине мая начали сдавать нервы у Василия. Он всё чаще видел, как мать прикладывается к рюмке. Злился, ругался с ней, пару раз побил Стрекача, как главного виновника, но толка от этого было мало. Не пил он уже год, тем ужаснее стало осознание куда скатился бывший прапорщик-медик, бывший комсомольский лидер и, вообще перспективный молодой человек. Вдобавок, чуть не к ужасу Василия, он стал объектом пристального внимания со стороны бывшей жены. Та недавно похоронила второго мужа, после чего, спустя короткое время, попала в сильную автомобильную аварию с жертвами и ее саму буквально собрали по кускам. Смотреть на лицо бывшей красавицы было жутковато.

Василий никогда не считал себя завистливым человеком, но тут поневоле стал завидовать Витьке Балону.

Итогом нервного срыва, домашних скандалов и домоганий прежней супруги, стал поджог дома, с целью спалить Стрекача, пока мать была занята вечерней дойкой.

Отчима спасли соседи. Пожарная машина примчалась из Михалей очень быстро, что спасло дом от полного уничтожения. Сгорела крыша и сильно пострадала кухня-пристройка...

Странно, но после пожара Василий примирился со Стрекачем и они дружно принялись восстанавливать жильё, при финансовой поддержке Лёшки. К осени заселились в обновленный дом, причём семья увеличилась на два человека. Бывшая жена, не без усилий, сумела найти подход к близкому когда-то и любимому Василию, а с ней переехал их двенадцатилетний сын.

Помог бывшему фельдшеру свыкнуться с участью пастуха дядя Лёша Безруков. Он рассказал ему историю, как повздорил однажды с инструктором райкома партии. Дело было так. Пригнали пастухи стадо на ферму и собрались топтать по домам, поспать до обеда. Прибежал взвинченный бригадир и заявил, что никто никуда не уходит, потому что приезжает большое начальство, будет краткое собрание с речью какого-то инструктора. Сначала решили – это инструктор по пастыбе скота и стали гадать: что же такого нового, раньше неслыханного он загнет? Прождали полтора часа. Заявился директор на уазике, а с ним пацан какой-то, гладенький, моденький, вида слащавого. Начал этот парень (на вид ему и двадцати пяти лет не было) нудить о роли партии в привесе крупного рогатого скота. Директор, всё понимая, скривился в гримасе от тупости инструкторишки. В красном уголке, где проходило мероприятие, раздались смешки. Партийного юношу это задело. Он, придав себе сурово-недоступный вид, спросил высокомерно: «Вы что, сомневаетесь в роли партии, которая все силы прикладывает, чтобы накормить

народ? Сами то вы каких привесов добились у коров за пастбищный период?»

Смешки перешли в хохот. Политический мальчик возмутился: в чём дело?»

Директор зашептал ему что-то на ухо, маленько сконфузя инструктора, а дядя Лёша, на правах самого старого по возрасту (он уже был пенсионером), дерзко высказал: «Мы, молодой человек, встали в три утра, километров пятнадцать со скотиной отмахали, нам отдохнуть надо, а ты, сынок, чушь порешь несусветную. Корова даёт молоко, а не привес, не путай. Почему, вообще, ждать мы тебя должны?»

Райкомовский молодец закипел: «Будете ждать сколько надо, вы же не одни у меня. Необходимо охватить как можно больше коллективов»

Дядя Лёша и тут не растерялся: «Да ты охватывай кого хочешь, только людям не во вред»

Инструктор, не обращая внимания на толчки директора, чеканным голосом, со стальными нотками отрубил: «Если вы не дорожите своим местом, мы вас быстро заменим»

Ответ не заставил себя ждать: «Это на твоё место, щенок, желающих – пруд пруди, а на моё палкой не загонишь и никакими посулами не уговоришь. Я пас, пасу и буду пасти, а ты ещё в ногах у меня поваляешься, «кормилец» ...

Балон был безмерно счастлив первые два месяца совместной жизни со Светланой, потом, просто счастлив, а под осень слегка поскутнел. Странно устроены люди. Мечтал человек

о небывалом, добился осуществления мечты и охладел. Никакой логике не поддается и здравому смыслу, но... бывает.

Светлана расписала заранее, когда они пойдут в ЗАГС, когда заведут ребёнка и какую мебель купят. Витька, выросший в полудиких условиях, плевать хотел на новую мебель. Его стали тяготить лоск, ежедневное бритьё, обязательный приём душа по утрам. Размеренный и расписанный быт непредсказуемому Витьке оказался в тягость.

Светлана полюбила латиноамериканские «мыльные оперы» с их наивными страстями, а Балон тянулся к поселившимся на экране проходимцам типа Кашперовского и Чумака.

Витькины напарники, после удачной «индейской» кражи, сбывли мясо в Коломну и уселись обмывать благополучную сделку прямо на рабочем месте, в комнате слесарей. Его не пригласили – привыкли уже видеть трезвым и не поддающимся на провокации. Тем больше было их удивление, когда Балон сам напросился в компанию.

Вечером он заявился домой пьянющий и грязный (два раза падал в лужи). Светлана, мягкая и тактичная женщина (недаром педагог), встретила его не скандалом и истерикой, а лишь укоризненным взглядом, отложив разговор с нотациями на завтра. Витька же, наоборот, ожидая ругани и молчание любимой женщины его раззадорило:

– Ну что молчишь? Думаешь, небось, какой я гад и пьянчуга?

– Витя, ложись пожалуйста, отдохни, только ополоснись под душем, а то испачкался весь.

– Чистюлю из меня делаешь? А вот лягу как есть.

– Хорошо, хорошо.

Витька разделся, по-пьяному расшвыривая одежду, неуклюже залез под одеяло и приказал:

– Ложись рядом!

– Я потом, дел ещё много.

Нетрезвое, презрительно-глумливое выражение блеснуло в глазах Балона:

– Что, отказываешь мне? Сейчас голым выскочу на балкон и всем прокричу...

Он встал и с пьяным упрямством направился к двери лоджии.

– Витенька, Витенька, пожалуйста не надо, не делай этого, – Светлана, раскинув руки, загородила дорогу – я тебя очень прошу...

Утро оказалось совсем не доброе. Едва Балон продрал похмельные глаза, находясь в мучительно тяжелом состоянии, как наткнулся на свинцовый взгляд сожительницы:

– Пять минут на сборы, дерьмо колычёвское. Какая же ты тварь неблагодарная!

Вскоре, плохо соображающий Витька – смесь глупости и беззаботности, шагал с охапкой вещей в свой подъезд, напевая известную песенку:

– Были сборы недолги...

... Осенью скончался Михаил Дмитриевич Королев и Лёшка стал полноправным директором. Подрастали трое его детей – два мальчика и дочь, самая младшая в семье.

Тамара Котелкина стремительно спивалась. Твердо зная, что женский алкоголизм не лечится, сын пошёл на крайнее средство – пригрозил уволить её без всяких колебаний. Угроза подействовала и чуть более трёх месяцев доярка продержалась без выпивки...

Наступил предпоследний год советской власти. Трансляции со съезда депутатов, привлекали к телеэкранам народ почище чем приключенческие фильмы и боевики. Люди сидели, разинув рты, не понимая, что это обыкновенная шулерская игра на отвлечение внимания.

На эстраде появилось направление, которое вскоре заполнит ее полностью – безголосые «поющие трусы».

Страна устала от самовлюбленного трепача Горбачева. Простое население относилось к нему, в своём большинстве, со скептическим презрением, иные с ненавистью. Сам генеральный секретарь с победоносным пафосом заявлял:

– У меня восемнадцатимиллионная армия коммунистов...

Пролетела зима и большая половина весны. В двадцатых числах апреля зазеленели берёзы, и Витька, окончательно выгнанный с работы, заявился к другу Василию поделиться горем, а заодно, обмыть его. Когда он с трудом втиснулся в переполненный салон «львовского» автобуса, то оказался

лицом к лицу с Митькой. Древний инвалид оставался таким же кряжистым и языкастым. Они проговорили все десять минут езды до Колычева и пришли к выводу: дело Ленина гниёт и подыхает.

Василий с грустной задумчивостью переплетал кнут, готовясь к сезону.

– Привет, ковбой, – ироничная насмешливость ещё не покинула Балона, – ты загорел как на курорте.

– Здорово. Стараюсь на воздухе больше время проводить, тут думается просторнее.

– Да, для мыслей теперь простора много. Судьба!

– Какая судьба! Ты не Балон, а болван. Такой шанс у тебя был, раз в жизни выпадает, а он, понимаешь, закапризничал. Я мирить вас не поеду, даже не надейся.

– Что ты, я и не надеюсь, больше к ней сам не подойду. Она смотрит сквозь меня, а здороваётся так, что уж лучше бы не здоровалась вовсе.

Я тут о Ленке вспомнил.

– Поздно Витёк.

– Да я не о том. Фотографию привёз десятилетней давности, когда мы купаться на Оку ездили. Помнишь?

– Ну да, как раз Олимпийские игры в Москве шли.

– Пойдём к Лепилину, пусть он с фотографии картину напишет. Ты с ним в хороших отношениях. Помоги уговорить.

– Покажи фотку.

Витька достал из внутреннего кармана куртки снимок.

– Да-а, хороша. Эх, были времена – Василий долго и внимательно разглядывал фотокарточку – ладно, идём.

Павел Александрович Лепилин, сын организатора Советской власти в Колычёвской волости, бывший педагог, был талантливым художником самоучкой. Весь его просторный дом занимали картины, большие и маленькие. Среди них встречались портреты, картины-повествования в стиле Федотова или Перова, но чаще – пейзажи, которым отдавал предпочтение самобытный живописец.

Одну его работу увезли в Германию в город Баденхаузен. Её не хотели пропускать на шереметьевской таможне (не верили, что картину выполнил художник-любитель). Германей в ту пору было две – восточная ГДР и западная ФРГ и придрались к пейзажу, скорее всего потому, что он отбывал в недружественную ФРГ.

Вошедшие приятели несли кроме фотографии, бутылку «паленой водки» – разбавленный родниковой водой этиловый спирт, который только появился на Егорьевском рынке в полуподпольной продаже.

Павел Александрович охотно выпил, выслушал посетитель и внимательно осмотрел фото.

Елена стоит в купальнике, по щиколотки в воде, наклонясь и опустив в неё руки, спиной к фотографу и, повернув к нему голову, озорно ему улыбается.

– Гениально! Я всё понял. Это станет моим шедевром.

Витька осторожно поинтересовался:

– Сколько будет стоить?

– Эх Витюшка, не в цене дело, не будь прижимистым и скупым. Договоримся, только у меня условие: вместо лица этой девки, изобразим лицо Василия. Глядите, как похожи ваши физиономии.

Он протянул фотографию друзьям:

– Какая прелестная небритость, с легкой проседью, на фоне загорелой кожи.

Василий едва не подавился, закусывая кусочком соленого огурца:

– Пал Саныч, ты с ума сошел, не вздумай!

– Вот так всегда, – вздохнул художник с огорчением, – придёт идея картины, способной будоражить публику, так крылья подрезают. Давайте так: вам я девицу нарисую, а для себя другой вариант напишу. Оставляйте фото...

12 июня 1990 года произошло два интересных события – в Колычево заявился Вовка Котелкин в гражданской одежде явно импортного производства, а Верховный совет РСФСР принял декларацию о суверенитете России. Народ недоумевал: «От кого мы стали независимы и почему Вовка вернулся так поздно со службы?»

Ответ на первый вопрос не нашли до сих пор, а что касается Вовки, то он прибыл лишь на время отпуска, подписав контракт на продолжение службы в Германии.

В воздухе витало ощущение приближающейся катастрофы. Газеты, особенно «Труд» и «Комсомольская правда»

стали выходить немислимыми тиражами. Процветали журналы «Огонёк» и «Юность», а подписаться на роман-газету стало нереально. Брожение окраин страны перерастало в полыхающие конфликты, как в Карабахе и Таджикистане. В Грузии жители Сенаки разобрали железную дорогу, чтобы «не кормить голодную Россию» ...

В январе 1991 года взбунтовалась Литва. На штурм телебашни Вильнюса был брошен Рижский ОМОН, а в город введены войска. Трусливый Горбачев сделал вид, что он ни при чем, давая своему оппоненту Ельцину, – властолюбивому алкоголику, козыри в руки.

Весной прошел референдум: быть или не быть СССР? Подавляющее большинство проголосовало за сохранение страны.

Дальше был несуразный путч ГКЧП, Ельцин, указом президента России, упразднил КПСС и, о чудо, гигантская армия в 18 миллионов коммунистов, поджав хвосты растворилась в небытие. Генеральный секретарь компартии Горбачев молча проглотил обиду и формально исполнял обязанности президента СССР ещё четыре месяца.

Началась подозрительная возня в политике. Прибыла куча советников в правительство России, в основном из США. Избранные проходимцы, прошедшие инструктаж западных спецслужб, были немедленно засунуты во власть. Осенью, эта нечисть, типа Чубайса, Гайдара, Авена, Шохина и прочих, заявила, что в стране на два дня продуктов. Уж на что

доверчив русский народ, но в эту сказку не поверил и паники удалось избежать. Зато преступность взметнулась девятым валом. Расцвели спекуляция и стихийная торговля.

Мерзейшая тварь Чубайс, даже годы спустя продолжал врать, как он спас от голода страну. Последователь Петрушки Верховенского и Шаи Голощекина, если врал просто – то от скуки, или усталости, а в большинстве случаев – вдохновенно и безудержно, но, главное – постоянно.

В стране на тот момент было 58 миллионов коров, не считая свиней, коз, овец и птицы. Только что собрали урожай. О каких двух днях могла вообще речь идти?

В России проживало тогда более 150 миллионов человек. Чтобы их накормить, нужны сотни кораблей, десятки тысяч вагонов и море грузовых автомобильных фургонов. Их требуется отправить в другие страны, загрузить, вернуться и развезти по колоссальной территории, разместить на базах, далее, распределить по магазинам... О том, что следует заключить договоры на поставку и, что в стране отсутствует валюта на закупки, говорить не стоит вообще. Чем же мы питались, по Чубайсу?

С 1 января 1992 года в Россию официально вернулся капитализм. Власти, как выражался Владимир Иванович Даль, заживовали и заживоморили. Ещё в декабре возник пародийный СНГ (союз независимых государств). Народу наобещали с три короба, а пока легковверные люди слушали сладкие сказки об МММ и прочих «Нефть-алмаз-инвестах», Чу-

байс и Красавченко провернули со своим шалманом грандиозную аферу с ваучерами. Страна и государство стремительно обнищали...

Жарким летом 1992 года, Балон, который пристроился сторожить дачи Томилинской птицефабрики, припёрся к Василию с бутылкой сомнительного спирта «Рояль». Оба переживали душевный кризис. Витька, по вздорности характера расстался с очередной москвичкой и ему необходимо было выговориться, а Василию поперек горла предупредительность жены, на которую глаза не глядели. Сын подрастал балбесом, попал в такую компанию, что и говорить –то стыдно. Пошли в одичалый малинник Лохмача, который разросся за двадцать лет подобно джунглям.

Василий предупредил:

– Мне чуть-чуть, не более двухсот граммов, коров после обеда выгнать не сумею, если напьюсь.

Болванистый Витька успокоил:

– Не бойсь, я тебе помогу.

Выпили по чуть-чуть, закусывая зелеными незрелыми яблоками. Густые заросли защищали сидящих приятелей любопытных взоров и палящего солнца.

– Помнишь Таню? – Грустно спросил Василий.

– Таньку жирную с четвертого птичника?

– Таню Иванову.

– А, помню, к Орловым приезжала. Ты ещё стишок о ней писал, никак концовку подобрать не мог.

– Так и не сумел закончить. Двадцать один год прошел, а как вчера было. И три строчки никогда не забывал.

– Давай досочиним, я в ударе и трезвый ещё.

Напомни, что там написано.

Высоко в небе носились ласточки, занятые своими птичьими делами. Между стволиками малины деловито снова-ли муравьи и мелкие жучишки, а иногда выползали настоящие жучищи и, и видя препятствие в виде сидящих людей, торопливо убегали в сторону.

Василий приподнялся, глянул по сторонам и, снова приземлясь, продекламировал:

Улица, калиточка налево,

Узкая тропинка, дальний дом.

Девушка, со взглядом королевы.

Василий едва закончил, а Витька уже сочинил продолжение:

А вокруг Гоморра и Содом.

– Да Витёк, способностей ты не потерял. На сегодняшний день подошло бы идеально. Наливай!

Они выпили ещё, потом добавили. Балон, на которого алкоголь действовал самым препоганым образом, со змеиной подколодностью ужалил:

– Вовка в отпуск приехал на машине, а подарил её не тебе – Юрке. Не уважает старшего брата!

– Помолчи. Он правильно поступил – у меня и прав нету и пью, а Юрке машина в сто раз нужнее.

Вовка сказал, что каждый год станет в отпуск на новых жигулях приезжать и всю семью обеспечит. Надо завязывать с вином. Я пью сейчас реже, чем раньше, а то, глядишь, совсем брошу.

После чего они выпили за трезвость, а через час от литровой бутылки ничего не осталось. Их развезло. Василий с пьяной жалостью рыдал на плече Витьки, а тот тупо глядел на сидящую напротив лягушку.

Положение спас Вовка. Когда он увидел спящих в малинике пьянчуг и понял, что их не растолкать, то взял кнут в руки и отправился вместо брата исполнять его обязанности. Младшие чаще становятся эгоистичнее старших сестёр и братьев, но природа так распорядилась, что Вовка оказался самым добрым и бескорыстным, готовым отдать последнюю рубашку родственникам. Даже с женой Василия Ириной, сильно изуродованной при столкновении двух машин, он был доброжелательно-предупредителен, хотя остальные члены семьи, в лучшем случае её лишь терпели...

Жара закончилась 27 августа. Умчались в неведомую даль стремительные ласточки и стрижи, не выносящие даже относительных холодов. Под облетающую листву, потянулись на юг и другие птицы – скворцы, грачи, утки, гуси и, конечно же журавли, знаменитые своими летящими клинами.

Работы на подсобном хозяйстве поубавилось. Урожай убрали, коров перевели на стойловое содержание. Мужики, собравшись в небольшой конторе, с демократичной руганью

обсуждали телевизионные новости из столицы.

Лёшка уволил-таки мать с работы; справиться с ее алкогольным пристрастием стало невозможно.

Василий до конца апреля пытался бросить выпивку. Он говорил:

– Борюсь я с пьянством изо всех сил, а оно почему-то меня неизменно побеждает. Ладно, сделаю последнюю, может быть, главную попытку в своей жизни, а то трезветь пора – на днях скотину выгоняем пастись.

К последней попытке победить алкоголь Василий приступил 30 апреля вечером, когда полетели первые майские жуки.

Шла весна 1993 года. Не без ведома властей, как минимум, по их попустительству, этиловый спирт был массово заменен метиловым. Половина водки в стране, являлась смертельным ядом и урожай отравлений с летальным исходом не заставил себя ждать. Сошел на Россию массовый мор. Кладбища разрастались ударными темпами.

Рано утром, перед рассветом 1 мая испустил дух Василий Иванович Котелкин.

Мать лила пьяные слезы, втихая прикладываясь к очередному стаканчику. Стрекач мешался под ногами, бормоча несусветную чушь. Лёшка, «Иваныч» и Татьяна занимались собственно организацией похорон, попутно отгоняя мать, отчима и дядьку с его женой Клавкой от покушений на алкогольные запасы. Вовка, вызванный телеграммой, прибыл

последним, в ночь на третье мая, успев на прощальную панихиду.

Траурное мероприятие собрало немало народа, хотя гораздо меньше, чем когда-то свадьба того же Василия. После трёх часов дня разъехались организаторы и спонсоры в лице Лёшки с супругой, Татьяны с мужем и «Иваныча» в единственном числе. Соседи разошлись ещё раньше. По выражению давно пропившего мозги Стрекача, остались «догуливать» избранные и стойкие. Какое-то время на улице стояла тишина. Часа в четыре, или начале пятого, из распахнутых окон траурного дома, полилась оптимистическая магнитофонная музыка. Во вновь построенном кирпичном доме по соседству стали гадать: что означает сие? Потом пришли к выводу, что Василий был веселым человеком и родня таким неожиданным образом решила почтить его память. Догадка оказалась неверной и очень далёкой от истины.

Когда раздались звуки гармони и послышался плясовой топот, из калитки вышла Лидия Петровна Королева и глядя на подозрительный дом крикнула соседям напротив:

– Что-то не к добру расплясались.

И тут послышался голос еле ворочащего языком Стрекача:

– Горько!

Добрая треть улицы ахнула от неожиданности. Любопытная Лидия Петровна, а за ней и Гусев Николай, пошли выяснить, что в доме свежего покойника происходит.

Сумасшедший гармонист Вася наяривал «Девочку Надю», бессмысленно полуулыбаясь. Петрович заснул за столом, не выпуская вилку с надетым на неё кусочком сыра из подвернутой под голову руки. Балон и Пират Степанович вяло спорили, а рядом сидели невменяемо пьяные Вовка с матерью. Калеченная Ирина и Клавка – жена Петровича с легкой неуклюжестью выплясывали под гармонные переливы. Стрекач возлежал на кровати в кирзовых сапогах (другой обуви он не признавал) и самодовольно ухмылялся. Отставной сантехник всегда отличался необыкновенной резвостью и прытью в нахождении повода для очередной пьянки.

На приход соседей никто не отреагировал, а Стрекач бормотнул, уставясь в потолок:

– Заодно и свадебку соорудим...

Утром Вовка проснулся в одной постели со вдовой брата и долго не мог понять, где он находится и почему рядом лежит голая Ирина...

На полу, в уголке, валялся Витька Балон, мучительно соображая: какой сейчас год и как незаметно смыться? Один глаз у него не открывался (во время пляски шарахнулся об угол гармони) а второй медленно обшаривал комнату. Почти в нос ему упиралась нога гармониста Васи в сроду не стиранный носке с прорехой, сквозь которую можно было рассмотреть грязную пятку душевнобольного музыканта.

Принюхавшись, Витька подумал: то-то мне всю ночь кошмары снились».

Под дверью скребся Пират, который уполз вечером домой, а сейчас жаждал похмелиться после вчерашнего обильного возлияния.

Там ара спала возле гармони на кухонном полу, положив веник под голову.

Ноги Стрекача были бережно укрыты одеялом, из-под которого торчали подмётки сапог. Он, единственный, проснулся как ни в чём не бывало, снял сапоги, размотал и осмотрел портянки, после чего вновь обулся и, впустив Пирата, принялся будить остальных.

Есть люди с божьим даром. Дар Стрекача был, пожалуй, сатанинский. Не встречалось такого дела, что он не смог бы испоганить. Вторым делом, после запуска в избу Пирата Степановича, придурок сорвал одеяло, которым укрывались чуднобрачные, с криком:

– Сейчас проверим невинность жены.

– Били его сообща и дружно. Потом вместе уселись допивать остатки водки, изготовленной в соседней деревне Бутово Мишкой-барыгой...

Редкостной теплоты и сухости май передал эстафету июню. До седьмого числа всё сохло и плавилось от жары. Престарелый Василий Карташов, всё такой же робковатый и малозаметный проходя в магазин мимо кирпичного дома, единственного тогда на улице, где проводила полужилой, полудачный образ жизни семейка, которая промышляла когда-то «петушками», мечтательно сказал парящемуся

на скамейке длинноволосому чернявому сторожу Заготконторы Сашке:

– Сейчас бы дождичка, да на всю ночь...

И дождь шарахнул на всё лето.

Девятого числа, когда родился Ваня Минаев, накануне дня рождения Виталия Королева, в Колычёво прибыла внушительная женская делегация. Виталию в этот день тесть подарил «жигули» шестой модели и он, измученный гордостью, примчался в деревню. Ване же не подарили ничего, кроме жизни, но он и этим был доволен. Что касается делегации, то внушительными были габариты женщин, а не их количество. На улицу Перспективную самолично приехала Таня Иванова в сопровождении тётки – Анны Орловой. Не далее, как вчера, они с почётом похоронили Владимира Орлова, который худо-бедно до 75 лет дотянул. Почёт организовали посторонние люди. Вдова подарила знакомым автомобиль, и они устроили мероприятие по высшему разряду.

Виталий завистливо глянул на Тойоту-Короллу, тормозившую у кирпичного дома напротив. Из автомобиля вышла грозная и грузная старуха и заорала почти баритоном, увидя свою миниатюрную старинную подругу:

– Надька! А помнишь...

Писать то, что она кричала на полдеревни невозможно, ибо, литературных слов там было не более двадцати процентов.

Таня, не выходя из машины, тронулась к дому Котел-

киных, она припарковалась по соседству с «жигуленком» и «москвичем», стоящими близ лиственницы. В огороде и внутри жилища чувствовалось оживление. Присутствующие с интересом рассматривали вновь прибывшую даму, солидную, красивую и одетую в вызывающе импортное платье.

– Почёт и уважение, – выскочил пьяненьким скоморохом Стрекач, – давно ждём.

– Витя, Балон, здравствуй! – Таня обрадованно крикнула, узрев, наконец, первую знакомую физиономию.

Остолбенелый, но польщенный Витька, глядел на шикарную женщину с восторженным непониманием.

– Таня, – Лёшка спустился с крыльца – вот уж не ожидал тебя увидеть.

Они тепло и по-доброму обнялись, под косые взгляды Лёшкиной жены.

Балон был глуп, но сообразителен. Он торопливо, насколько позволяло его полупьяное состояние, подбежал к монументальной московской красавице и тоже попал в приятные и неожиданные объятия. От Тани исходил благоухающий аромат «Шанели».

– А где Вася?

В объятия представительной дамы пытался пробраться и Стрекач, но был твёрдо и деликатно отвергнут.

– Вася-то где? – Настойчиво спросила Таня.

– Нет Василия. Сорок дней сегодня отмечаем. – Лёшка грустно склонил голову.

Женщина подняла руку к подбородку, и задумавшись смотрела в ни куда:

– Да, перебор, двадцать два...

Лёшка не понял:

– Что?

– Двадцать два года пролетели, надо было мне прошлым летом приезжать. И всё-таки я обещание выполнила когда-нибудь вернуться.

– А ты поплачь, – посоветовала жена Петровича Клавка, – легче будет.

– Дождь поплачет, а мне и так не тяжело, а лишь грустно немного.

Тут выпрыгнул хитрющий Балон:

– Тань, а ты как живёшь?

– Да как – сейчас одна в трёхкомнатной квартире. Работаю в Министерстве, там сплошная рутина, а в остальном – однообразно и скучно веселюсь. У самого-то семья, дети?

– Да, как сказать, один вот, а дети... дочь, а может и не одна.

– Ты не альфонс случайно? Ой, это же сам Пират Степанович, совсем не изменился, даже глаз новый не отрос.

Лёшка предложил съездить на кладбище, но Татьяна покачала головой:

– Нет, он мне живой был нужен.

– Какая у тебя машина интересная. Можно поглядеть изнутри? – Лукавый Балон решил поговорить с женщиной без

свидетелей, кое-что скумекав остатками мозгов.

Маневр удался частично. Пират «упал на хвост» и потащился за Витькой.

– Не женатый говоришь, – Таня мгновенно раскрыла его поползновения и не подав вида, подыгрывала – наверное умелый и работающий.

Балон гордо вскинулся:

– Водитель – профессионал, на любой машине могу, даже таксистом в Москве был.

– Ну! Тогда стоит рассмотреть твою кандидатуру. Усаживайся в машину. Да не за руль, рядом садись!

Пират несмело напомнил о своём существовании:

– А я? Может тоже на что сгожусь?

– Однако, господа! Неужели двух альфонсов содержать придётся? Открывай заднюю дверь, ныряй в салон.

Пират прошмыгнул на широкое заднее сиденье и осторожно захлопнул дверь, не веря своему счастью. Подковылял Стрекач, который краем уха уловил разговор, но непоняв ничего решил, что собутыльников пристраивают на некое теплое место:

– Меня тоже бери – всё могу, даже по печному.

Таня из-за приоткрытой двери поглядела на обладателя сапог с насмешливой уважительностью:

– Печник значит, да, сейчас в Москве это самая дефицитная профессия.

Балон с Пиратом ревниво и с оттенком брезгливости пере-

глянулись (зачем мол нам такой напарник?), а Татьяна продолжила:

– Может вы и дымоходы чистите?

На что Стрекач гордо и с пренебрежительным превосходством заявил:

– Сантехник пятого разряда. Любой колодец, когда он говном забьется, тросом через трубу пробью и прочищу.

Едва заметная улыбка в уголках губ, мелькнула у женщины:

– Кого, кого, а говночиста у меня ещё не было.

Отъехав на сто метров, где она оставила тетку, Таня предложила претендентам посидеть на скамейке, пока она сходит за родственницей. Те недовольно согласились.

– Не доверяет – ворчал Пират, – как будто мы воры какие (он и был, по сути, вор)

– Приучим, – оптимистично успокоил Витька, – дай только время.

Через десять минут Таня уезжала в Москву одна. Тётка решила до вечера посидеть с подругой, а неудачникам альфонсам было предложено написать заявление на имя Татьяны Ивановой, которое она заберет в следующий приезд.

– Надо вам кастинг пройти, ждите.

Пират отправился сдуру писать заявление, а Витька, который всё понял, вернулся в дом Котелкиных допивать...

Двадцать первого июня изнывая и маясь целую безалкогольную неделю, Стрекач с Пиратом, в духе времени, по-

кумекав размытыми спиртным мозгами, решили организовать замечательный бизнес. Одна могучая фирма, из тех, что гроздьями возникали в столице, выкупила школу с парком под дом отдыха. Парк и школьный сад огородили забором из сетки-рабицы, а внутри помещения сделали ремонт. Крыша школы сияла оцинкованным железом необычайной толщины.

Генка Пират числился гвардейским сторожем оздоровительного комплекса, с приличной, по деревенским представлениям зарплатой, и, хотя инфляция галопировала, а ценники в магазинах менялись чуть ли не еженедельно, его доходы компенсировались прибавкой раз в месяц, что позволяло содержать двоих дочерей. Жена Пирата сбежала осенью прошлого года с блестящим заезжим наркоманом, а подрастающих наследниц помогала растить тёще-пенсионерка.

В марте фирма благополучно разорилась, и Генка остался не то, чтобы без средств (небольшая пенсия по инвалидности у него имелась), но в крайне затруднительном положении. Они со Стрекачем и раньше проворачивали аферы – набивали мешки сырым снегом, сыпали сверху пять горстей комбикорма и впаривали доверчивым старушкам. Тот бизнес быстро сошел на нет – через неделю их уже били. Железо обещало долговременный стабильный доход, его вполне хватило бы на десяток приличных домов.

Руки новоявленных бизнесменов явно росли не из того места. Побаиваясь забраться на высоченную школьную кры-

шу, они решили выламывать листы через чердак. «Умельцы» целый день провозились и с огромным трудом добыли один помятый, изуродованный экземпляр.

Продавать потащили в дом, где не иссякали запасы самогона. Стрекач вволок огромный и тяжеловатый лист в калитку, а Пират залёг в крапивные заросли напротив. Бывший сантехник пятился задом, а в это время собака Линда, помесь овчарки и водолаза тяжелой поступью сходила по ступенькам навстречу ему.

– Почёт и уважение, – бухнул обычное приветствие Стрекач, я вот ...

Он обернулся, увидел, что разговаривает с собакой и плюнул с досады.

Старший самогонщик увидел в окно ноги Пирата, неумело замаскированного крапивой и вышел на улицу:

– Ты что припёр великий хроник?

– В лесу нашел, – Стрекач отряхнул пораненные руки, – еле от земли очистил, блестит, как новый.

– Не городи. Где ты его так помять и порвать сумел?

– Я же говорю – еле откопал.

– Вот дуремар. Что я слепой что ли? Металл новенький, только испорчен до страсти, кроме тебя так изуродовать лист никто не способен. Говори честно – со школы лист? Кто там в крапиве лежит, не Пират?

Вскоре горе-предпринимателям налили по пол-литра браги, не желая расщедриться на самогонку, а через пять минут

из Пирата вытрясли сведения о ликвидации фирмы.

Скорость распространения деревенских новостей изумлению подобна. 22 июня, трезвые и пьяные, здоровые и калечные налетели на крышу как воронье. Самые шустрые уже наверху делили участки для раскрытия. Крыша была сорвана подобно урагану...

Прошло очень короткое время и люди, принимавшие участие в мародерстве, с недоумением приходили на заросший сорняком пустырь, который ничем не напоминал бывшую школу (даже кирпича не осталось) и задавали сами себе вопрос: «Что это было?» (Подразумевается массовое сумасшествие).

Накануне Троицы в Колычёве объявился Вовка Котелкин. Он совершенно не был похож на себя – тупой, отсутствующий взгляд, полная безучастность. Его ограбили по дороге из Германии – отняли деньги, документы, машину, хорошо ещё, самого оставили в живых, что случалось не так часто – обычно свидетелей ликвидировали.

Из стрессового состояния он начал выходить лишь к осени, но окончательно не оправился никогда.

Покраснели клёны. Листья берёз за оврагами принимали всё более золотистый оттенок. Лёшка приехал к младшему брату, сраженному меланхолией:

– Вас пятеро в доме. Чем живёте, что едите? Не работает никто, а пенсию получает мать, да Ирка.

Он хотел сказать твоя Ирка, но осекся, щадя чувства Во-

вки. Да, так уж нескладно получилось, что вдова перешла по наследству к брату, хотя была старше его на пятнадцать лет...

Во время пикового противостояния парламента и президента, Володя Котелкин неофициально устроился на подсобное хозяйство. Потом был московский бунт 3 октября и последующий расстрел парламента, многочисленные жертвы с репрессиями в отношении рядовых возмущенных граждан и мягкие репрессии для высокопоставленных бунтарей...

Зима дала знать не морозами, а гигантскими сугробами.

До нового года либеральные властишки (властью их называть невозможно, ибо, они всецело зависели от заокеанских хозяев), провернули два крупных дела: провели внеочередные выборы парламента и, по-быстрому, не то сляпали, не то сварганили конституцию-насмешку. Нет, на словах там всё было прекрасно, а что касается дела... О каком деле можно говорить, если начались в стране смерти от голода (!), а призывников-доходяг отправляли в откормочные (!) роты. В основном законе говорилось: каждый человек имеет право на жилище, но даже не намекалось, как это право можно реализовать. Ничуть не лучше складывалась ситуация в так называемой, бесплатной медицине. Обнищавшие больницы не имели не то, что денег на еду, а даже, на посуду...

Правящий кагал уже банкеты запланировал, – отметить победу «демократии», как грянул гром – победила партия крикуна Жириновского, знаменитого своим высказыванием,

что мама у него русская, а папа – юрист...

Через три года вакханально-алкоголического правления Ельцина, личности, крайне сомнительных качеств, едва не наступил дефолт и доллар взлетел в цене, по отношению к рублю в космические выси. Чуть позже, к третьей годовщине кончины СССР, началась давно разжигаемая первая чеченская война...

Вовка свыкся с ненормальной домашней обстановкой, притёрся к Ирине и племяннику. Мать уже не была трезвой, приобретя типичные черты алкоголички. Стрекач окончательно потерял остатки разума, которого у него и так набирались крохи.

К весне 1995 года, Тамара окончательно слегла и ее безмозглый муж, нутром чуя, что его скоро попросят из дома, решил заработать если не на жизнь, то хотя бы на выпивку. Пришел он бить челом в строительную бригаду. Тогда только бандиты, коммерсанты-барыги, да строители-шабашники процветали.

Олуха знали как облупленного, поэтому решили его использовать в качестве «подай-принеси». Стрекач запросил в виде аванса бутылку водки. Ему налили стакан, усадили в ЗИЛ-157 и поехали воровать лес. Шла середина апреля. На полях снег сошел с неделю назад, а в лесу ещё местами лежал. Лес тогда не воровал только ленивый. Как выразался известный егорьевский лесной делец Витя Соловей:

«Если я не украду два лесовоза в день, значит этот день –

неудачный». Да, далеко было тем ребятам до последующих миллионокубовых краж и афер чиновников...

За спинкой сидения «колуна» (ЗИЛ-157) пряталась двуручная пила, не создающая шума при валке, а под ним два топора. Стрекач проявил себя асом идиотизма. Если пара виртуозов лесной кражи, управлялась за час с семью сосновыми стволами, деленными суммарно на тридцать пять резов, то у бригадира с отставным сантехником времени ушло в три раза больше.

Весенняя прель распространяла неповторимый аромат. Идиотистый Стрекач бросался бежать за полминуты до того, как дерево начинало падать, причём мчался именно туда, куда валился ствол. Бригадир бешено, но негромко матерясь (чтобы не привлекать криками внимание), в ускоренном темпе один допиливал до начала падения. Слова на Стрекача не действовали, как оказалось и подзатыльники тоже. Измученный бригадир рычал:

– Надо по городам развесить театральные афиши и призывать население посмотреть на тебя – выдающегося дурака.

На седьмом стволе Стрекач продемонстрировал незаурядную прочность черепа; такой отличался кроме него, разве что Виталий Королев. Сухая макушка, весом килограммов пятнадцать-двадцать, с треском рухнула на его безмозглую башку и разлетелась на две части. Шапка слетела, сам упал, даже не почесав ушибленное место.

Работать на деревообрабатывающих станках Стрекач ока-

зался не в состоянии, а при возведении крыши дважды был с позором изгнан из бригады.

Беда редко приходит одна. Вскоре скончалась Тамара и буквально на следующий за похоронами день его вышвырнули из дома, с которым он за семнадцать лет сроднился и которому принёс столько бедствий.

Вынырнул Стрекач в поселке Павлово, где числился больным, а фактически стал истопником при поселковом медицинском учреждении...

Вовке зажилось гораздо веселее, особенно когда съехал повзрослевший племянник.

Осенние выборы в Госдуму выиграли коммунисты и мстительно стали готовить импичмент алкоголику Ельцину. Продолжалась война. Человек двести боевиков из Чечни захватили Буденовск, перебили местную милицию и согнали огромное количество людей в местную больницу в качестве заложников, предъявив ультиматум властям. В ультиматуме стояло требование прекратить все боевые действия со стороны российской армии и немедленно вывести войска из мятежной республики.

Президента в Москве не было, а трусоватый глупец, премьер-министр Черномырдин (тот ещё ворюга), поднял свои крысиные лапки перед обнаглевшими бандитами.

Действительность жутко контрастировала. Засверкали десятками окон дворцы вельмож и нуворишей, на фоне крайней нищеты деревень, поселков и небольших городов. Обез-

людивал Север...

В январе рейтинг Ельцина упал до предела статистической погрешности, почти до нуля. Самым популярным политиком России на тот момент стал неоднозначно-сомнительный Григорий Явлинский.

Кроны высоких гладкоствольных сосен покрывали шапки снега. Вовка, пропустив пару стаканчиков, топил печку, не думая и не заботясь о будущем. Деревня потеряла почти всех жителей – на двух ближайших улицах едва набиралось десять-двенадцать человек. Скотину извели напрочь. Районные власти, выполняя неведомо кем данные установки, костями ложились, чтобы уничтожить остатки коров в частных руках. Местная газетёнка «Знамя труда», от имени уездной администрации сокрушалась: деревенские жители совсем распоясались – продают молоко в Егорьевске, того гляди кого-нибудь отравят.

Приближались выборы президента России. Ельцин не имел никаких шансов, но провернуть махинацию взялся Чубайс. Последовали скандалы, подтасовки, манипуляции, несбыточные обещания и заигрывание с народом. В газетах мусолили мутную историю с коробкой из-под ксерокса, набитую долларами. Её выносили из дома правительства два «чубайсёнка» – Лисовский и Евстафьев и были задержаны на выходе «Коржаковской» службой. Чубайс пришел в бешенство, устроил истерику у президента (не первую), и ближайший соратник алкоголика, довереннейшее его лицо, ми-

гом лишился своего поста. Коржаков, с горя, уселся писать скандальные мемуары.

Почему не стал президентом Зюганов, так и осталось до конца непонятным. Это можно объяснить разве что его рыхлостью и мягкотелостью, как политика.

Генерал Лебедь, человек не лучших моральных качеств, во второй раз сдался президенту Ельцину на милость, и, частично обеспечив ему победу, стал секретарём совета безопасности.

Сепаратисты Чечни захватили Грозный и, унизив российскую власть, заставили подписать капитуляционный мир с собой. Вошедшие в историю Хасавюртовские соглашения подписывал Александр Лебедь.

Так, в дрязгах, интригах, миллиардерском чванстве, где первую скрипку играл Борис Березовский, обнищании страны, с уничтожением передовых и конкурентноспособных предприятий, доползли до дефолта 17 августа 1998 года.

Последовал правительственный кризис. Премьер-министр – знаменитый «киндер-сюрприз» из Нижнего Новгорода Сергей Кириенко полетел в отставку со своим кабинетом. Негодяй Чубайс нацелился на захват электроэнергетики страны. Из пыльного, вонючего мешка истории, вновь был вытащен бездарный ворюга Черномырдин. На встрече с Ельциным они обнялись по старой дружбе и, казалось, он вновь проскочит в правительство, как его глава... На сей раз Госдума встала монолитной стеной на пути проходимца.

Серия думских и правительственных скандалов закончилась выдвижением в премьеры Евгения Примакова, личность которого всех устроила.

В Колычёве завелись московские дачники, а у них кое-какие деньжонки водились. Они были ещё лопушистыми, озирались на каждый шорох и абсолютно не разбирались поначалу в деревенских людях. Первое время в друзьях москвичей числились исключительно аферисты типа Пирата.

Весной вернулся с четвертой отсидки Богдан – Сашка Яснот и стал рыскать в поисках старых дружков и средств существования. Сперва он встретил Беса, пригласил его в гости, и они провели вечерок, за бутылкой, купленной Витькой. Приятель ему не понравился – после выпивки, по привычке, начал хозяина всячески критиковать. Богдан, без церемоний слегка набил физиономию Бесу и обратил взор на Пирата.

Генка ещё неделю назад получил заказ на изготовление забора в соседнем доме, где поселились дачники. Аванс он, разумеется, уже пропил и собирался выступить посредником, то есть, передоверить работу другим, имея с данного дела процент.

Богдану было предложено соорудить забор из штакетника и резную калитку. Тот почесал затылок и уныло заявил, что молоток сроду в руках не держал, а где взять штакетник – понятия не имеет. Неунывающий Генка предложил план:

– Пойдём к Вовке Котелкину, он договорится с Сашкой и

Мишкой. Они разрешат ему напилить штaketник, а калитку резную на их станках запросто можно сварганить. Ты Вовке поможешь, деньги поделите.

– А ты?

Увертливый Пират обосновано уклонился:

– Я москвичам насвистел, что у меня имеется бригада, сам я, мол, только руковожу... Доить их можно долго.

– Так, подожди, а деньги?

– Все себе возьмёте, ну меня угостите и дело в шляпе, я же не жмот.

И он назвал сумму, впечатлившую Богдана, хотя она была вдвое меньше запрошенной у хозяев.

– Тогда проси аванс, – Сашка, в предчувствии выпивки необычайно возрадовался, – потом к Вовке пойдём.

Генка нырнул к соседям, выпросил денег на три бутылки, и они помчались к Котелкиным.

Ирина когда-то училась в одном классе с Сашкой и встретила его обрадованно-приветливо.

После коротких переговоров Володи с владельцами станков, четверка рванула на дело через магазин. Пират купил две бутылки и с напутственной речью отправил Богдана, Вовку и Ирину в лес. На выходе из магазина к ним прилепилась «Баба яга», засекшая спиртное, пилу 2кремлёвку» и топор в руках троицы. Пират остался в магазине, купить ещё пузырёчек себе.

«Бабой ягой» дразнили непонятно за что молодую, сим-

патичную, любвеобильную и хорошо сложенную женщину, единственную дочь аферистичного лодыря Ивана, по прозвищу «Вдовый сын». Звали её Люба и любила она охотиться на мужиков.

Для начала расположились на травяной полянке близ ельника. Ирина достала двухсотграммовый стакан. Решили выпить за зачин. Сашка Яснов быстро прикинул в уме, что стакан водки остается лишний:

– Вовка, давай махнёмся на сегодня – тебе лишних двести граммов, а мне – бабу твою.

Он уже побывал на днях в страстных объятиях Ивановой дочери, высушившей его до дрожи в коленках и ему, хотелось более спокойного времяпровождения с женщиной.

– Да я ему свой отдам, -непонятно заявила Ирина, – мне не жалко.

– Тогда и я отдам свою долю Сашке, а напарником возьму Володю.

Люба демонстративно обняла младшего Котелкина, а он, в растерянном недоумении хлопал глазами. Потом Люба с Ириной о чем-то шепнулись и захихикали...

Через час, подпитые и утомленные мужчины валялись на траве, вяло переборматываясь, а энергичные дамы ловко орудовали пилой...

Забор можно было сделать за один день, но процесс растянулся на две недели, за которые гонорар пропили начисто, причем калитку так и не сколотили.

Пьяный Богдан с двумя умыкнутыми бутылками потихоньку ушел и заперся в доме, а Вовка с двумя подручными женщинами, кое как доколотя штакетник и даже не пытаясь приступить к калитке, увёл дам в свои владения.

В этот вечер Сашка Яснов спалил по пьяни собственный дом, пытаясь сжечь в нём своего антагониста Пана из конкурирующей криминальной семьи. Критически пьяный Пан, он же Владимир Ксенофонтов, двоюродный брат известного физика, сумел выбраться через подпол, протиснув тело в лаз для засыпки картошки, но далеко не отполз, уткнувшись в забор в десятке метров от горящего строения и, сидя под электрическим столбом, смотрел неосмысленным взглядом на пламя. Глуповато-недогадливые зрители, вытащить его не сообразили. Пан умер через два дня, а Богдан перебрался в общежитие деревни Юрцово, где вскоре сгинул не то от голода, не то от побоев...

Калитку москвичам собрали и навесили на петли владельцы станков, посмеиваясь и хуля промеж собой работу предшественников. Красивое фигурное изделие нелепо смотрелось на фоне кривобокого заборчика.

Когда уносили стамески с отвертками, мимо них, в сторону магазина, проследовал Вовка под руку с «Бабой Ягой».

Мишка спросил с ехидцей:

– Вовка! Да у тебя новая жена?

Тот ответил без тени смущения:

– Старая тоже при мне.

Когда очередная партия москвичей заехала приглядеть и прикупить дачку, они увидели идиллическую картину: Володя Котелкин держал под руки двух женщин, у каждой из которых в свободной руке находилось ведро с водой. Старая московская дура пробормотала в мистическом заблуждении, сидя на переднем сиденье Опеля-Астра:

– А нам ещё говорят о деревенском пьянстве и безработице. Смотрите, какая идиллия, какое сохранение традиций. Наверняка у этих селян имеется корова – станем покупать у них молоко натуральное...

В августе началась вторая чеченская война. Уже дважды смещались главы правительства – вместо Примакова был назначен Сергей Степашин, очень скоро смененный Владимиром Путиным.

В Дагестане образовалась так называемая Кадарская зона, живущая по своим законам и абсолютно не подчиняющаяся центральным властям. Шамиль Басаев отправился в поход на Дагестан, надеясь оторвать республику от России. Положение армии, либералистическая власть довела до критически-ахового. Пришлось вооружать простых дагестанцев и кое-как, через пень-колоду, совместными усилиями нападение отбили.

31 декабря, спасая шкуру, Борис Ельцин убрался в отставку, выдвинув преемника...

... Внешне, в доме Котелкиных царила иллюзия счастливого бытия. Вовка больше не работал – заботливые жены

кормили его, а он, понемногу выпивая, слабел с каждым месяцем. Молодой организм сдавался медленно и долго. Четыре года спустя, когда в стране и государстве произошли значительные изменения, с катастрофами, взрывами домов и метро, бегством за границу некоторых олигархов и, даже, чиновников, Володя Котелкин уже не обращал внимания на политические и экономические новости; он едва передвигал ноги, ни о чем не думая и ни к чему не стремясь. Остатки местных жителей вымерли, а летом приезжали егорьевские, раменские и московские дачники. Правда появилась молдавская семейка, на «птичьих правах» поселясь в необитаемом доме и юные сыновья виноградской республики принялись регулярно поджениваться на жительницах окрестностей, а то и московских дачницах.

Вовка умирал. Сначала он ещё выходил на лавочку, любуясь буйством весенних красок, подолгу сидел молча, думая о чем-то своём. Может быть он сожалел и раскаивался в чем-то, а, возможно, вспоминал свою жизнь. Во всяком случае, он никогда и ни с кем откровенно не разговаривал, а лишь улыбался грустно и непонятно.

Скончался Владимир Иванович Котелкин в день знаменитой аварии (скорее катастрофы) в РАО ЕЭС, когда обесточились центральные области России, включая саму столицу. Сумму убытков (неимоверную) и количество жертв (в основном косвенных, из-за отключения больниц, остановки метро, электричек и лифтов, где отдали богу душу немало

инфарктников и инсультников) от народа как водится скрыли.

Не стоит описывать пьяно-фальшивые, горестные причитания «вдов». Похороны и поминки вышли скромные и унылые.

На этой грустной и мрачноватой ноте можно было бы и закончить, но жизнь преподнесла неожиданный сюрприз. Неделю спустя, едва покойницкий дух выветрился из помещения, наследники (дети Лёшки) выселили вдовушек, а дом сдали негритянке и двум её сожителям, грузину и молдаванину.

Скептически настроенный читатель может заявить: «Чушь какая-то. Можно и получше и посмешнее придумать». Главная странность в том, что в повести нет выдумок, а только голые факты, слегка обработанные литературно.

Бывшие колычевцы, а ныне – дачники, шутили:

«Да, осталось в деревне три местных жителя».

Ранней осенью толстенькая негритянка исчезла с колычевского горизонта, прихватив с собой молдаванина. Грузин, помаясь неделю, переехал в дом «Вдовьего сына», пристроясь под бочок к «Бабе Яге» и они дружно занялись водочным бизнесом.

Северо-западные ветры обрывали багряную листву клёнов и осин.

28 июня 2020г.